

А.Г.
Брикнер

ИСТОРИЯ
ЕКАТЕРИНЫ
ВТОРОЙ

А.Г.
Брикнер

ИСТОРИЯ
ЕКАТЕРИНЫ
ВТОРОЙ

Сочинения
А.Г. Брикнера
Профессора русской истории
в Дерптском университете

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

в 3 томах

Том

2

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

ББК 63.3(2)
Б87

Оформление художника
П. Сацкого

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭПРОН»

- Брикнер А. Г.**
Б87 История Екатерины Второй: В 3 т. Т. 2. — М.: ТЕРРА,
1996. — 264 с.: ил.
ISBN 5-85255-563-0 (т. 2)
ISBN 5-85255-756-0

Предлагаемое читателю произведение выдающегося русского историка А. Г. Брикнера (1834—1896) органично сочетает в себе тщательность авторского отбора и организации исторического материала с высоким художественным уровнем и психологической точностью воссоздания личности Екатерины Великой, глубоким знанием описываемой эпохи «просвещенного абсолютизма».

0503000000-270
Б А30(03)-96 Без объявл.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-85255-563-0 (т. 2)
ISBN 5-85255-756-0

©Издательский центр
«ТЕРРА», 1996

Екатерина II

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Внешняя политика

ГЛАВА I

Личное участие Екатерины во внешней политике. Первые действия

Еще во время царствования императрицы Елизаветы великая княгиня Екатерина занималась, как мы видели, вопросами внешней политики. В ее заметках, писанных незадолго до вступления на престол Петра Федоровича, встречаются рассуждения вроде следующего: «Мир необходим этой обширной империи: мы нуждаемся в населении, а не в опустошениях... Мир нам доставит более уважения, чем случайности войны, всегда разорительной»¹.

Также и по своем воцарении Екатерина утверждала, что Россия, по крайней мере в продолжение нескольких лет, нуждается в мире.

В то же время, однако, императрица желала иметь влияние и вес в Европе. Ей приходилось поправлять ошибки, сделанные ее предшественниками. Россия должна была поступать вполне независимо от Австрии и Пруссии в вопросах внешней политики. При Елизавете Австрия имела влияние на Россию. Петр III разыгрывал роль вассала Фридриха II. Екатерина желала действовать безусловно самостоятельно. Этим самым она вскоре доставила России большое значение в общеевропейских делах. Другие державы тотчас же после вступления на престол Екатерины должны были принимать в соображение виды

¹ «Сб. Исторического общества», VII, 85.

русского правительства. Екатерина умела воспользоваться разладом между Австрией и Пруссией. В польском и восточном вопросах Екатерина действовала по своему усмотрению, принимая в соображение слабость соседних держав; она старалась всеми мерами поддерживать влияние России на Швецию; раздробление Германии оказалось удобным средством для вмешательства в германские дела; Англия и Франция более чем когда-нибудь чувствовали силу и влияние Петербургского кабинета. Все эти успехи свидетельствуют о необычайной способности Екатерины к занятиям внешнею политикою. Во все свое царствование она оставалась чуждою всякой предвзятой системы или какого-нибудь отвлеченного доктринаризма в области междугосударственных сношений, руководствуясь в каждом данном случае лишь выгодами России. При этом она действовала постоянно вполне независимо от влияния фаворитов и министров. Взгляды и мнения Екатерины всегда брали верх над желаниями Панина, Потемкина и других. Она была своим собственным министром; ей исключительно как вообще, так и в области внешней политики принадлежала инициатива. Это обстоятельство было особенно приятно иностранным дипломатам при русском дворе, усиливая, впрочем, лежавшую на них ответственность. Весьма часто императрица беседовала с представителями других держав о делах, обнаруживая при этом необычайное знакомство со всеми частностями политических вопросов.

Сановники, руководившие внешнею политикою при Екатерине, служили лишь исполнителями воли императрицы и должны были довольствоваться ролью ее помощников. Нельзя сравнивать значение Панина или Безбородко с тою ролью, которую играл Бестужев при Елизавете, или с тем местом, которое занимал Кауниц при Марии Терезии. Панин как государственный человек имел большее значение, чем Безбородко, превосходивший Панина рабочей силой и способностью в технике дела. Однако ни тот ни другой не могли иметь влияния на взгляды и убеждения Екатерины. Когда императрица в 1780 году заменила близкие отношения к Пруссии тесным союзом с Иосифом II, Панин был крайне недоволен этою переменою в

направлении внешней политики России; однако Екатерина, не обращая ни малейшего внимания на Панина, шла своим дорогом в избранном ею направлении. Считаясь номинально министром иностранных дел, Панин, до тех пор пока оставался верным своей прежней системе, основанной на союзе с Пруссией, был лишен всякого значения. Безбородко, заведовавший внешними делами во второй половине царствования Екатерины, был податливее Панина и поэтому сохранил свое положение до следующих царствований. Екатерина умела воспользоваться его талантами для частностей внешних дел; что же касалось до направления действий, то императрица не нуждалась в советнике или руководителе.

Не без основания императрица надеялась на собственную силу; она могла быть довольною успехами своего царствования во внешней политике. Панин в 1773 году в наказе, составленном им для князя Барятинского, характеризовал вообще политику Екатерины следующим образом: «Руководство общими делами разделяется главными державами по мере умения каждой себе его присваивать. До царствования великой Екатерины, Россия при всех своих успехах в прусской войне, играла только второстепенную роль, выступая везде вслед за своими союзниками. При вступлении ее величества на престол, в Европе были две стороны: в первой находились Франция и Австрия, за ними Испания и значительная часть имперских князей; на другой стороне были Англия и король прусский. С первую в союзе находился король португальский и некоторые имперские князья, с последним же сделался вдруг из неприятеля теснейшим союзником император Петр III; следовательно и тут Россия, переменяя политическую систему, оставалась все же в значении державы, от посторонних интересов зависимой... Чем меньше влияния могла иметь Россия, вследствие скоропостижного перелома, совершенного в ее политике Петром III, в этих мирных переговорах, которые основывали будущее положение всей Европы, тем труднее было ей приобрести его впоследствии. Мудрость и твердость ее императорского величества превозмогли, однако, скоро эту трудность, и свет увидел вдруг с удивлением, что здешний двор начал

играть в общих делах роль, равную роли главных держав, а на севере — первенствующую¹.

Личное значение императрицы Екатерины в области внешней политики особенно рельефно обнаруживается в ее прямых сношениях с разными коронованными лицами, а именно в ее переписке с Фридрихом II, Иосифом II, Густавом III.

Недавно была издана переписка между Фридрихом II и Екатериною². Она обнимает время от 1762 до 1781 года и заключает в себе 181 письмо, большею частью представляя собою собственноручные письма короля и императрицы. Главным предметом обсуждения в них служат польские и турецкие дела. И императрица, и король обращают большое внимание на внешнюю форму писем, соблюдая при этом некоторые правила этикета. Однако в оживленной беседе между этими коронованными лицами, имеющей иногда характер остроумной болтовни, есть много веселости, игривости. Compliments, лесть — занимают в этих письмах видное место. Средоточием переписки остаются дела; в них оказывается главной чертой холодный расчет двух государей, бывших каждый своим собственным министром иностранных дел. Фридрих и Екатерина отличаются при этом случае замечательным политическим искусством. В продолжение без малого двух десятилетий союз между императрицею и прусским королем оставался в полной силе. Бывали, впрочем, минуты некоторого охлаждения в сношениях между Екатериною и Фридрихом и до 1780 года. Так, например, во время турецкой войны, около 1771 года, Фридрих был недоволен императрицею и, наоборот, Екатерина была раздражена образом мыслей короля. Собственноручные письма заменяются несобственноручными. Вообще же, интересы России и Пруссии во все это время шли рука об руку, и потому переписка между Фридрихом II и Екатериною оставалась до 1780 года делом необходимости. Иногда Фридрих и Екатерина посылали друг другу подарки, и нередко в своих сношениях затрагивали частные дела. Вся эта переписка заключает в себе богатый материал для

¹ Соловьев, XXIX, 74—75.

² Сб. Ист. общ., XX, 149—395.

характеристики императрицы и короля и для истории политики России и Пруссии во второй половине XVIII века.

Личные отношения Екатерины к вопросам политики еще более проглядывают в ее переписке с императором Иосифом II¹. Со времени пребывания Иосифа II в России, отношения его к императрице принимают характер личной дружбы и самого тесного политического союза. Так как Иосиф II и Екатерина любили действовать вполне самостоятельно, сами управляли всеми делами, сами заботились и знали обо всем, то, конечно, они для своих сношений и переписки друг с другом мало нуждались в помощи своих канцелярий и секретарей: такая помощь или посредничество министров и дипломатов были бы несовместимы с характером их царствований вообще, но и представляли бы некоторые неудобства, потому что в письмах своих и император, и императрица нередко высказывали чисто личные мнения, а иногда и секреты. За исключением весьма немногих писем, составленных в тоне официальных документов, дипломатических нот или договорных грамот, все письма имеют характер частной дружеской корреспонденции, в которой важнейшие политические вопросы трактуются наравне с семейными делами. О привитии оспы великим князьям Александру и Константину говорится в том же тоне, в каком обсуждается вопрос об изгнании турок из Европы; пребывание цесаревича Павла и Марии Федоровны в Вене оказывается столь же важным предметом переписки, как вопрос об обмене Нидерландов на Баварию; за революцией в Нидерландах Екатерина следила не менее внимательно, нежели за случавшимися болезнями императора. Впрочем, обсуждение политических вопросов в этих письмах занимало весьма видное место. Иосиф, переписываясь с Екатериною, иногда прибегал к советам князя Кауница. Екатерина иногда показывала свои письма к Иосифу, до их отправления, своему секретарю Храповицкому. Иосиф и Екатерина близко знали друг друга. Екатерина умела ценить способности и уважала благородные стремления императора; отча-

¹ «Joseph II und Katharina von Russland». Briefwechsel, herausgegeben von Alfred Ritter von Arneth. Wien, 1869. См. мою статью в «Журнале Министерства народного просвещения», CXIX, 82—139.

сти, однако, ее суждения об Иосифе походили на не особенно благоприятные отзывы о нем Фридриха II. Иосиф, уважая Екатерину, считал ее необычайно тщеславною. В записке к Кауницу он замечает, что в письмах к ней нужно по возможности более льстить, чтобы достигнуть желаемой цели, выгод для Австрии чрез союз с Россией. И действительно, значительная часть писем Иосифа и Екатерины наполнена любезными фразами и пышными льстивыми выражениями. Но есть письма, свидетельствующие об искреннем уважении Екатерины и Иосифа друг к другу, о настоящей дружбе, об истинной благодарности. Личные отношения Иосифа и Екатерины, однако, обуславливались обоюдным убеждением в выгодах австро-русского союза.

Приблизительно таков же характер переписки Екатерины с польским королем, Понятовским, со шведским королем, Густавом III и другими. Везде встречаются остроумная игривость, склонность к шуткам и колкостям, в тесной связи с необычайною ясностью и проницательностью в отношении к политическим вопросам, полнейшее понимание частных и техники политических дел, соединенное с блестящим литературным талантом. Все это обнаруживается и в переписке императрицы с находившимися при иностранных дворах русскими дипломатами, с разными полководцами, сановниками и другими.

Переписка Екатерины с Гриммом и Вольтером, с г-жами Белье и Жофрен, с Циммерманом и другими — занимает также довольно видное место в истории внешней политики этого царствования. Хотя в письмах императрицы к этим лицам политические вопросы затрагиваются лишь как бы случайно и мимоходом, тем не менее многие заявления Екатерины в этих письмах имеют, так сказать, значение официозной печати. Путем частных писем к разным лицам Екатерина имела влияние на общественное мнение в Западной Европе в отношении к России. Здесь она старалась противодействовать распространению разных ложных слухов, любила говорить о громадных средствах, которыми будто бы располагала Россия для достижения высоких целей и проч. Таким образом, императрица, не довольствуясь управлением делами, объясняла в публицистической форме частной корреспонденции свои взгляды на разные пред-

меты, свои желания и намерения, мотивы своих действий, опасения, надежды и проч.

Екатерина, самолично вникая в частности вопросов внешней политики, отличалась необычайною способностью для дипломатического искусства. Весьма часто ей приходилось вести переговоры о делах с высокопоставленными лицами. Она любила устраивать свидания с важными политическими деятелями. Приезд принца Генриха Прусского в Петербург в 1770 году занимает важное место в истории первого раздела Польши; второе свидание между Екатериною и братом Фридриха Великого состоялось в 1776 году. Путешествие Иосифа II в Россию в 1780 году сделалось исходной точкой тесного союза между Австрией и Россией, существовавшего до 1790 года; второе свидание между Иосифом и Екатериною, в южной России в 1787 году имело важное значение в истории восточного вопроса. Густав III прибыл в Петербург в 1777 году с целью лично познакомиться с Екатериною; второе свидание между ними происходило в 1783 году, в Фридрихсгаме. При таком личном участии императрицы в делах внешней политики, ее министры, как, например, Панин, Остерман, Безбородко, должны были довольствоваться скромной ролью исполнителей ее воли, редакторов ее мыслей. Иногда министры императрицы не узнавали вовсе о содержании подробных бесед Екатерины с иностранными дипломатами. Иногда она несколько часов разговаривала о делах с представителями других держав, как, например, с английским послом Геррисом, с французским дипломатом Сегюром и другими. Из записок этих государственных деятелей видно, в какой степени Екатерина умела соединять прелесть салонной беседы с ответственностью, всегда сопряженною с занятиями политикою. Все собеседники императрицы восхищались ее способностями, ее личностью, все удивлялись ясности ее суждений, проницательности ее ума, подробному знанию дела, красноречию.

Фридрих II в своих записках замечает, что весть о государственном перевороте в России была для него громовым ударом. Вступление на престол Петра III за полгода до этого было для

прусского короля спасением от крайней опасности. В минуту воцарения Екатерины никто не мог предвидеть, каковы будут при новом царствовании отношения между Россией и Пруссией. С разных сторон было высказано предположение, что Екатерина в отношении к Фридриху последует примеру Елизаветы Петровны. Это предположение преобладало, между прочим, и в кружках военных. Генерал Салтыков, который должен был при Петре III очистить места, занятые при Елизавете русскими войсками в Пруссии, тотчас же после получения известия о воцарении Екатерины, не дождавшись приказаний, вновь занял только что оставленные позиции. Вскоре оказалось, что военная операция не соответствовала желаниям Екатерины¹.

Императрица не думала вовсе о возобновлении войны с Пруссией. Она, напротив, поручила генералу Чернышеву, находившемуся при Фридрихе II, сообщить королю о своем намерении держаться твердо союза, заключенного ее предшественником с Пруссией. В то же самое время, однако, она приказала Чернышеву возвратиться с войском в Россию. Фридрих II убедил русского полководца остаться при нем еще три дня, так что австрийские генералы не могли составить себе точного понятия о намерениях России. Этим временем воспользовался король для того, чтобы разбить австрийского фельдмаршала Дауна, начать осаду Швейница и таким образом достигнуть значительных выгод. Можно думать, что Чернышеву, точнее чем Салтыкову, были известны виды императрицы. Она, в своем манифесте при восшествии на престол, говорила о Фридрихе в резких выражениях лишь с той целью, чтобы и в этом отношении порицать образ действий Петра III. В сущности, она не желала войны с Пруссией. Прусский дипломат Гольц во время царствования Петра удалялся от Екатерины, чтобы не лишиться расположения императора; Екатерина тотчас же после своего воцарения распорядилась о личной безопасности прусского дипломата и велела сообщить ему о своем намерении оставаться в дружбе и союзе с Фридрихом II.

¹ См. циркулярную депешу к русским дипломатам от 16 августа 1762 г. в «Осьмнадцатом веке», I, 74.

Таким образом, король имел возможность в письме к Екатерине от 7 (18) июля поздравить ее со вступлением на престол и выразить надежду на поддержание «доброго согласия и единомыслия, установившихся между нациями». Отвечая королю, Екатерина намекнула на «чрезмерную ревность» Салтыкова и на приказание, данное Чернышеву «для устранения недоразумения в Пруссии»¹. Достоинно внимания то обстоятельство, что императрица отправила свое письмо, не спрося никого из русских сановников и не сообщив никому из своих министров о содержании этого чрезвычайно важного документа².

Вскоре, однако, Гольцу было сообщено, что миролюбие Екатерины обуславливается готовностью Фридриха содействовать безотлагательному окончанию войны. Очевидно, императрица питала надежду, что при этом случае на ее долю выпадет роль посредницы между Фридрихом и его противниками³.

Князь Репнин, находившийся в это время в качестве дипломата при Фридрихе II, в первой депеше своей новой императрице, от 12 июля, из лагеря при Бегендорфе, описывал, как он известил Фридриха II о событии 28 июня, когда король еще не знал, что распоряжения Салтыкова не одобрены в Петербурге. Во все продолжение разговора король, по словам Репнина, «весьма был смутен, опасаясь чрезвычайно, чтоб не разрушилось как настоящее согласие между им и императрицею. Вечером король опять призвал к себе Репнина и расспрашивал, не может ли он дознаться, что подало повод сделанным в Пруссии объявлениям (по поводу обратного движения русских войск), не сомнение ли какое, чтоб он, по прежним обязательствам, хотел каким-нибудь образом препятствовать царствованию императрицы; при этом Фридрих уверял, что так как бывший император сам письменно отрекся от престола, то против такого обнародованного доказательства никому идти нельзя, и что он, хотя бы

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 151—152.

² См. письмо Гольца к Фридриху II в соч. Шлецера «Friedrich der Grosse und Katharina II». Berlin, 1859, 108—109.

³ См. статью Мартенса о России и Пруссии в «Вестнике Европы», 1882, май, 226—239.

и хотел, но собственные его дела к тому бы его не допустили; наконец, он тотчас же признал Екатерину царствующею императрицею. Фридрих требовал также, чтобы Репнин донес императрице, угодно ли будет, чтобы барон Гольц остался министром при ее дворе¹.

Русский дипломат Корф, находившийся в Берлине, когда там было получено известие о перемене в России, писал Екатерине: «Когда там узнали о вступлении на престол вашего величества, ужас был так велик, что королевскую казну ночью отвезли в Магдебург»².

Во всяком случае, на первых порах Фридрих не доверял безусловно расположению к нему императрицы. Когда Репнин старался успокоить его, то король потребовал, чтоб он изложил свои уверения на бумаге, которую можно было бы показать иностранным министрам; но Репнин на это не решился. Когда затем Репнин предлагал королю добрые услуги России для заключения мира, Фридрих не изъявил готовности принять это предложение.

Между тем вопрос о посредничестве не переставал занимать Екатерину. В конце июля она предложила своим советникам некоторые собственноручно написанные пункты об этом предмете³. Ответы соответствовали большей частью видам Екатерины⁴. Особенно важным казался вопрос: оставить ли войска Чернышева в Германии для поддержания дипломатических действий России или отозвать их обратно в отечество? Почти все сановники требовали оставления войска за границею. Голицын указывал на опасность, грозившую всем соседям со стороны Пруссии. Екатерина решила: возвратить войско в Россию. Одновременно она поручила Репнину понуждать прусского короля к миру с Австрией и Саксонией.

Однако Фридрих обнаруживал намерение овладеть Саксо-

¹ Соловьев, XXV, 189—190.

² Там же, 202.

³ Там же, 192.

⁴ Ответы Волконского в «Осьмнадцатом веке», I, 80—82.

нией; когда Репнин стал представлять ему об очищении этой страны, король начал обходиться с ним холодно, так что Репнин просил у императрицы позволения уехать из лагеря в Берлин, чтоб «не подвергнуть неучтивости свой посольский характер». Когда Репнин заговорил о конгрессе, Фридрих ответил, что на конгресс никак не согласится. «Король, — доносил Репнин, — когда я чуть коснусь этой материи или восстановления мира, прерывает разговор и с неудовольствием от меня уходит».

Екатерина собственноручно написала иностранной коллегии инструкцию для передачи Репнину: «При пристойном случае князю Николаю Репнину в разговоре внушить королю прусскому, будто бы от себя, что видимая его склонность к войне может удержать меня от вящей дружбы с ним, королем, хотя некоторые между нами есть сходственные интересы. Когда королевские речи покажутся склонные к войне, тогда посланнику подавать виды склонности к венскому двору; а когда к миру покажет желанье, тогда на его сторону говорить, показывая при всяком случае крайнее мое желанье видеть мир и тишину». «Сомневаюсь, — отвечает Репнин, — чтоб можно было склонить короля к какой-нибудь уступке; разве сделать это силою оружия, а иначе невозможно».

26 ноября Репнин имел разговор с министром иностранных дел, графом Финкенштейном, причем представил решительно о необходимости очищения Саксонии и вознаграждения ее, без чего прочный мир невозможен. Финкенштейн сказал: «Прежде с русской стороны упоминалось только об очищении Саксонии, а теперь пошло дело уже о вознаграждении». Во все время разговора, доносил Репнин, Финкенштейн был в великой торопости, говорил дрожащим голосом, сам дрожал¹.

Таким образом, Фридрих II легко мог убедиться в том, что от посредничества России нельзя ожидать значительных выгод для Пруссии. Поэтому он должен был желать заключения мира без содействия Екатерины.

Около этого времени король и императрица обменивались

¹Соловьев, XXV, 199.

письмами, в которых обнаруживаются необычайные дипломатические способности обоих государей.

Императрица писала из Москвы 17 ноября 1762 года между прочим: «Я чистосердечно сознаю, что принятая мною система не может одинаково нравиться всем моим друзьям... но я следовала в этом случае правосудию, интересу своей империи и своей любви к истине... одним из первых моих дел было подтвердить мир и упрочить единомыслие, установившееся между нашими государствами. Граф Чернышев полагает, что заметил желание мира в вашем величестве и что мои добрые услуги были бы приятны вам... между тем я с огорчением вижу, что эта счастливая минута, вместо того, чтобы приблизиться, — отдаляется все более и более; мне говорят со всех сторон, что ваше величество противится тому и, правда, все, что я могла предложить вам, не достигло цели...; признаюсь, разногласие наших мнений радует тех, кто ничего не ищет, как только видеть несогласие между нами... скажу вам просто: не найдется ли способов к заключению мира?... Я могла бы действовать иначе; я имела к тому средства в руках и имею их еще доселе; ваше величество слишком проницательны, чтобы не видеть того, что вынуждает меня говорить с вами таким образом, — это желание, чтобы не было между нами разлада... я знаю, что венский двор склонен к миру. Я могла бы передать вашему величеству сделанные откровенные сообщения, если бы могла ожидать того же со стороны вашего величества, но, к несчастью, вы отказались от того, и я сильно опасаясь, что мои личные намерения останутся без исполнения и что я буду вовлечена в планы, противные моим желаниям и склонностям, равно как и чувствам искренней дружбы к вашему величеству».

Фридрих отвечал из Лейпцига 22 декабря, что письмо Екатерины, которое, в сущности, заключало в себе угрозы, доставило ему величайшее удовольствие. «Я знаю, — продолжал король, — тех, кто обвиняет меня в нежелании мира: это британское министерство, желающее, чтобы я пожертвовал своими интересами... До сих пор число моих врагов не заставило меня заключить мир... в настоящее время, когда императри-

ца-королева находится почти в разобщении со всеми, можно надеяться, что она возымеет более умеренные намерения... Кто лучше желает мира: австриец ли, желающий одерживать победы, или пруссак, требующий только того, что принадлежало ему?.. Ваше величество объявили с самого начала своего царствования, что не желаете вмешиваться в эту войну и допускаете решить ее участь тем, кто вовлечен в нее... я достиг некоторых выгод, доставляющих мне возможность вести переговоры на более выгодных условиях, чем прежде... я хотел просить вашего посредничества для мира, который должен отложить ныне, не зная, на что положиться... Добрые советы вашего величества будут немало способствовать к смягчению непреклонности некоторых слишком мало уступчивых умов, и проч.¹

Екатерине понравилось это письмо короля. Увидя прусского посланника на придворном маскараде, она, поговорив с ним сначала о посторонних делах, прибавила еще вполголоса: «То, что вы прислали мне вчера, доставило мне чрезвычайное удовольствие; прошу вас благодарить короля от моего имени»².

Граф Сольмс, прусский посланник, прибывший в Москву в конце ноября 1762 года, беседуя то с императрицею, то с Паниным, Воронцовым и Голицыным, старался устранить от дел графа Бестужева, недаром считавшегося завзятым противником Пруссии. Приехав 18 декабря к канцлеру на вечер, Сольмс вступил с ним, под видом разговора, в подробные рассуждения о делах. «Король, мой государь, удивляется, — начал Сольмс, — как сильно ее величество изволит интересоваться саксонским двором, когда тот поступками своими не только не заслуживает заступления ее величества, но более достоин мести за радость, оказанную им при известии о заговоре (Хрущовском) против ее величества; я могу уверить, что при этом случае дрезденский двор везде разглашал в Польше, что хотя первое покушение было и неудачно, однако новое покушение, которое

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 158—162.

² Reimann. «Neuere Geschichte des preussischen Staats». Gotha, 1882, I, 48.

последует в ноябре, непременно произведет перемену в правлении».

Таким образом, прусское правительство старалось повредить своим противникам в глазах Екатерины, однако отношения между нею и королем еще некоторое время оставались неопределенными. В декабре 1762 года Фридрих писал к Финкенштейну: «При настоящих обстоятельствах надобно выигрывать время и идти потихоньку. До сих пор я не знаю, в каких отношениях мы с Россией; я имею важные причины думать, что там не захотят разорвать с нами... я не думаю, чтоб Австрия имела большое влияние в Петербурге»¹.

Король был прав: не было основания ожидать сближения России с Австрией.

Получив известие о государственном перевороте 26 июня, Мария Терезия собственноручным письмом поздравила Екатерину с восшествием на престол. «По моему мнению, — писала императрица-королева, — после покойной императрицы Елизаветы никто не мог быть достойнее престола и никто не мог достойнее заменить ее в моем сердце, как ваше величество. Жажду случая доказать вашему величеству мои чувства. Я так много полагаюсь на проницательность и взаимную вашу ко мне дружбу, что надеюсь от нее всего, чего только требуют наши общие интересы и чего можно ожидать от вашего великодушия». Ответ Екатерины заключался в общих уверениях дружбы².

В разговорах с Воронцовым, Голицыным и Паниным австрийский дипломат, граф Мерси, к крайнему своему неудовольствию, должен был слышать повторения одной и той же фразы, что Россия нуждается в мире. Начали говорить о медиации России при предстоящем заключении мира. Вскоре Мерси мог убедиться в том, что Австрия ни в чем не могла надеяться на Россию. Он объявил в конференции 20 августа, что между заявлениями русских министров и манифестом, опубликованным при восшествии на престол императрицы, су-

¹ Соловьев, XXV, 200—201.

² Там же, 223—224.

существует противоречие, именно, подтвержден с Пруссией такой мир, о котором в манифесте всенародно объявлено, что он заключен с самым опасным для России неприятелем с ущербом славы русского оружия. Заявления Мерси легко могли привести в раздражение русских министров¹. Когда со стороны Панина было сделано предложение о медиации, Мерси отклонил его, заметив, что австрийский двор смотрит на русский, как на союзный, а не нейтральный². При таком положении дел дипломатическая деятельность русского посла в Вене Голицына, не могла иметь успеха. Одновременно через Голицына из Вены и через Репнина из Берлина в Петербурге узнали о переговорах, имевших следствием заключение Губертсбургского мира. Россия не могла участвовать в этих переговорах; мир состоялся без содействия Екатерины. Напрасно король Фридрих II предложил включить Россию в договор, в качестве державы, состоящей в дружеских сношениях с договаривающимися правительствами, — австрийские дипломаты решительно отклонили это предложение³.

Вскоре после этого главным предметом обсуждения в дипломатических сношениях между Пруссией и Россией явились польские дела, которые не преминули содействовать сближению обоих государств.

Французский двор наравне с австрийским был сначала чрезвычайно обрадован известием о воцарении Екатерины, но вскоре увидел себя обманутым в своих ожиданиях. Чернышев, русский посол в Париже, писал о радости, с которою не только двор, но и общество приняли весть о государственном перевороте. К этой радости примешивалась досада, что французского посланника, барона Бретеля, в это время не было в Петербурге⁴. К тому же, оказалось, что донесения Бретеля до воцарения Екатерины заключали в себе несправедли-

¹ Соловьев, XXV, 224—225.

² «Сб. Ист. общ.», XVIII, 458.

³ Reimann, 49.

⁴ Соловьев, XXV, 228.

вую оценку характера, ума и способностей новой государыни, которую во Франции считали остроумной, но несколько поверхностной женщиной; далее не считали вероятным, что она долго удержится на престоле. В этом смысле выразился король Людовик XV в письме к Бретелю, замечая, что Россия, занятая внутренними кризисами, не будет иметь возможности принимать участие в общеевропейских, например польских, делах. Король выразил надежду, что Франция станет действовать в этом отношении успешно, не допуская развития влияния России в Польше¹.

Французский двор жестоко ошибался, рассчитывая на слабость России. Именно вмешательство в польские дела обнаруживало чрезвычайную силу России, между тем как Франция должна была довольствоваться ролью праздного зрителя при событиях, имевших целью окончательное уничтожение самостоятельности Польши.

Уже прежде, будучи великой княгиней, Екатерина не обнаруживала расположения к Франции. С французским дипломатом Л'Опиталем (l'Hopital) она обращалась холодно и надменно. В первое время царствования Екатерины французский дипломат при русском дворе Бретель не имел особенного значения. Политические отношения между Россией и Версальским двором оставались холодными. Франция все еще медлила с формальным признанием императорского титула; по этому вопросу происходили переговоры между обеими державами. Во время Семилетней войны при тесном союзе, существовавшем между Францией и Россией, шла регулярная и тайная переписка, в которой обе державы сообщали друг другу подробности хода дел. Екатерина приказала прекратить эту переписку, которую называла «бесполезною болтовнею»².

Нельзя удивляться тому, что при таких обстоятельствах отзывы Людовика XV, Бретеля и Шуазеля о Екатерине были неблагоприятны. В то время, когда образ действий России в отношении к Турции и Польше возбуждал негодование фран-

¹Jauffret. «Catherine II et son regne». Paris, 1860, I, 133.

²Архив кн. Воронцова, VII, 647. «Сб. Ист. общ.», VII, 221—223.

цузского двора, Людовик XV в самых резких выражениях осуждал личность Екатерины¹. Бретель принадлежал постоянно к противникам России; то же самое можно сказать о французском дипломате Сабатье де Кабр, бывшем в России в семидесятих годах. Во все время, однако, Екатерина, не нуждаясь в союзе с Францией, могла быть вполне равнодушной к образу мыслей короля и его министров. Франция не была в состоянии препятствовать мерам, принимаемым Россией относительно Польши и Турции.

В Англии, совершенно так же, как и во Франции, во время воцарения Екатерины господствовало нерасположение к Фридриху II. Неуступчивость короля в отношении к Австрии и Саксонии при окончании Семилетней войны возбуждала сильное негодование английских государственных деятелей. Екатерина дорожила дружбой Англии. 21 сентября она писала канцлеру Воронцову: «Писать к графу Александру Воронцову (русскому послу в Англии), дабы он в разговоре отозвался, сколь великое желание видеть мир; но с немалым прискорбием понимаю несклонность короля прусского к такому полезному для рода человеческого предмету и что столь несходственные сантименты весьма отдалают меня от сего государя»².

Впрочем, не было основания ожидать существенных выгод от союза с Англией, так как эта держава, по донесению Воронцова, по возможности избегала вмешиваться в дела континента. В Англии считали вероятным сближение России с Францией и поэтому желали заключения союза между Россией, Англией и Австрией. Переговоры о заключении русско-английского торгового трактата не имели особенного значения. Только несколько

---

¹ В одной инструкции, составленной для одного французского дипломата, сказано о России: «Nous connaissons l'animosité de cette la France. Le roi méprise si profondément la princesse, qui regne dans ce pays, ses sentiments et sa conduite, que notre intention n'est pas de faire un seul pas pour contre la faire changer. Le roi pense que la haine de Catherine II est beaucoup plus honorable, que son amitié» и проч. Jauffret, I, 300—301.

² Соловьев, XXV, 231.

позже сношения между Англией и Россией сделались более важными.

Восшествие на престол Екатерины произвело неприятное впечатление в Константинополе. Обрезков писал (от 27 августа), что в то время, когда Порты находилась в самых неприятных мыслях, видя венский двор в крайнем ослаблении, известие о восшествии на престол Екатерины поразило ее как громом. Переводчик Порты, приходивший к Обрезкову с представлением, наведывался: какие теперь будут отношения между русским и австрийским двором, сохранится ли заключенный с прусским королем мирный договор, датское дело дойдет ли до крайности, или полюбовно уладится? Обрезков отвечал, что прежние отношения между императорскими дворами нисколько не прекращены, и, если союз ослабел по личному пристрастию бывшего императора, то теперь получит прежнюю силу, чему служит доказательством возвращение корпуса Чернышева. Мирный договор с Пруссией будет соблюден ненарушимо. В датском деле ни до какой крайности не дойдет, но все дружелюбным образом уладится. Все это говорилось с той целью, чтобы заставить Порту отложить всякие враждебные замыслы против Австрии. Между тем Фридрих II дал знать Порте, что его влияние при дворе Екатерины II так же сильно, как было при дворе Петра III. Переводчик Порты пришел поэтому к русскому послу проведать, что он думает о таких уверениях прусского короля. Обрезков отвечал, что это новые хитрости прусского короля; в доказательство, что прусского влияния в Петербурге нет, Обрезков представлял, как выражается о прусском короле манифест Екатерины, обнародованный при восшествии ее на престол, и возвращение Чернышевского корпуса¹.

Совсем иначе подействовало известие о воцарении Екатерины в Копенгагене. Во время царствования Петра III в Дании ожидали со дня на день нападения русских войск. Устранение Петра могло считаться для Дании спасением от крайней опасности.

Русский дипломат Корф, приехавший в это время в Копенгаген, был принят с великой радостью. Король не находил слов

¹ Соловьев, XXV, 223.

для выражения своей благодарности императрице за ее уверения в дружбе и говорил о своем уважении к русскому народу. «Не только двор, — писал Корф, — но и все жители датских провинций, через которые я проезжал, до последнего крестьянина обнаруживали радость вследствие нечаянной перемены в их судьбе».

Однако вскоре Дания почувствовала силу воли Екатерины. Датский король считал себя вправе сделаться опекуном Павла Петровича как малолетнего герцога Голштинского. Екатерина писала собственноручно иностранной коллегии: «Удивления достоин поступок короля датского, который объявил мне, будто он права имеет обще со мною опекунства сына моего в Голштинии на себя взять. Я оные права признать не могу», и проч. В заключении собственноручной записки Екатерины сказано: «С королем датским же в негоциацию отнюдь вступать не буду до тех пор, пока войска из Голштинии не выведены».

Разумеется, Дания должна была уступить; Бернсторф объявил Корфу, что намерение короля в этом деле было самое невинное: он хотел только приобрести дружбу будущего государя (Павла), но усмотря, что императрица относительно опекуинства и администрации голштинских земель не одного мнения с ним, король не преминет отказаться от своего плана для показания высокопочитания и самой искренней дружбы своей, какую только ее величество вообразить себе изволит¹.

Таковы были первые действия Екатерины в области внешней политики. Как видно, самым важным вопросом для Европы вообще были отношения нового правительства в России к Фридриху II. Тщетно противники прусского короля старались сеять раздор между Екатериной и Фридрихом; напрасно они надеялись на сближение между Россией и Австрией: польские дела повели к заключению тесного союза между Россией и Пруссией.

---

¹ Соловьев, XXV, 202—203. «Сб. Ист. общ.», VII, 163—168.

ГЛАВА II

Отношение к Польше до 1768 года

Екатерина с самого вступления своего на престол любила в беседах с иностранными дипломатами указывать на величие и могущество России, на громадные и неисчерпаемые средства, которые находились в ее распоряжении.

Действительно, императрица была проникнута убеждением в необходимости для России принимать самое деятельное участие в европейских делах. К тому же она не ограничивалась хвастовством: она была готова действовать. Говоря постоянно о необходимости сохранения мира, Екатерина тем не менее приняла самые крутые меры относительно Польши. Ей удалось без войны превратить Курляндию и Польшу в зависимые от России государства. Напротив того, стремление к расширению власти России в ущерб Турции повело к войне. С Польшей Екатерина справилась, ограничиваясь дипломатическими действиями, полицейскими распоряжениями и военными демонстрациями. Образ действий императрицы в этом отношении отличался резкостью, невниманием к правам и интересам других народов и государств. Екатерина следовала часто правилам Макиавелли. Главною целью ее было поддержание и развитие могущества и влияния России. В сношениях с великими державами и при столкновениях и разладе с ними Екатерина употребляла внешние формы дипломатического приличия; в обращении же с менее важными государствами императрица обнаруживала иногда

изумительную бесцеремонность. Все это, впрочем, не было новостью в области политики, и обсуждение меры нравственности в таком образе действий представляет некоторые затруднения, возбуждает кое-какие сомнения, но зато никто не станет оснашивать, что успехи Екатерины в области внешней политики главным образом объясняются необычайной энергией императрицы, ее проницательностью, чрезвычайной способностью к делам дипломатическим и ее работоспособностью, дававшей ей возможность, не упуская из виду общего значения политических вопросов, заниматься постоянно всеми мельчайшими подробностями.

Курляндия

Самым блестящим началом наступательных действий Екатерины в области внешней политики было вмешательство России в курляндские дела; вмешательство это могло считаться как бы введением к событиям, которые повели к разделу Польши.

Еще при Петре I была сделана попытка превратить Курляндию в нечто похожее на провинцию России. Когда Бирон был герцогом курляндским и в то же время занимал первое место возле императрицы Анны Иоанновны, Россия не могла иметь сильного влияния на курляндские дела. В 1740 году Бирон пал, был сослан в Сибирь, а оттуда переведен в Ярославль, оставаясь лишь номинально герцогом курляндским. В 1758 году польскому королю Августу III удалось, с согласия императрицы Елизаветы, доставить достоинство герцога курляндского своему сыну Карлу. То обстоятельство, что дочь Петра Великого не противодействовала возведению польско-саксонского принца на курляндский престол, могло считаться как бы нарушением таких правил, которыми русское правительство до сих пор руководствовалось в отношении к Курляндии.

Из собственноручных набросков Екатерины, относящихся к последнему времени царствования Елизаветы Петровны, мы узнаем, что думала в то время великая княгиня о курляндских делах. Здесь сказано:

«Говорили, что во всяком деле есть только два способа, которые следует избрать, — это быть справедливым или несправедливым. Обыкновенно корысть производит последнее. В деле о Курляндии было справедливым возвратить детям Бирона то, что им предназначалось от Бога и природы. Если же хотели бы следовать корысти, то долженствовало (признаюсь, что несправедливо) беречь Курляндию и изъять ее из-под власти Польши для присоединения к России. Кто бы после этого рассуждения сказал, что нашли третий способ, по которому учинена несправедливость без извлечения из того и тени выгоды, т.е. отдали Курляндию принцу Карлу? Чрез это самое усиливается польский король, который, следуя политике, усвоенной им от отца своего, ищет только уничтожения свободы республики. Если он будет продолжать жить в Польше, то этого достигнет, в особенности поддерживаемый французской партией и нашим небрежением к сторонникам свободы и проч. Итак, я вас спрашиваю, что необходимее для России: деспотический ли сосед или счастливая анархия, в которую погружена Польша и которою распоряжаемся мы по своей воле? Петр Первый, лучше знакомый с делом, объявил себя в Ништадтском договоре 1717 года (sic) поручителем за свободу Польши и врагом того, кто посягнет на нее. Надобно, когда уже хочешь быть несправедливым, иметь выгоду быть таковым; но в деле о Курляндии, чем более о нем думаю, тем менее нахожу там здравого смысла»¹.

Аргументация Екатерины в данном случае похожа на образ мыслей Макиавелли в его сочинении «О государстве». Великая княгиня указывала на альтернативу между началом справедливости и началом целесообразности. Сделавшись императрицей, Екатерина все более и более руководствовалась правилами политической выгоды. Занимаясь до вступления на престол теорией вопроса об обязанностях государя, Екатерина, достигнув власти и встречая необходимость действовать, должна была расстаться с таким доктринаризмом и руководствоваться исключительно интересами России. Поэтому она относилась к вопросу о Курляндии иначе, чем ее предшественники.

¹ «Сб. Ист. общ.», VII, 91—92.

Елизавета допустила саксонского принца к достижению герцогского достоинства в Курляндии. Петр III желал возвести на престол курляндский своего дядю Георга, принца Голштинского. В этом смысле русский дипломат в Митаве Симолин старался действовать против герцога Карла, сея раздор между ним и курляндским дворянством. В договоре, заключенном между Петром III и Фридрихом II, было решено доставить Курляндию дяде императора. Государственный переворот 1762 года воспрепятствовал осуществлению этого предположения.

Екатерина, тотчас после своего воцарения, занялась решением вопроса о судьбе Курляндии. Она обращалась с Польшей по своему усмотрению и вызвала в Петербург назначенного в Варшаву еще при Петре III русского посланника графа Кейзерлинга, чтобы условиться с ним относительно польских дел. В Варшаве тем временем оставался агент Ржичевский, которому императрица посылала собственноручные инструкции. Не во всех отношениях довольная образом действий Ржичевского, Екатерина писала, между прочим: «Я вижу, что Ржичевский весьма влюблен в графа Брюля, а я желаю, чтобы не по собственным страстям, но по моим приказаниям поступлено было».

Ржичевскому было поручено сообщить министерству о решении Екатерины восстановить на курляндском престоле Бирона. «Натурально думать, — говорилось в рескрипте Ржичевскому, — что хотя король, как великодушный государь, с одной стороны, и признает наше правосудие относительно пострадавшей фамилии, которая никогда ни в чем не погрешила ни перед нами, ни перед его короною; с другой стороны, как отец, не может он не почувствовать горести. Желая сколько возможно утешить короля в печали и притом доказать, что мы дружески заботимся о благосостоянии его и всего его дома, повелеваем вам подать обнадеживание, что... мы будем содействовать не только справедливому удовлетворению Саксонии за претерпенные ею разорения, но содействовать также и вознаграждению принца Карла за потерю Курляндии посредством секуляризации каких-либо епископств или доставлением других выгод; например, можно было бы доставить ему епископство Минстерское или город Эрфурт, за который Майнцский епископ получит эквивалент», и проч.

Август III потребовал, чтобы Бирон представил прямо ему свои требования. На это Ржичевский получил рескрипт, что Бирон, собственно, не обязан просить о том, чего у него никто и ни по каким правам отнять не мог.

Ржичевский писал: «Не могу утаить, что король находится в большом горе, — боится, чтобы сын не потерял герцогства курляндского в пользу Бирона, и весь двор опасается, чтобы здоровье короля не пострадало от этой печали; говорят, потерпев великое разорение в Саксонии, король возлагал всю свою надежду на великодушные русской императрицы, а теперь и с русской стороны терпит притеснения и по курляндскому делу».

Король надеялся, что польский сейм не согласится на восстановление Бирона в Курляндии; но сейм был «разорван», вследствие предписания Екатерины Ржичевскому действовать в этом направлении. Также и старания австрийского дипломата в Польше действовать в пользу принца Карла не имели успеха. Столь же тщетно Брюль неоднократно давал знать Ржичевскому, что при будущем конгрессе все союзные дворы, без сомнения, вступятся за принца Карла.

Екатерина в раздражении писала Воронцову 10 декабря 1762 года: «Велите внушить графу Брюлю, что, если по курляндским делам он единого противного моей воле шага сделает, я велю покинуть все мои старания у короля прусского об Саксонии, а в Польше сутенировать всем, чем только вздумать он может, все те, которые ему злодеи, и до тех пор не перестану, пока его из Польши не выгоню». Нарочно Екатерина желала, чтобы все это дошло до саксонского резидента в Петербурге Прассе, которого она ненавидела¹.

В конце ноября приехал в Варшаву Кейзерлинг и начал «отлично служить». Одновременно Симолин в Митаве действовал с целью свержения Карла и возведения Бирона. Принц Карл объявил, что не признает Симолина русским министром, потому что он к нему не аккредитован, запретил придворным ездить к нему в дом и иметь какие-либо сношения. В ответ явился из России в Митаву батальон русского войска, и Си-

¹См. статью Гейсера в «Forschungen zur deutschen Geschichte», IX, 8.

молин объявил, что батальон прислан для потушения бываемых иногда при настоящих обстоятельствах беспорядков. К тому же в Курляндию вошли русские полки, возвращавшиеся из Пруссии. Симолин успешно уговаривал депутатов сословий стоять за Бирона и доносил в Петербург, что почти все шляхетство и мещанство, лучше сказать, вся страна нетерпеливо желает восстановления Бирона. 13 декабря Симолин получил рескрипт, в котором приказывалось внушить принцу Карлу, что императрица «неотменно намерена восстановить герцога Эрнста-Иогана на курляндском престоле, и потому он, принц Карл, выехал бы из Митавы, а ее величество не оставит заботиться о его приустроении; если же он упорно будет сопротивляться намерениям императрицы, то легко может статься, что и собственную особу подвергнет неприятностям». Принц отвечал, что не зависит от себя, но от своего государя родителя, к которому посылал за решением. 30 декабря приехал в Митаву Бирон с сыном Петром и был принят ожидавшими его дворянами, которых было до 200. В январе происходил торжественный въезд Бирона в Митаву; однако он должен был остановиться в частном доме, потому что дворец все еще был занят прежним герцогом.

Польские комиссары, находившиеся в Митаве, удивлялись приезду нового герцога, спрашивали Симолина, почему «какой-то Бирон» въехал в город с великим торжеством, требовали объяснения, почему в Митаве находится столько русских солдат, и проч. Фактическая власть была в руках Симолина, готового отстаивать всячески права Бирона¹.

Императрица в марте 1763 года писала канцлеру Воронцову: «Означите курляндскому депутату аудиенцию сегодня после обеда в шесть часов и извольте с ним конферировать о высылке принца Карла из Курляндии, а по новым депешам графа Кейзерлинга уже, кажется, более нечего обожждать. Они никак меня не менажируют и хотят меня принудить. Не вижу, какой им прибыли ради, чтобы я силою зачала, и за мной не станет. Они расславливают в Польше, что я без бунта внут-

¹Соловьев, XXV, 64, 210—212, 220—223, 300 и след.

ренного у нас не могу войска сподвинуть. Пора нам показать, кто мы таковы»¹.

Слухи об опасности, в которой находилась Екатерина, о вероятности новых смут в России постоянно повторялись² и содействовали раздражению императрицы. Она хотела доказать своим противникам, что не было повода к опасностям. Тем более энергично она продолжала действовать в области внешней политики, настаивая, между прочим, на удалении принца Карла из Митавы. Он должен был выехать оттуда 16 апреля. Как только Симолин узнал об отъезде принца, то немедленно послал полковника Шредера занять дворец, что и было исполнено. Летом уехали и польские комиссары. Место для Бирона было очищено.

Понятно, что все это поселило сильное неудовольствие между русским и польским дворами. 21 февраля 1763 года Екатерина писала Воронцову: «Надлежит писать к графу Кейзерлингу, что я при теперешних обстоятельствах с великим удивлением слышу, что при польских близ Курляндии и Лифляндии границах собирается войско, что на то я индифферентными глазами смотреть не буду и терпеть не могу, чтобы присвоил себе оный двор выйти из узаконенений своего королевства, которые королю не позволяют без сейма собирать на чужой границе войско; а если оное собрание войск целит обеспокоить законного курляндского герцога Эрнста-Иогана, то я им объявляю, что я королевскую власть без сейма над оным не признаю, и все, что без республики сделано будет в оном деле, приму как нарушение польской вольности, которой гарантию я имею и защищать намерена, а герцога Эрнста-Иогана в свое покровительство принимаю как незаконно утесненного владетеля».

Когда в Москву приехал уполномоченный от Августа III ходатайствовать за сына короля, то ему не позволили ни представиться императрице, ни вступать в переговоры с канцлером или вице-канцлером на том основании, что у России с Польшей не

¹ «Архив кн. Воронцова», VII, 647—648.

² См., например, депешу Бенуа из Варшавы в «Forschungen zur deutschen Geschichte», IX, 8.

было непосредственных сношений, вследствие того, что республика не признавала императорского титула русских государей. 24 февраля Екатерина писала Воронцову: «Можно г. Борху сказать, что оные труды лишни, что я не перемену своих сентиментов по курляндским делам, понеже они основаны на справедливости; ...что удивительна смелость его короля, который, любя сына, нарушает правосудие и узаконения своего королевства и, что того удивительнее, везде упоминает; будто по научениям чьим-либо поступаю. Можете ему сказать, что уже приходит моему достоинству противно оное дело более трактовать en avocat и что твердо намерена сутенировать то, что я начала, всеми от Бога мне данными способами»¹.

В следующем (1764) году императрица посетила восстановленного ею герцога Эрнста-Иогана в Митаве. Оказалось, что, в сущности, не польский король, а императрица была ленным владельцем Курляндии. Бирон принял Екатерину чрезвычайно торжественно как бы вассал, приветствующий свою благодетельницу. Не без удовольствия императрица описывала подробности оказанного ей при этом случае почета.

Таким образом, действия Екатерины в отношении Курляндии увенчались полным успехом. Она сознательно руководствовалась при этом не столько началами правосудия, сколько требованиями интересов России. В одном документе от 6 ноября 1763 года сказано: «Прямая выгода нашей империи требует, чтобы мы в соседней земле имели герцога, не состоящего в непосредственных сношениях с польским королем, а скорее от нас зависящего»².

Курляндия очень походила на Польшу в малых размерах. То, что удалось сделать в Курляндии, могло удалиться в больших размерах в Польше. В Курляндии правление Бирона могло считаться как бы средством для окончательного соединения Курляндии

¹Соловьев, XXV, 303—304.

²Angeberg. «Recueil des traites, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862», 3; Рейман. «Das preussisch russische Bundniss», V, 1764; «Zeitschrift für preussische Geschichte», XIV, 381.

с Россией. Совершенно так же вмешательство России в польские дела было лишь приготовлением к разделам Польши.

Польша

Существуют различные мнения относительно польских разделов. Нелегко решить вопрос о том, кого нужно считать главным виновником этого события. И в отзывах поляков, сделавшихся жертвою политики кабинетов, и в заявлениях правительств, участвовавших в этом деле, есть некоторое пристрастие, некоторая доля субъективности. Никто не желает считаться главным виновником несчастья, постигшего Польшу. Историография довольно часто находилась под влиянием подобных более или менее односторонних взглядов, проникнутых духом партии. С разных сторон слышатся пререкания и обвинения; по некоторым сочинениям, главная ответственность лежала на России; в других обвиняли главным образом Австрию; по мнению некоторых историков, Фридрих II должен считаться виновником первого раздела Польши.

Современники этого события рассуждали иначе. Знаменитейшие писатели Франции считали польское государство представителем религиозного фанатизма, средневековых сословных прав и экономического застоя, или упадка. Екатерина, напротив, считалась как бы борцом за начала терпимости, просвещения, порядка, правосудия. Когда русские войска появились в Польше, Вольтер заметил, что первый раз в истории военные действия оказываются средством для благоденствия человечеству и проч.

И похвала, и порицание являются здесь равно неуместными. Нельзя обсуждать политические события, рассматриваемые как результат исторического развития нескольких столетий, с точки зрения частной нравственности. Ответственность, лежащая на образе действий народов и правительств, не может быть одинакова с вменяемостью отдельных лиц.

К тому же в истории разделов Польши нельзя ограничиваться разбором действий держав, участвовавших в этом деле; нужно

принять во внимание и самое состояние Польши во время катастрофы, средневековые учреждения этого государства, политический застой, невозможность обновления, прогресса, которым противодействовали не только иностранные державы, но само польское общество.

Весьма важную роль в судьбах Польши имели религиозные вопросы. Совершенно так же, как на западе Испания была точкою опоры для католической пропаганды, на востоке Польша сделалась базисом операций иезуитского ордена; Филипп II старался действовать на Англию, Сигизмунд III — на Швецию; испанский король содержал целую партию в Париже; польский — имел иногда сторонников в Москве. Нетерпимость дорого обошлась Польше. Вопрос о диссидентах имел последствием вмешательство Пруссии и России в польские дела. Разделы Польши собственно начинаются с присоединения Малороссии к Московскому государству в XVII веке.

Насильственный образ действий государств, приступивших к разделу Польши, не был новостью ни в отношении к Польше, ни в отношении других государств.

Укажем на некоторые примеры подобных случаев.

В начале XVII века была речь о разделе австрийских владений. Между саксонским курфюрстом Августом II и Францией происходили переговоры об этом деле. Война за австрийское наследство была следствием подобных же намерений, клонившейся к разделу этого государства; потеря Силезии для Австрии была чем-то вроде такого же «démembrement», каким было событие 1772 года для Польши.

В начале XVII века Московскому государству грозила опасность раздела между Швецией и Польшей. Столетием позже присоединение Прибалтийского края к России было чем-то вроде «démembrement» Швеции. Паткуль мечтал о разделе Шведского государства вообще. Во время царствования короля Карла II в Испании было составлено несколько проектов раздела Испании между Францией, Австрией и Англией. Таким же духом насилия проникнуто намерение австрийского правительства присоединить к своим владениям Баварию и вознаградить баварского курфюрста, императора Карла VII, Эльзасом, Лотарингией и

проч. Во время Семилетней войны противники Фридриха II мечтали о разделе Пруссии и т.п.

Что касается Польши, то опасность разделов для этого государства была, так сказать, хронической болезнью.

Еще в XIV столетии было сделано предложение разделить Польшу между немецким орденом, Австрией, Венгрией и проч. В конце XVI века в Москве появилась мысль о разделе Польши между Россией и Австрией. В 1657 году шведский король Карл-Густав предложил Фридриху Вильгельму, великому курфюрсту, и императору Леопольду приступить к разделу Польши. В 1660 году возобновились переговоры по этому предмету, причем французское правительство узнало об этих намерениях и сообщило об этом польскому правительству. Ян-Казимир предсказывал на сейме 1661 года раздел Польши между Московским государством, бранденбургским курфюршеством и Австрией. В 1667 году опасность раздела Польши заставила Людовика XIV заключить со шведским королем договор, имевший целью препятствовать осуществлению намерений Австрии, царя и курфюрста в отношении Польши. Во время Северной войны самим королем Августом II был составлен проект раздела Польши. В Пруссии появилась эта же мысль около 1709 года, однако Петр Великий не согласился на осуществление ее. В 1732 году польский король изъявил готовность уступить Австрии Цинское графство и т.п.

Условием разделов Польши было сохранение анархии в Речи Посполитой. Недаром уже Паткуль советовал Петру во что бы то ни стало не допускать политических реформ в Польше: этим способом можно было препятствовать усилению Польши. В этом отношении совпадали вполне желания правительств России и Пруссии.

Во время царствования Елизаветы нельзя было думать о соглашении между Россией и Пруссией относительно польских дел. Зато в договоре, заключенном между Петром III и Фридрихом II, в третьем сепаратном параграфе, было решено всячески препятствовать нововведениям в государственном строе Польши, превращению ее в наследственную монархию и проч. Обе державы обещали также взаимно покровительствовать дис-

сидентам в Польше. Все эти соглашения оставались в полной силе и после вступления на престол Екатерины. Таким образом, каждую минуту можно было ожидать вмешательства Пруссии и России во внутренние дела Польши. Самым удобным поводом для этого послужила предстоявшая перемена на польском престоле.

Выбор короля

Уже в то время, когда императрица осенью 1762 года находилась в Москве по случаю своей коронации, ее занимала мысль о кандидатуре ее бывшего любимца, Станислава-Августа Понятовского, на польский престол. С тех пор как Понятовский в 1758 году должен был покинуть Россию, Екатерина находилась с ним в переписке. Она сообщила ему кое-какие подробности о государственном перевороте. Она из Москвы отправила к нему драгоценный подарок: Андреевский орден и значительную сумму денег¹. Он должен был сделаться орудием русской политики в Польше.

В то же время в Москву был вызван из Белоруссии епископ Георгий Конисский для получения от него сведений о состоянии православной церкви в этом крае. В ответ на вопрос императрицы: «какие политические выгоды может представить для России защита православных в Польше», одним игуменом православного монастыря была составлена записка, в которой выставлялось на вид, что императрица должна оказывать покровительство не только православным, но и лютеранам и кальвинистам, и что в таком случае будет возможно присоединить к России некоторую часть Польши; императрица должна сблизиться с Пруссией: еще Петр I был гораздо более расположен к протестантам, чем к французам и полякам².

Недаром в Польше более всего опасались сближения между Россией и Пруссией и подозревали существование соглашения

¹ «Русская Старина», I, 237.

² См. статью Репелля в «Historische Zeitschrift», XVIII, 86.

между обеими державами относительно Польши: считали вероятным, что Польша потеряет несколько областей, которые пойдут на вознаграждение России за возвращение Пруссии Фридриху II. Граф Брюль поэтому старался действовать на Чарторыйских в надежде, что, задоблив племянника последних, Понятовского, можно будет отвести крайнюю беду от Польши¹. Вскоре оказалось, что со стороны Екатерины и Понятовского Польше грозила гораздо сильнее опасность, нежели до того со стороны Петра III.

И во Франции в то время считали весьма вероятным соглашение между Пруссией и Россией, имевшее целью раздел Польши².

Вскоре нужно было заняться вопросом о замещении польского престола. Король Август III в январе 1763 года заболел опасно. Ожидали в ближайшем будущем его кончины, последовавшей, впрочем, не ранее как в октябре этого же года.

Сообщая императрице о заключении Губертсбургского мира, Фридрих II 15 февраля 1763 года писал, что теперь пора заняться польскими делами, что Август III опасно болен. «Если бы, — продолжал Фридрих, — смерть его случилась неожиданно, то должно опасаться, чтобы при этом случае, по интригам разных дворов, не возгорелось снова едва потухшее пламя войны. Я готов участвовать во всех мерах, какие вам будет угодно предложить по этому предмету, и, чтобы скорее приступить к делу, я считаю должным открыто объясниться о том с вашим императорским величеством. Из всех претендентов на польскую корону законы здоровой политики обязывают меня, государыня, выключить только принцев австрийского дома, и насколько я знаком с интересами России, то мне кажется, что по этому вопросу ее выгоды достаточно отвечают моим. Впрочем, я согласусь избрать из всех претендентов того, которого вы предложите; однако должен прибавить, что нашим общим интересам приличествует, чтобы то был Пяст, а не иной кто». Прося Екатерину высказать свое мнение, Фридрих обращал внимание ее на необходимость хранить все дело в глубокой тайне, «чтобы

¹ Соловьев, XXV, 63.

² Jauffret, I, 91.

не возбуждать коварных действий противников России и Пруссии». Екатерина отвечала, что вполне согласна на избрание Пяста, «но такого, который не стоял бы на краю могилы и не получал бы жалованья ни от какой из держав»¹. Можно считать вероятным, что Екатерина выключала из числа этих держав Россию, так как Понятовский постоянно получал деньги от России.

Начались подробные переговоры о польских делах между Паниным и Сольмсом². Переписка между Екатериною и Фридрихом становилась более и более оживленною. Оказалось, что интересы Пруссии и России в отношении Польши были тождественными. И Фридрих и Екатерина всячески противодействовали избранию на польский престол саксонского принца, между тем как именно этого желали Людовик XV и Мария Терезия. Происходили переговоры о заключении тесного союза между Пруссией и Россией. Целью союза служило устройство польских дел. Фридрих в сентябре 1763 года между прочим сообщил императрице о полученных им из Вены известиях, что австрийский кабинет находится в сильном беспокойстве, ожидая вмешательства России в польские дела. Король писал: «Вы дадите короля Польше без того, чтобы возгорелась снова война... Саксонцы сильно встревожены... крики поляков не более, как простой шум... нужно усыпить их, чтобы они не могли принять вовремя мер, могущих затруднить наши намерения» и проч.

В ответном письме Екатерины сказано между прочим: «Мы, как можно тише, с помощью вашего величества, дадим, когда представится к тому случай, короля Польше»³.

Тем временем Екатерина старалась узнавать о настроении умов относительно замещения польского престола. Русскому поверенному в делах при французском дворе, князю Д.А. Голицыну, она поручила спросить министерство слегка, нет ли у них уже кандидата на польский престол. Голицын отвечал, что во

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 158—162.

² Самое подробное изложение этих переговоров см. в сочинении Реймана «*Neuere Geschichte des preussischen Staats*», I, 50 и след.

³ «Сб. Ист. общ.», XX, 170—174.

Франции прочат польский престол одному из Чарторыйских и что Франция желает противодействовать русскому влиянию в Польше. Бретель доносил своему правительству: «Чем более я обращаю внимания на Россию и на честолюбие ее правительницы, тем более склоняюсь к мысли, что необходимо сжалиться над ослеплением поляков и вывести аристократию из корыстного застоя». Однако во Франции решили, что не должно вмешиваться в польские дела. В королевском совете 8 мая 1763 года читался доклад, в котором было указано на возможность раздела Польши, а вместе с тем и на то, что при соперничестве между Австрией, Пруссией, Россией и Турцией нельзя считать это событие особенно вероятным. Руководствуясь, между прочим, и финансовыми соображениями, французское министерство решило не заботиться вовсе об избрании польского короля.

В Вене были сильно встревожены слухом, что между Россией и Пруссией заключен союзный договор, и Мерси сделал запрос об этом в Петербург. Голицыну велено было уверить Кауница, что подобное известие ложное, вымышленное недоброжелательными людьми, которые, завидуя доброму согласию между обоими императорскими дворами, стараются их посорить, что не только нет такого трактата на деле, но и предложен он никогда не был¹. Когда Голицын спросил об образе мыслей австрийского кабинета относительно избрания польского короля, в Вене заговорили было о кандидатуре одного из саксонских принцев, но при всем том здесь не было решимости и определенной программы. Когда Голицын доносил, что Кауниц настаивал на одинаковой необходимости для обоих императорских дворов сохранения прав и преимуществ Польши, то Панин сделал такую заметку: «Господин Кауниц суетно поставляет свои интересы равными с нашими в рассуждении Польши. Нет политика, который бы не знал великой разницы: мы потеряем треть своих сил и выгод, если Польша будет не в нашей зависимости»².

Удаление принца Карла из Курляндии и возведение на курляндский престол Бирона показали ясно, чего могла ожидать

¹ Соловьев, XXV, 330—331.

² Там же, 332.

Польша от Екатерины. Всякая попытка польского двора действовать хотя бы сколько-нибудь самостоятельно вызывала репрессивные меры со стороны России. Когда Кейзерлинг доносил, что хотят предать суду герцога Бирона, литовского канцлера Чарторыйского и стольника литовского Понятовского, последнего за то, что он при Елизавете вел переговоры о допущении русских войск в польские владения, Екатерина написала: «Неужели польский двор в горячке? Если стольника судить, что он домогался российскую армию в Польшу ввести, так и короля судить надо, что он ему такие для саксонского интереса наставления давал».

В начале 1763 года Екатерина по предложению Кейзерлинга велела раздать значительные суммы сторонникам России в Польше. Узнав, что в сенатус-консилиуме из 60 сенаторов 48 признали принца Карла законным герцогом курляндским и решили начать уголовный процесс против Бирона и его приверженцев, Екатерина писала: «Пошлите г-ну Борху сказать, что, видя от его короля не иное, как крайнее мне оскорбление... я повелеваю ему в 48 часов отселе выехать; в противном случае прикажу его выпроводить... чтобы они знали, что я герцога Эрнеста-Иогана и вольности польской защищать буду всем, чем Бог меня благословил».

Первого апреля императрица писала Кейзерлингу: «Разгласите, что если осмелятся схватить и отвезти в Кенигштейн кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу запорожских казаков, которые хотят прислать ко мне депутацию с просьбой позволить им отомстить за оскорбления, нанесенные мне королем польским».

Еще при жизни Августа III друзья России в Польше начали действовать в пользу русского кандидата на престол — Понятовского. Впрочем, по получении известия о выздоровлении короля Екатерина отвечала, что была бы очень рада продлению его жизни еще на несколько лет, ибо, в противном случае, могли бы произойти великие и почти неминуемые трудности, особенно при вмешательстве других держав¹.

¹Соловьев, XXV, 304—312.

Жизнь Августа не продлилась «еще несколько лет». Он умер 5 октября 1763 года. Известие о кончине короля сильно поразило Фридриха II; он получил его во время обеда, высочил из-за стола и выразил сожаление о том, что отношения Пруссии к России не успели еще окончательно установиться¹. Екатерина писала Н.И. Панину: «Не смейтесь мне, что я со стула вскочила, как получила известие о кончине короля польского: король прусский из-за стола вскочил, как услышал»².

Тотчас же между Фридрихом и Екатериною завязалась оживленная переписка о возведении на польский престол Понятовского и о мерах к устранению других кандидатов. Король сообщил при этом императрице письмо, полученное им от курфюрстины саксонской, которая надеялась на кандидатуру одного из саксонских принцев. Екатерина подробно излагала причины, заставлявшие ее желать возведения на польский престол Понятовского. К тому же она сообщила королю о «военных приготовлениях на границах», т.е. о своем намерении ввести русские войска в Польшу для поддержания кандидатуры Понятовского. Хотя между Пруссией и Россией еще не было заключено формального союзного договора, Екатерина писала королю: «Я смотрю на все, могущее теснее соединить нас, как на дело уже оконченное». Фридрих отвечал: «Хотя наш союз еще не заключен, но я смотрю на Россию с этой минуты, как на свою союзницу». Действия прусского и русского дипломатов должны были идти рука об руку³.

Одновременно с вопросом о кандидатуре Понятовского обсуждался вопрос о разделе Польши. В конференции читался поднесенный государыне графом Чернышевым секретный проект о присоединении к России, для лучшего округления и безопасности границ между Днепром и Двиною, некоторых польских земель. Конференция, признавая, что исполнение проекта представит затруднения, постановила: «не выпуская этого

¹Beer. «Die erste Theilung Polens». Wien, 1873. I, 134.

²«Сб. Ист. общ.», VII, 321.

³Там же, XX, 174—182.

проекта из виду, первым движением русских войск быть со стороны тех мест, о которых в нем показано»¹.

Некоторые дворы старались уверить поляков, что между Россией и Пруссией уже заключен договор о разделе Польши². Французский посланник в Константинополе представлял Порте, что Фридрих II «вместе с Россиею питает тайное намерение разделить Польшу мало-помалу между собою»³.

И с другой стороны был возбужден вопрос о разделе Польши. В письме к Марии Терезии саксонская курфюрстина изъявила готовность согласиться на раздел Польши, лишь бы польская корона оставалась в саксонском доме. Мария Терезия, склонная поддерживать кандидатуру одного из саксонских принцев, все-таки протестовала против мысли о разделе Польши⁴.

Екатерина действовала быстро и решительно. В письме к курфюрстине саксонской она советовала ей отказаться от кандидатуры саксонского принца. В письме к Марии Терезии Екатерина выразила намерение предоставить полякам полную свободу действий; к этому было прибавлено, что военные приготовления на границах Польши должны обеспечить свободный и спокойный ход дела. Мария Терезия в ответ на это заявление осторожно и скромно заметила, что, по ее мнению, лучше бы в данном случае оставить всякие военные демонстрации⁵.

Не было основания ожидать серьезных препятствий со стороны Австрии. Когда австрийский дипломат Мерси прибыл в Варшаву, деятельность русских и прусских дипломатов в пользу кандидатуры Понятовского уже оказалась весьма успешною. Напрасно Кауниц объявил, что считает кандидатуру Понятовского делом опасным, неуместным и несогласным с интересами Австрии: раздор между партиями в Польше, присутствие рус-

¹ Соловьев, XXV, 315.

² Там же, 319.

³ «Сб. Ист. общ.», XX, 190.

⁴ Arneth. «Gesch. Maria Theresia's», VIII, 37—39.

⁵ Beer. Приложения, № 11, 79—80.

ских войск, раздача денег приверженцам России, решимость прусских и русских дипломатов — все это повело к желаемой цели. Русская партия оказалась безусловно господствующей.

Фридрих II не сомневался в успехе Екатерины. Он писал ей 15 февраля 1764 года: «Я достаточно знаю эту нацию (польскую), чтобы быть уверенным, что, расточая впору деньги и употребляя непосредственные угрозы против злонамеренных, которые пожелают нарушить спокойствие своего отечества, вы доведете их до того состояния, какого желаете»¹.

В разговоре с Сольмсом Панин намекнул однажды на возможность приступить к разделу Польши. Сообщив разные подробности о своих беседах с Паниным, Сольмс писал королю: «Он прибавил еще, что вашему величеству не придется сожалеть о вступлении в обязательства с его двором, потому что, если сверх всякого ожидания дела дойдут до последней крайности, то он мне ручается, что ваше величество, равно как и Россия, будете вознаграждены за свой труд и что даром хлопотать не придется. Это дело, заметил он, я впредь устроил, но не могу объяснить его прежде, чем обстоятельства более выяснятся». В ответе короля на эту депешу Сольмса выражено желание, чтобы Россия не увлекалась слишком далеко и руководствовалась правилами осторожности для избежания опасности общей войны². Фридрих хотел воздержаться от военных демонстраций со стороны Пруссии на польской границе, однако в договоре, заключенном в начале 1764 года, содержанием одного из сепаратных артикулов были условия военных действий в случае необходимости³.

Екатерина могла быть довольна успехами своих действий. В разговоре с французским посланником Бретелем, она заметила, что Россия по праву может и должна иметь более сильное влияние на Польшу, чем Франция⁴. Когда австрийский посланник

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 197.

² Там же, XXII, 188 и след.

³ Об этом договоре вообще см. соч. Реймана, I, 83.

⁴ Jauffret, I, 160.

Лобкович начал было говорить о русских войсках, вступивших в Польшу, и требовал объяснений о поводах к таким действиям России, Екатерина на докладе об этой конференции написала: «При сочинении ответа князю Лобковичу не худо дать им приметить, что здесь весьма странным кажется, что при всяком случае нас в допрос ведут»¹.

7 сентября 1764 года состоялся выбор короля Станислава Августа Понятовского. Екатерина писала Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы делали»².

Г-жа Жоффрен (Geoffrin) в шутку называла Понятовского своим сыном. Екатерина писала ей: «Поздравляю вас с возвышением вашего сына; если он сделался королем, то не знаю, как это случилось, но так угодно было Провидению... нужно поздравить его королевство; никто не мог бы сделать его счастливее. Говорят, что сын ваш действует прекрасно; я этому очень рада» и проч.³. В это время за границу ходили слухи о намерении Екатерины вступить в брак с Понятовским⁴.

Со времени избрания Понятовского в польские короли не могло не усиливаться постоянно влияние России на польские дела. В примечаниях Екатерины к сочинению Денины о Фридрихе Великом сказано о Понятовском: «Россия выбрала его в кандидаты на польский престол, потому что из всех искателей он имел наименее прав, а следовательно, наиболее должен был чувствовать благодарность к России»⁵.

Фридрих II в письмах к императрице говорит о ее успехе в самых лестных для нее выражениях, указывая, впрочем, на нерасположение к России венского и французского дворов. Екатерина отвечала: «С помощью вашего величества я уверена в успехе всего, что буду предпринимать. Мои предшественники не

¹ Соловьев, XXVI, 82.

² «Сб. Ист. общ.», VII, 373.

³ Там же, I, 258.

⁴ Г-жа Жоффрен писала Понятовскому об этом слухе: «Вот как объясняли дело: она вовсе не крепко держится на престоле; она уступит его сыну, а сама выйдет замуж за короля польского». Соловьев, XXV, 66.

⁵ «Русский архив», 1878, II, 290.

имели союзником короля Фридриха: и вот мое преимущество перед ними; искреннее содействие, оказанное мне моим союзником, довело это избрание в Польше так же единодушно, как и спокойно, к концу. Поздравляю вас с ним в свою очередь и радуюсь получить одобрение от вас. Я не удивляюсь, что великие державы возбуждены против меня: я устранила преграду, неудобную для России, но весьма выгодную интересам этих держав» и проч.¹

Польша как вассальное государство России

Значение России в Европе обуславливалось в значительной степени преобладанием русского влияния в Польше. Для Екатерины же успехи в области внешней политики могли считаться удобным средством для упрочения за нею престола. Защищая права и интересы православных в Польше, она могла приобрести некоторую популярность в России. Вмешиваясь в польские дела, Екатерина в глазах света играла роль представительницы религиозной терпимости в борьбе против фанатизма католической церкви. Совершенно так же, как впоследствии вмешательство России в турецкие дела в пользу христиан на Балканском полуострове сделалось орудием для ограничения самостоятельности Турции; — вопрос о диссидентах в Польше служил средством разделов этого государства. Этот вопрос находился в самой тесной связи с основами государственных учреждений в Польше. Не только нетерпимость заставляла поляков противодействовать диссидентам: они хорошо понимали, что уступчивость в этом отношении могла легко повести к потере самостоятельности Польши.

Противники России, следя за успехами императрицы в Польше, надеялись лишь на то, что Екатерина, благодаря какому-либо кризису внутри империи, лишится престола. Так, французский министр Шуазель, вместо того, чтобы прямо по-

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 206.

дать помощь угнетенным России полякам, составил проект какой-то революции, имевшей целью свергнуть с престола Екатерину¹. Венский двор не желал воспользоваться подобными средствами. Вообще, однако, в глазах дипломатов положение Екатерины казалось несколько платким. Граф Сольмс писал в мае 1764 года: «Можно считать вероятным, что Екатерина процарствует еще четыре года или, пожалуй, шесть лет, затем, однако, многое будет зависеть от образа мыслей великого князя, который тогда достигнет совершеннолетия»².

Противники Екатерины ошибались, рассчитывая на прекращение ее царствования. Завладев короною, она до гроба удержала за собой власть. Относительно же Польши оказалось невозможным остановить императрицу на пути к желанной цели. Один дипломат, следивший за действиями русского правительства в отношении польских диссидентов, заметил: «Екатерина никогда еще не покидала мысли, которую однажды забрала себе в голову»³. Саксонский дипломат Эссен писал в это время: «Очевидно, Россия желает иметь в польском короле послушного вассала, который волею-неволею должен содействовать осуществлению дальнейших предположений императрицы. Россия лишит его возможности вредить ей и принудит его всячески служить орудием для достижения ее целей»⁴.

Такими правилами должен был руководствоваться русский резидент в Польше князь Репнин. Он наблюдал за сохранением прежнего государственного права. «В этом, — было сказано в инструкции Репнину, — заключается главная выгода для России: этим самым мы можем приобрести влияние на общеевропейские дела». Столь же важным казался вопрос о диссидентах. Уже летом 1763 года императрица писала Кейзерлингу: «Рекомендую вашему покровительству польских подданных, исповеду-

¹ Arneth, 133.

² Duncker. «Aus der Zeit Friedrichs des Grossen», 132.

³ Reimann, I, 201.

⁴ Herrmann, V, 385—386.

ющих нашу религию». В инструкции, составленной для князя Репнина, было сказано между прочим: «Несмотря на договор, заключенный в 1686 году, православные в Польше подвергаются разным притеснениям; большая часть их принуждена признать унию, остальных в Белоруссии оскорбляют католическое духовенство и дворянство. Сейм должен согласиться на неограниченную свободу религии и на возвращение православным отнятых у них монастырей и церквей»¹.

Оказалось, что Россия желала предоставить исключительно себе влияние в Польше. Из разговора с вице-канцлером Голицыным французский дипломат Беранже вывел заключение, что Россия, с целью господствовать в Польше, даже намеревалась противодействовать разделу Польши и влиянию Пруссии на это государство².

Понятовский вскоре мог убедиться, что он во всех отношениях зависел от императрицы. Его попытки освободиться от этой зависимости оказались тщетными. Он искал, между прочим, поддержки со стороны Франции, надеялся даже на Австрию и спрашивал советы у г-жи Жоффрен, которой писал о Екатерине: «Там очень умны, но уж очень гоняются за умом. Это металл самый дорогой, но для обработки его нужна искусная рука, руководимая добрым сердцем. Некогда были в этом согласны, а теперь судьба и, может быть, вкус переменяли многое»³.

Из писем Понятовского к императрице видно, что он надеялся провести некоторые реформы в Польше, с целью усиления монархической власти и устранения анархического состояния государства. Он изъявил также готовность предоставить некоторые права диссидентам.

В самой России, впрочем, на этот счет существовали различные мнения. Панин был готов согласиться на некоторые политические реформы в Польше. По мнению его, несколько лучше

¹ Angeberg у Дункера, 137—138.

² Jauffret, II, 50.

³ Соловьев, XXVI, 66—67.

устроенная Польша могла, в качестве вассального царства принести России большую пользу, чем при сохранении прежнего анархического застоя. К тому же он считал жестокостью принуждать Польшу коснеть в варварском состоянии.

Решнин писал Панину: «Если вы намерены дать Польше какую-нибудь, хотя малую самостоятельность для употребления ее когда-нибудь против турок, то нужно позволить внутренний порядок, ибо без него никакой и самой малой услуги или пользы мы от нее иметь не будем, потому что сумятица и беспорядок в гражданстве и во всех частях в таком градусе, что более быть не могут». Прочтя это донесение, Екатерина написала Панину: «Для чего бы нам не позволить пользоваться соседям некоторым нам индифферентным порядком, который еще и нам иногда может в пользу оборотиться»¹.

Таким образом, Россия, обращая главное внимание на вопрос о диссидентах, казалась склонной согласиться на некоторые политические реформы. Совсем иначе относился к Польше Фридрих II. Для него важнейшим делом было сохранение прежней анархии в Польше, которая в таком состоянии не могла быть опасной Пруссии. Вопрос о диссидентах Фридриху II казался менее важным. То обстоятельство, что интересы России и Пруссии в отношении к польским делам не вполне соответствовали друг другу, могло породить кое-какие недоразумения между обеими державами.

Фридрих II после избрания Понятовского в короли поздравил императрицу в самых льстивых выражениях. Он писал ей между прочим: «Господь сказал: да будет свет, и был свет... вы вещаете, и вселенная безмолвствует перед вами», и проч. Но в то же время король считал себя вправе давать советы Екатерине. В его письме от 30 октября 1764 года сказано: «Многочисленная часть польских магнатов решила уничтожить единогласие на сеймах; этот проект крайне важен для всех соседей Польши. Напрасно было бы тревожиться по поводу этой перемены в продолжение правления настоящего короля, но политика, объемлющая и будущее, заставляет рассматривать в подобной перемене

¹ Соловьев, XXVII, 263—264.

не только ближайшие ее действия, но и те, какие она может произвести со временем... я не вижу лучшего средства к тому, чтобы препятствовать полякам предаваться первым порывам восторга, как оставить ваши войска в Польше до тех пор, пока сейм не будет окончен»¹.

Внушения короля произвели желанное действие. Екатерина ответила, что согласится на нововведения в Польше разве в будущем, но что пока нельзя думать об отмене *liberum veto* и проч.²

Бывали, однако, случаи разногласия между Фридрихом и Екатериной. Учреждение Пруссией таможни в Мариенвердере произвело крайнее неудовольствие в Польше. Екатерина, заступаясь за Польшу, просила короля отменить таможню. На этот раз Фридрих повиновался и исполнил желание императрицы, но не без раздражения писал Сольмсу: «Когда же перестанут постоянно требовать от меня разных услуг?»³. Нехотя король согласился и на увольнение из Пруссии знаменитого математика Эйлера, которого Екатерина пригласила в Россию; немного позже король писал: «Иго, которое хотят возложить на меня, становится тягостным. Я с радостью буду союзником России, но я никогда не буду ее рабом». В другом письме сказано: «Я намерен удерживать всецело мою независимость; если захотят меня привести в рабство, то я готов рассориться скорее сегодня, чем завтра»⁴.

Король был весьма недоволен горячностью, с которой Россия покровительствовала диссидентам в Польше, и убеждал Екатерину действовать умереннее, утверждая, что она, собственно, не имеет права вмешиваться во внутренние дела Польши. При этом он указывал на опасения, тревожившие западноевропейские державы в этом отношении. Фридрих не хотел, чтобы Россия обращалась с Польшей так, как она обращалась с

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 204—214.

² Duncker, 182.

³ «Forschungen», IX, 185.

⁴ Reimann, 170, 180—181.

Курляндией; он желал, чтобы польский король управлял своим государством не иначе, как следуя внушениям России. Король хорошо понимал, что вопрос о диссидентах служил лишь средством для распространения русского владычества в Польше. Особенно Финкенштейн был недоволен образом действий России. Если уже прежде, в то время, когда саксонский курфюрст управлял Польшей, Пруссия должна была желать сохранения Польши в слабости, то тем более важным считал Фридрих II удерживать Польшу в анархическом состоянии в то время, когда там царствовал вассал России. Союз между Пруссией и Россией был заключен на восемь лет; по истечении этого срока Россия могла употребить Польшу как орудие в борьбе против Пруссии совершенно так же, как она рассчитывала на помощь Польши в случае разрыва с Турцией.

Напрасно прежде некоторые ученые предполагали, что Екатерина в польских делах вообще руководствовалась внушениями Фридриха II. Справедливо замечает один из новейших знатоков этого периода, что такое предположение обнаруживает незнакомство с характером, энергией и самостоятельностью Екатерины¹.

Пока союз, заключенный между Пруссией и Россией, оставался в полной силе; 4 мая 1764 года между обеими державами произошло новое соглашение, направленное против вмешательства в польские дела Австрии².

Таким образом, судьба Польши была решена. Репнин царствовал в Варшаве неограниченно. Надежды, которые Понятовский возлагал на Англию, оказались тщетными. Теснимый на каждом шагу Россией, видя неосуществимость своих проектов политической реформы, король порой предавался отчаянию, порой решался упорно стоять за интересы Польши, порой говорил о своем намерении отказаться от престола³. На Австрию рассчитывать было невозможно. Мария Терезия,

¹ Duncker, 160.

² Reimann, 211.

³ Herrmann, V, 405 и 415.

правда, заметила однажды в разговоре с английским посланником, что не может смотреть спокойно на пребывание русских войск в Польше, что не может терпеть порабощения короля польского¹; несколько раз Мария Терезия высказывала предположение, что между Пруссией и Россией существует соглашение с целью разделить Польшу. При всем том, однако, императрица-королева сознавалась, что не имеет возможности сделать что-либо в пользу короля Станислава-Августа и его несчастного государства².

Польские диссиденты постоянно пользовались самым энергичным заступничеством России. Панин объявил, что русские войска не выйдут из Польши до совершенного уравниения права диссидентов с правами католиков. Возникло намерение образовать конфедерацию, поддерживаемую русскими войсками. Екатерина была сильно раздражена образом действий епископов виленского и краковского, употреблявших свое влияние для возбуждения в народе религиозного фанатизма. Репнин и Сальдерн поступали резко и строго с противниками России. Все протесты поляков против пребывания в государстве русских войск оставались тщетными; напрасно король в письмах к Екатерине в самых трогательных выражениях жаловался на свое отчаянное положение. Напрасно даже Репнин советовал действовать более умеренно и кротко, для избежания опасности, которая могла грозить России от раздражения поляков, — Екатерина настаивала на своем и писала Репнину между прочим: «Наше достоинство и интерес вверенной нам от Бога империи требуют приведения к концу начатого нами дела». Английский дипломат Макартней доносил 25 июля 1766 года: «Панин сказал мне несколько дней тому назад, что он пожертвовал бы пятьюдесятью тысячами человек и все бы бросил, только бы добиться успеха в польских предприятиях»³.

¹ Raumer. «Beitrag zur neueren Geschichte», IV, 83.

² Reimann, 205, 208, 212.

³ «Сб. Ист. общ.», XII, 272.

Недаром король польский говорил, что ему приходится или изменить интересам Польши, или лишиться дружбы Екатерины; недаром он писал г-же Жоффрен: «Ох, мама! — трудная и печальная комиссия быть королем польским!»¹.

Борьба в Польше становилась с часу на час все более и более упорной. Один из Чарторыйских сказал Репнину, что в Польше скорее решатся на изгнание всех диссидентов, чем на уступку им политических прав. Репнин ответил, что в таком случае Россия умножит войска в Польше, примет крайние меры и никак не откажется от своих требований. На сейме Репнин сказал громко фанатикам, изъявившим готовность умереть за веру: «Перестаньте кричать! А будете продолжать шуметь, то и я, со своей стороны, шум заведу, а мой шум будет сильнее вашего»².

При таких обстоятельствах нужно было повиноваться. «Все потеряно», — доносил в Рим папский нунций. Во всех отношениях Репнин взял верх; не было более речи об отмене *liberum veto*. Против более смелых оппонентов были приняты крутые меры. Некоторые из них были захвачены и отправлены в Россию.

Екатерина была довольна своим успехом. Из множества документов, писем и записок видно, как она заботилась знать обо всем, следила за всеми подробностями, руководила всеми действиями Репнина и предвидела окончательное превращение Польши в провинцию России.

Однако Репнин не без основания опасался от употребления крутых мер усложнения польских дел. Самая упорная борьба предстояла после окончания сейма. Недовольные приступили к образованию Барской конфедерации, имевшей целью устранение анархического состояния Польши, свержение с престола короля Станислава и восстановление свободы и независимости. Началась кровопролитная междоусобная война, борьба не только политических партий, но и различных сословий между собой. При этой повсеместной неурядице русские дипломаты — Репнин

¹Соловьев, XXVII, 291.

²Там же. «Падение Польши», 67.

и заменивший его в 1769 году Волконский, — опираясь на русские войска, находившиеся в Польше, удерживали верх. Все это, однако, требовало значительного напряжения сил со стороны России. Недаром Екатерина в 1763 году, узнав о кончине польского короля Августа, заметила, что теперь начнутся бесконечные «tracasseries»¹.

Ко всему этому прибавился разлад с Османской Портой и затем турецкая война, которая должна была сделаться роковой и для Речи Посполитой. Поляки сильно ошибались, рассчитывая на спасение при помощи Турции. Справедливо писал тогда один поляк-современник: «Изгнать русских при помощи турок, значит зажечь дом для того, чтобы избавиться от мышей»². Русские не были изгнаны, — раздел Польши сделался неминуемым.

¹Соловьев, XXVI, 167 и след. ; XXVII, 279 и след. О деятельности Репнина множество данных в «Сб. Ист. общ.», XVI.

²Jauffret, I, 317.

ГЛАВА III

Турецкая война до 1770 года

События в Польше повлияли на отношения между Россией и Турцией. Желая заступиться за Польшу, Турция объявила войну России; война эта, показавшая, до каких размеров дошел упадок Османской Порты, окончилась полною победою России.

Было время, когда Турция в отношении Польши играла ту же самую роль, какую играла Россия при Екатерине. В XVI веке Турция безуспешно старалась сохранить в слабости Польшу, вмешивалась в избрание польских королей и проч. Затем настала эпоха упорной борьбы между Польшей и Турцией в продолжение XVII века. Обе державы быстро падали в продолжение XVIII столетия. Порою интересы Турции и Польши шли рука об руку. Так, например, во время Северной войны они действовали сообща против России. Отец короля Станислава-Августа Понятовского играл роль дипломатического агента Карла XII и Станислава Лещинского в Константинополе. Теперь же, когда готовился раздел Польши, возникла мысль противодействовать этому при помощи Турции.

Благодаря неудачным военным операциям Австрии и дипломатическому искусству Франции, Турция не слишком дорого поплатилась за столкновение с Россией при императрице Анне Иоанновне. Подвиги Миниха показали, сколь опасным противником для Турции сделалась Россия. Во время переговоров,

имевших следствием Белградский мир, начали говорить о разделе Турции. Порча в государственном организме Османской Порты, невозможность проведения реформ в области военного устройства не предвещали Турции успеха новой войны с Россией. Внутри Турция страдала от частых бунтов. В области внешней политики она не пользовалась никаким уважением.

Превращение Пруссии и России в первоклассные державы нанесло ущерб политическому значению Турции, служившей все более и более яблоком раздора между великими державами. Особенно сильным оказалось влияние французских дипломатов в Константинополе. Небезуспешно и Фридрих II во время Семилетней войны старался действовать на Порту через своего посланника Рексина. Заключение договора между Пруссией и Россией при Петре III сильно не понравилось Порте, точно так же, как мы уже видели, не особенно обрадовались там и воцарению Екатерины. Вмешательство Пруссии и России в польские дела было как бы нарушением интересов Порты.

Вскоре после вступления на престол Екатерины в Петербурге узнали, что Порта намеревалась помочь полякам. В июле 1762 года Обрезков добыл инструкцию Порты посланнику, отправлявшемуся в Берлин для заключения союза с Пруссией. В инструкции говорилось: во время пребывания в Польше дать знать полякам, что Османская Порта не лишит Польскую республику помощи и покровительства и отнюдь не позволит нарушения ее прежних прав и вольностей. Французский посланник Вержен указывал Порте на необходимость для нее вмешаться в польские дела и не позволять России господствовать в Польше¹. Обрезкову приходилось бороться против влияния французского посланника на Порту, которая, между прочим, попыталась было протестовать против избрания Понятовского. Положение русского дипломата в Константинополе становилось довольно затруднительным, потому что с разных сторон, между прочим, и от крымского хана Порта получала предостережения, в которых указывалось на возрастающее могущество России и усиливающееся влияние ее в Польше. В Турции начали появляться

¹Соловьев, XXV, 340—342.

беглецы из Польши, спасавшиеся от крутых мер Репнина и русских военачальников. К Обрезкову часто обращались с упреками, требовали объяснений. С подобными же затруднениями боролся в Крыму русский консул Никифоров. Хан Керим-Гирей не переставал вооружать Порту против России; то же самое делали австрийский посланник Пенклер и французский — Вержен. К тому же прусский посланник Рексин начал хлопотать о заключении прусско-турецкого союза, что внушало русскому правительству некоторое недоверие к Фридриху II и не соответствовало в точности видам короля¹.

При таком положении дел Обрезков советовал Панину, при вступлении русских войск в Польшу, дать строгий приказ начальствующим не приближать к турецким границам никакого отряда, даже самого малочисленного, ради избежания столкновений. В октябре 1767 года молдавский господарь донес Порте, что в Подолию, поблизости к турецким границам, вступило большое русское войско с осадной артиллерией. Из Польши были получены от разных лиц письма, в которых говорилось, что после Бога Польша не имеет другой надежды получить помощь, как только от Порты, и что истинные сыны отечества возлагают на нее все свое упование. Хан крымский прислал татарина, только что возвратившегося из Варшавы, с вестями, что Россия совершенно привела Польшу в свою зависимость, так что это королевство можно считать погибшим, если Порта не поспешит спасти его².

Таким образом, в то самое время, когда образовалась Барская конфедерация, отношения между Россией и Портой становились все более и более натянутыми. Театром военных действий в борьбе России с Польшей был южный край королевства, окруженный турецкими границами. Кречетников занял Бердичев, Апраксин взял Бар, князь Прозоровский разбил войско конфедерации при Бродах, затем, наконец, Апраксин и Прозоровский заняли Краков. Обрезков, обещавший в Константинополе удаление русских войск из Польши в ближайшем бу-

¹ Соловьев, XXV, 340, 342; XXVI, 87—96; XXVI, 182—186.

² Там же, XXVII, 269.

дущем, очутился в весьма неловком положении. Вскоре разрыв оказался неминуемым вследствие занятия русскими казаками, преследовавшими конфедератов, местечка Балты, находившегося на самой турецкой границе, причем было убито несколько турок, молдаван и татар; еще хуже казаки свирепствовали в Дубоссарах, где число убитых было довольно значительно¹.

Обрезков всячески старался уговорить Порту не объявлять войны России, выставляя на вид, что Россия не обязана отвечать за всяких разбойников. Прусский посланник Цегелин писал в это время: «Все зависит от возможности обуздать народ, жаждущий мести»².

Требования Порты с часу на час усиливались. Сначала она требовала удаления русских войск от турецких границ, затем очищения Подолии, наконец очищения всей Польши. Миропобивый визирь был заменен склонным к войне. 25 сентября 1767 года Обрезков был приглашен на аудиенцию к новому визирю, который осыпал его упреками; затем Обрезков был арестован. Началась война³.

Неудача в турецкой войне могла сделаться роковой для Екатерины. Со времени ее воцарения прошло несколько лет. С одной стороны, в продолжение этого времени внутренние кризисы беспокоили императрицу, с другой — она могла гордиться успехами своей политической деятельности в Курляндии и Польше. В области дипломатических сношений Россия в это время приобрела значение и полную независимость. Теперь же она должна была подвергнуться случайностям войны.

Екатерина рассчитывала на успех. Она писала Салтыкову, сообщая ему о разрыве с Турцией: «Команды я поручила двум старшим генералам... если бы я турок боялась, так мой выбор пал неизменно на лаврами покрытого фельдмаршала Салтыко-

¹ Соловьев, XXVII, 292 и след.

² Reimann, 248.

³ Соловьев, XXVII, 300—315.

ва... На начинающего Бог! Бог же видит, что не я начала. Не первый раз России побеждать врагов¹. В письме императрицы к графу Ивану Чернышеву, находившемуся за границей, обнаруживаются смелость, предприимчивость, оптимизм Екатерины. Здесь сказано: «Еще надо вам сказать одно слово. Я нахожу, что, порешив с мирным трактатом, чувствуешь себя свободной от большой тяжести, которая давит собой воображение. Тысячи поноровок, тысячи соображений и тысячи мелочных глупостей нужны, чтобы устранить турецкие крики. Теперь же я спокойна, могу делать что хочу, а Россия, вы знаете, может в значительной степени, а Екатерина II также иногда воображает себе всякого рода испанские замки, и вот ничто ее не стесняет, и вот разбудили спавшего кота, и вот кошка бросилась на мышей, и вот смотрите, что вы увидите, и вот о нас заговорят, и вот мы зададим такого звону, какого от нас не ожидали, и вот турки побиты, и вот с французами везде станут обращаться так же, как обращаются с нами корсиканцы, и вот много болтовни; прощайте, милостивый государь²».

С свойственной ей энергией Екатерина руководила приготовлениями к войне. Особенно же заботилась она о приведении в надлежащее состояние флота. В ее письмах к Чернышеву сказано между прочим: «Я так расщекотала наших морских по их ремеслу, что они огневые стали...» Через некоторое время она писала: «У меня в отменном попечении ныне флот, и я истинно его так употребляю, если Бог велит, как он еще не был», и проч. К этому времени относится учреждение Государственного Совета, который должен был заняться приготовлениями к открытию военных действий, собиранием денег, войск, запасов. Все это соответствовало учреждению Сената в 1711 году Петром, накануне турецкой войны. И Сенат при Петре, и Государственный Совет при Екатерине как бы из временных комиссий, происхождение которых было вызвано войной, сделались постоянными государственными учреждениями.

Несмотря на все усилия, оказалось, что Россия была крайне

¹ Соловьев XXVIII, 8—9.

² «Русский архив» 1871, 1324.

плохо подготовлена к войне. Комплект полков был далеко не полным. Военная администрация страдала множеством недостатков; значительные суммы, назначенные для содержания войска, употреблялись на другие предметы; военные припасы оказались большей частью негодными. Записки офицеров, участвовавших в походе, включают в себе любопытные подробности о жалком положении армии, о плохой пище и одежде солдат, о разных недостатках и проч.¹

К счастью России, положение, в котором находилась турецкая армия, было еще более печальным. Порта объявила войну поздней осенью, значит, в то время, когда некоторые отряды войска малоазиатских провинций не находились вовсе в распоряжении турецкого правительства. Таким образом, Россия располагала несколькими месяцами для приготовления к походу.

Вольтер не сомневался в успехе русского оружия. В одном из его остроумных писем к графу А. С. Воронцову сказано, что теперь настала эпоха славы России, что турки будут изгнаны в Малую Азию и проч. В восторженных выражениях он говорил о способностях императрицы, в которой он видел представительницу идей просвещения и прогресса, покровительницу наук, искусств и т. п.²

Деятельность Екатерины в это время отличалась изумительной многосторонностью. Ею были составлены вопросные пункты, лежавшие в основе при обсуждении плана военных действий, она старалась вникнуть в подробности финансовой операции, вызванной потребностями войны, т. е. выпуска бумажных денег; она заботилась о всех частностях отправления в Средиземное море флота и проч.³ Вольтеру она писала: «Не знаю, есть ли у Мустафы (султана) ум, но имею основание думать, что он говорит: «Магомет, закрой глаза!», когда он хочет предпринимать против соседей несправедливые войны, не

¹ См. записки Кнорринга в издании Бернгарди. «Vermischte Schriften», I, 62—73, а также «Русский архив», 1882, I, 125 и след.

² «Архив кн. Воронцова», V, 456—457.

³ «Сб. Ист. общ.», X, 304—337.

имея к тому никакого повода. Если эта война будет успешна для нас, то я буду многим обязана Мустафе и его приверженцам, потому что они мне доставят славу, о которой я не помышляла»¹.

Успехи, однако, заставляли ждать себя долго. В январе 1769 года произошло вторжение в пределы России татар, которые увели в плен несколько тысяч человек и обогатились громадной добычей. Это было последнее нашествие татар, осязательно указавшее на необходимость уничтожения их самостоятельности и расширения пределов России до берегов Черного моря. Такая цель была достигнута лишь через два десятилетия.

Не раньше как весной 1768 года, русское войско, предводительствуемое Голицыным и Румянцевым и сильно страдавшее от непогоды, дошло до турецкой границы. Предположение Румянцева завладеть Очаковом и занять Крым осуществилось лишь гораздо позже. Военные действия начались около турецкой крепости Хотина. По недостатку в пушках Голицын не мог открыть правильной осады крепости и должен был отступить обратно за Днестр, где и оставался почти в бездействии до сентября месяца, когда турки от недостатка провианта и наступивших холодов сами очистили Хотин, который и был занят русскими войсками. Голицын был отозван, но тем не менее занятие Хотина имело благоприятные последствия. 26 сентября генерал-лейтенант Эльмгт вступил в Яссы. Жители Молдавии присягнули Екатерине, что дало ей повод к веселой шутке в письме Бибикову: «Новая молдавская княгиня вам кланяется». «Визирь, — писала она далее, — ушел за Дунай, и только с ним тысяч до пяти... от Хотина до Ясс считают до двадцати тысяч турецких мертвых лошадей, кои лежат по дороге... Вся Молдавия učinила нам присягу, и скота всем досыта»².

Достойны внимания относящиеся к этому времени письма Екатерины к Румянцеву. Она старалась всячески возбудить в нем честолюбие. Здесь, между прочим, сказано после некоторых

¹ Там же, 309.

² «Сб. Ист. общ.», X, 389.

замечаний об экспедиции в Средиземное море: «Если все это удастся и Бог благословит вас, то великие дела увидим в нашем веку и турецкая громада подвержена будет некоторому потрясению... На вас Европа смотрит». Узнав о взятии в плен господарей Валахии и Молдавии, Екатерина шутила: «Прошу при случае прислать самого визиря или, если Бог даст, и самого султанского величества». Далее она указывала на необходимость занятия Бендер, что было сделано, впрочем, не раньше как в 1770 году. После занятия русскими войсками Азова и Таганрога императрицу занимала мысль о создании на Азовском море сильного русского флота, который мог бы грозить турецким владениям на берегах Черного моря и явиться в устье Дуная и у самого Константинополя. Екатерина начала думать о возможности завладения Кавказом, собирала сведения о положении Тифлиса и кавказских владений и проч.¹

В продолжение всего этого времени Екатерина в письмах к разным лицам любила говорить о цветущем состоянии России, о ее неисчерпаемом богатстве, об успехах русского оружия. Вместе с тем она подшучивала над отчаянным положением, в котором находятся турки. О вторжении татар в пределы России она говорила, как о событии, не заслуживающем никакого внимания; порою она выражала сильное неудовольствие, когда в западноевропейских газетах являлись рассуждения о затруднениях, с которыми должна была бороться Россия, о потерях ее в войне, о победах турок и проч.² Однажды она писала к г-же Бьельке: «Я очень рада, что статья в газете о том, что мой флот отправится брать Константинополь, вам нравится. Правда, что это сделать несколько легче, чем схватить луну зубами, и если я завладею этим городом, то это будет, конечно, сделано для того, чтобы вам не делать отказа»³. Поздравления Фридриха II по случаю побед России доставляли императрице удовольствие⁴. В письмах ее к

¹ Соловьев, XXVIII, 25 и след.

² «Сб. Ист. общ.» X, 344, 351, 378, 381, 391, 397, 400.

³ Там же, X, 388.

⁴ Там же, XX, 265, 274.

Ивану Чернышеву сказано между прочим: «Много мне пушек надобно; я турецкую империю подпаливаю с четырех углов; не знаю, загорится ли и сгорит ли, но то ведаю, что со времени начатия их не было еще употреблено против их толиких хлопот и забот». Особенно подробно она писала Чернышеву о занятии Азова и Таганрога и о быстрых успехах при сооружении флота на Азовском море. «Много мы каши заварили, — сказано в другом письме, — кому-то вкусно будет». Рассказывая об экспедиции в Средиземное море и Архипелаг, Екатерина говорит: «Верить не можете, с какой силой мы принялись за нынешние военные дела и сколько струн на нашу лиру натянуты, и если наши неприятели не закряхтят путем, то не мы, но отменное несчастье тому причиной будет...» «Вы видите, что у меня на уме только война да война и что г. Сабатье (французский посланник) будет встречен, как собака, попадающаяся в игру в кегли» и проч.

Тотчас же после разрыва с Турцией возникла мысль об архипелажской экспедиции. Григорий Орлов первый заговорил об этом проекте в Государственном Совете, настаивая на том, чтобы целью войны было свободное мореплавание на Черном море. Было решено вооружить против Порты ее подданных в Морее, Далмации, Черногории и проч. Вице-канцлер должен был составить список всем христианским народам, населявшим Балканский полуостров².

Таким образом, в Турции должно было повториться то, что происходило в Польше относительно диссидентов. Союз России с греками и прочими христианскими подданными Порты мог сделаться роковым для этой державы. Уже в XVII столетии Юрий Крижанич указывал на этот союз как на лучшее средство для уничтожения Турции. В этом же направлении действовал Петр Великий в борьбе с Портой в 1711 году; в 1736 году русский посол в Константинополе Вешняков указывал на возможность вооружения балканских христиан как на самое верное условие победы над Турцией³. Однако все эти надежды не

¹ «Русский архив», 1871, 1328—1333.

² «Архив Гос. Совета», I, 355—357.

³ «Древняя и новая Россия», 1877, II, 266—267.

осуществились ни при Петре, ни при Анне Иоанновне. Спрашивалось, можно ли было рассчитывать на успех при Екатерине, употреблявшей для достижения желанной цели гораздо большие средства, нежели ее предшественники¹.

Уже в самом начале царствования Екатерины в турецких владениях находились русские агенты, отправленные туда, очевидно, по предложению братьев Орловых. Так, например, в 1763 году к «спартанскому народу» были посланы два грека; один из них вернулся в 1765 году и сообщил о готовности «спартанского народа» восстать против турок, лишь бы они могли рассчитывать на помощь России; по мнению агитатора, можно было тоже ожидать повсеместного бунта и прочих христианских подданных Порты, в случае появления у берегов Турции русского флота, раздачи инсургентам оружия и проч.; подобные сведения собирал в дунайских княжествах агитатор-лазутчик, болгарин Каразин.

Английский дипломат Каскарт доносил, что сначала такое предприятие показалось Екатерине слишком смелым, но что затем она решилась приступить к осуществлению обширного проекта. В России надеялись, что Морея, Альбания, Эпир и острова в Архипелаге сделаются театром повсеместного восстания. В случае удачи Россия могла бы диктовать Турции условия мира. Есть основание думать, что в России мечтали о присоединении к ней турецких областей; быть может, у Григория Орлова и Екатерины явилась мысль и об окончательном уничтожении Турции².

Для достижения этой цели нужен был флот. Между тем морское вооружение России находилось далеко не в удовлетворительном состоянии. Со времени Петра Великого немного было сделано для сохранения в надлежащем состоянии флота. Екатерина в 1765 году в Кронштадте могла убедиться в недостатке флота; она писала Панину: «У нас в излишестве кораблей и людей, но мы не имеем ни флота, ни моряков». Порицая резко неловкость, с которой маневрировали военные

¹ «Архив Гос. Совета», 356—395. «Сб. Ист. общ.», I, 1—169.

² См. Бернгарди. «Vermischte Schriften», I, 115—117. «Русский архив», 1873, 62.

суда в ее присутствии, императрица заключила свое письмо следующим замечанием: «Надобно сознаться, что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельдей, но не на военный, так как ни один корабль не умеет держаться в линии»¹.

В первых месяцах 1769 года вопрос о сооружении флота сделался предметом оживленных прений в Государственном Совете. Сама императрица представляла записки, вопросы для обсуждения в собрании. Руководителем экспедиции назначили графа Алексея Орлова, находившегося в это время для поправки своего здоровья в Италии. Для исполнения возложенного на него поручения он получил весьма значительные суммы денег, которыми мог распоряжаться по своему усмотрению. Бесчисленное множество рескриптов и писем Екатерины к Орлову, к другим адмиралам и государственным людям свидетельствуют об участии, которое она принимала в деле архипелажской экспедиции. Ею были составлены списки тем лицам, которые в качестве агитаторов должны были действовать в турецких владениях; она лично давала Орлову во все время инструкции, выставляя, между прочим, на вид, что нужно действовать осторожно, что нужно по возможности начать бунт одновременно во всех провинциях Турции; она давала советы относительно способа революционной пропаганды, распределения оружия и военных снарядов между инсургентами; после того как еще в начале 1769 года греки обратились к императрице с адресом, она не сомневалась в успехе².

В июле 1769 года первая эскадра под начальством адмирала Спиридова отбыла из Кронштадта; за ней следовала вторая, — под начальством Эльфинстова, только что вступившего в русскую службу; весною 1770 года, наконец, отправилась третья. С лихорадочным волнением Екатерина все время следила за движением эскадр; ее раздражала медленность действий адмиралов; она постоянно говорила о необходимости торопиться для более успешного нападения на «медведя в берлоге». Все новые

¹Сб. Ист. общ., X, 23—25.

²Там же, II, 284—286.

и новые эскадры, транспортные суда, запасы оружия, отправлялись из Кронштадта¹.

Весьма важным обстоятельством для России было расположение к ней Англии, которая на этот раз не желала препятствовать успехам России в борьбе с Турцией. Исполненная надеждой и гордостью, Екатерина писала графу Алексею Орлову: «Европа вся дивится великому нашему подвигу и с любопытством обращает теперь на вас, исполнителя его, свои взоры; беспристрастные все радуются успехам нашим и желают оным распространения и прочности; напротив того, державы, славе и возвышению империи нашей завистующие, и на нас за то злобствующие, раздражаясь от часу более в неистовой своей ненависти, усугубляют, вопреки коварства и ухищрения свои»².

Архипелажская экспедиция сильно не понравилась французам; осенью 1769 года в Париж приехал итальянец граф Томатис, служивший у польского короля распорядителем придворных зрелищ, и рассказывал, что русские, на основании успехов своих в Турции, поговаривают уже о разделе завоеваний; а именно: за собой оставляют Азов, Таганрог и право свободной торговли по Черному морю; король польский получит Молдавию и Валахию; венский двор получит часть Валахии, а за берлинским двором останется епископство Вармийское. Томатис уверял, что между Россией, Австрией и Пруссией уже заключен дружественный договор³.

Напротив, Англия сочувствовала предприимчивости России. Английский министр Рочфорд в разговоре с русским посланником Чернышевым сказал: «Какое смелое предприятие. Как бы я желал, чтоб мы были теперь в войне с Францией: два соединенных флота наделали бы прекрасных вещей!» Но когда английский посол при русском дворе лорд Каскарт сообщил своему Министерству о существовании в Петербурге проекта образования из Крыма, Молдавии и Валахии независимых государств для ограж-

¹Сб. Ист. общ., I, 40. Соловьев, XXVIII, 36 и 37.

²Сб. Ист. общ., I, 40.

³Соловьев, XXVIII, 94.

дения от Турции, то Рочфорд отвечал ему, что такой план не вполне соответствует умеренности петербургского двора и заявленному им нежеланию расширять русские границы; легко усмотреть, что такие независимые государства в сущности будут в полной зависимости от России. Рочфорд сделал Каскарту внушение, чтобы он не очень увлекался удивлением к высокому характеру русской императрицы и некоторых ее министров, а предполагал бы в них известную долю честолюбия¹.

Хотя Шуазель и представил кабинету Людовика XV записку, в которой было указано на необходимость уничтожения русского флота до достижения им Гибралтарского пролива, Франция не препятствовала предприятию России. Король и прочие министры не одобряли проекта нападения на русский флот, и таким образом русские эскадры спокойно продолжали свой путь к берегам Балканского полуострова и островам архипелага².

Впрочем, оказалось невозможным поднять повсеместное восстание христианских подданных султана. С одной стороны, виновниками неудачи были руководители-агитаторы, не умевшие взяться за дело, с другой — мешали успеху склонность к грабежу и насилию и отсутствие порядка у греков. Высадка, сделанная русскими войсками в Морее, где тотчас же началась резня между греками и турками, не увенчалась успехом. Греки действовали без определенного плана, случайно, не соблюдая дисциплины; им не была вовремя оказана помощь со стороны русских войск. Греки стали добычей кровопролитного мщения турок. Алексей Орлов в самых резких выражениях порицал образ действий инсургентов в этом случае. И Екатерина не без раздражения жаловалась на то, что «греки не хотели извлечь себя из-под ига порабощения»³.

Вольтер сравнивал нападение России на Турцию с походом Ганнибала против римлян. Екатерина в ответном письме заметила: «Карфагеняне имели дело с колоссом, который был в пол-

¹ Соловьев, XXVIII, 103.

² Zinkeisen. «Gesch. d. osman. Reiches», V, 929.

³ «Сб. Ист. общ.», I, 43, замечание, и стр. 51.

ной силе, тогда как мы стоим против слабого призрака, которого все части распадаются по мере того, как к ним прикасаешься»¹.

Победы России в июне и июле 1770 года доказали справедливость замечания Екатерины. Она писала в начале 1770 года: «Победа — враг войны и начало мира: победой истребляется война и прокладывается путь к миру»². В продолжение нескольких дней турки три раза были разбиты русскими.

После неудачной высадки в Море русский флот находился у Наварина; форт этого города был взорван русскими. Алексей Орлов писал императрице: «Ежели Богу угодно будет сокрушить флот неприятеля, тогда стараться станем и употребим всю возможность опять союзно действовать с обитающими народами под державой турецкой, в той стороне, где будет способнее... Если флот победим, тогда и денег не надо будет, ибо будем господами всего Архипелага и постараемся оголодать и Константинополь»³.

Преследуя турецкий флот, Орлов застал его у острова Хиоса. Здесь он одержал над ним блестящую победу (24 июня). Два дня спустя ему удалось сжечь весь турецкий флот в Чесменской бухте.

Известие об этих событиях произвело глубокое впечатление в Петербурге. Даже Петр Великий не имел такого успеха на море. В разных письмах Екатерины обнаруживаются ее радость и восторг по поводу этой победы над турками: «Дивен Бог в чудесах своих! — сказано в ее письме к Румянцеву. — Мало в свете слыхано подобного. Мы 14-го сего месяца (сентября) Богу приносим благодарение, а на другой день была соборная панихида Петру Великому, основателю флота и первому виновнику сей новой для России славы. Мы плодом его трудов пользуемся» и проч.⁴ Предводители флота были осыпаны награ-

¹ «Сб. Ист. общ.», X, 401.

² Соловьев, XXVIII, 105.

³ Там же, 132.

⁴ Там же, 135—136.

дами. Орлов назван Чесменским. Сама императрица старалась придумать надпись для памятника, поставленного в Царском Селе в честь Орлова и в память Чесменской битвы. Вольтеру Екатерина писала, сообщая ему некоторые подробности о Чесменской битве: «Что касается до взятия Константинополя, то я не считаю его столь близким, однако в этом мире, говорят, не нужно отчаиваться ни в чем. Я начинаю верить, что это зависит более от Мустафы, чем от всякого другого... если он будет по-прежнему упорствовать, то непременно доведет свою империю до больших бед. Он забыл свою роль, он зачинщик»¹.

Уничтожение турецкого флота в Чесменской бухте в 1770 году может быть сравнено с поражением, нанесенным туркам в 1571 году при Лепанто соединенными флотами Испании, Венеции и проч. После битвы при Лепанто не осуществились надежды, возбужденные в противниках Порты этим событием. Совершенно так же и Чесменская битва не привела к желаемой цели, т.е. к заключению выгодного мира. Русский флот после крайнего напряжения сил нуждался в отдыхе. Барон Тотт, агент Франции, помог туркам укрепить Дарданельский пролив. Быть может, Алексей Орлов не сумел воспользоваться выгодой своего положения, быть может, он имел бы возможность принудить Порту к заключению выгодного мира, если бы со всем русским флотом, непосредственно после Чесменской битвы, появился у стен Константинополя. Слухи о дальнейших успехах Орлова оказались лишенными основания.

Вскоре после Чесменской битвы русским удалось нанести туркам страшные удары и на суше.

Екатерина с напряженным вниманием следила за операциями русских войск на Дунае. Узнав об опустошении дунайских берегов русскими войсками, она выразила желание, чтобы войска в своих действиях руководствовались началами кротости и гуманности. Вскоре она была обрадована известиями о победах, одержанных Румянцевым на реке Ларге (7 июля) и при Кагуле (21 июля). Великий визирь едва спасся поспешным отступлением за Дунай. Осенью графу Петру Панину удалось взять Бен-

¹ «Сб. Ист. общ.», XIII, 41—42.

деры. До этого сдались другие укрепленные места, такие как Измаил, Килия, Аккерман; немного позже русские заняли Браилов.

Румянцев имел дело с турецким войском, численностью далеко превосходившим русскую армию. Тем большее значение имели его победы. В записках Рунича встречается замечание, что Кагульская битва, устранившая опасность, грозившую России, может именно в этом отношении быть сравнена с Полтавской битвой 1709 года¹.

Екатерина в своих письмах к Вольтеру, к г-же Бьельке и прочим заботилась о распространении в Западной Европе подробных известий о победах России, примешивая к своим рассказам остроумные замечания и шутки, выставляя на вид, что Россия вовсе не чувствует бремени войны, восхваляя подвиги русских полководцев и адмиралов, и проч. В одном из писем к Вольтеру, написанных до взятия Браилова, сказано между прочим: «Повторения наскучат; я вам так часто рассказывала о взятии того или другого города, о поражении турок в таких-то местах. Для забавы, говорят, нужно разнообразие, ну так знайте же, что ваш любезный Браилов был осажден, что к нему был приступ, что этот приступ был отбит и осада снята»².

Понятно, что Фридрих II с самым напряженным вниманием следил за ходом русско-турецкой войны. Неоднократно он поздравлял Екатерину с одержанными ею победами. Так, например, он писал однажды: «Средиземное море, покрытое русскими кораблями, и ваши знамена, распушенные на развалинах Спарты и Афин, будут вечным памятником, свидетельствующим потомству о величии вашей славы и блеске вашего царствования. Константинополь, трепещущий при виде русского флота, и султан, вынужденный подписать мир, какой предпишет ему ваша умеренность, довершат этот памятник славы. Все это ставит ваше величество наряду с величайшими людьми, каких произвела вселенная». В другом письме сказано: «Я должен поздравить ваше величество не знаю уже со сколькими

¹ «Русская Старина», II, 129.

² «Сб. Ист. общ.», XIII, 46.

победами морскими и на суше; число их делает то, что их смешивают; моя скромность заставляет меня ждать полной подюжины, чтобы не докучать вашему величеству, приветствуя вас с мелкими подробностями этих побед, на которых бы уже ожидалась слава других монархов» и т.п.¹

Успехи похода 1770 года заставляли императрицу и ее министров надеяться на скорое окончание войны. Возникла мысль об освобождении Крымского полуострова от всякой связи с Турцией, о превращении татарского ханства в независимое государство и о присоединении его после этого к России. Далее русское правительство начало рассчитывать на право свободного плавания по Черному морю. Екатерина настаивала на необходимости занятия Керченского пролива, кроме того, она выразила желание приобрести несколько укрепленных мест в Архипелаге; заговорили о выгодах свободного сообщения России через Черное море с Средиземным.

Начались переговоры с крымским ханом. Екатерина надеялась, что Крым станет чем-то вроде вассального государства России. Старания ее увенчались успехом. В Крыму образовалась русская партия. Петр Панин в то время, когда он был занят осадой Бендер, находился в сношениях с Крымом и действовал на татар для достижения целей России².

В то же самое время начались переговоры о мире с Портой. Особенно Григорий Орлов говорил о необходимости скорого окончания войны; Екатерина также желала избежать третьего похода и собственноручно составила записку о средствах к достижению этой цели³. В дипломатических сношениях с разными державами обсуждался вопрос об условиях мира с Турцией. Однако переговоры не привели ни к какому результату; приходилось продолжать военные действия.

¹Сб. Ист. общ., XX, 274, 277, 309, 311.

²Соловьев, XXVIII, 119—125.

³Там же, 144—147.

В ноябре 1770 года Григорий Орлов представил Совету план военных операций, состоявший в том, чтобы строить суда не только для перехода через Дунай, но и для нападения на Константинополь, чтобы этим смелым действием принудить Порту заключить мир по воле победителя. Далее Совет признавал за нужное учинить сильное предприятие на Крым. За сооружением флота должен был наблюдать англичанин Наульс (Knowles). Екатерина, как видно из множества писем ее, зорко следила за ходом этого дела¹.

Во время похода 1771 года Дунайская армия находилась в чрезвычайно затруднительном положении и не имела успеха. Зато князь Долгорукий и в качестве дипломата, и в качестве полководца действовал весьма успешно в Крыму. Им были заняты Перекоп, Евпатория, Керчь. Переговоры с татарами приняли благоприятный оборот. По крайней мере временно, Россия управляла Крымским полуостровом. 17 июля Екатерина была обрадована прибытием в Петербург одного из трех курьеров с известиями об успешных действиях русского оружия в Крыму. В письме к Долгорукому сказано между прочим: «Благодарствую вам и за то, что вы не оставили мне дать знать, что вы уже подняли русский флаг на Черном море, где давно не казался, а ныне веет на тех судах, которые против нас неприятель употребить хотел и трудами вашими от рук его исторгнуты»².

Оказалось, однако, что было легче иметь перевес в войне, чем достигнуть желанных целей в области дипломатического искусства. Превратить Крым из вассального государства Турции в независимую, т.е. в находившуюся под влиянием России область, было нелегко. Шагин-Гирей явился для переговоров в Петербург, где всячески старались приобрести расположение татар.

В марте 1771 года Алексей Орлов прибыл в Петербург для представления отчета о положении дел в Архипелаге. В одном заседании Государственного Совета он высказался против приобретения какого бы то ни было архипелажского острова. В это

¹ Соловьев, XXVIII, 212—217.

² Там же, 237.

время в руках русских находилось не менее 20 островов в Архипелаге. Екатерина выразила желание удержать за собой по крайней мере один из этих островов, «чтобы турки постоянно имели перед глазами доказательство перевеса России и держали себя умеренно». Спиридов говорил в пользу приобретения острова Пароса¹.

Заключению выгодного мира препятствовали затруднения разного рода.

---

¹ Соловьев, XXVIII, 237.

ГЛАВА IV

Раздел Подъши. Окончание турецкой войны

У России в это время не было недостатка в противниках. Особенно упорно Франция старалась действовать в ущерб русским интересам.

Екатерина сочувствовала инсургентам в Корсике, их вожаку Паскалю Паоли. Между ее бумагами был найден проект манифеста к корсиканцам¹. В ее письмах к Ивану Чернышеву встречаются нередко отзывы, свидетельствующие о ее внимании к Паоли и его приверженцам. Императрица в это время изучала карту Корсики; она желала приобрести портрет Паоли. Не без раздражения говорила о «нечестивых», о «проклятых наших злодеях, мерзких французах»².

В продолжение всего этого времени Шуазель противодействовал видам России в Константинополе. Он отправил туда полковника Валькруассана с поручением помогать туркам в борьбе против России; в этом же направлении трудился барон Тотт. Такие же инструкции получали французские агенты в Польше. Между Шуазелем и русским послом в Париже, Хотинским, происходили порой недоразумения. Шуазель старался вовлечь и Австрию в борьбу против России. Узнав об отправлении русского флота в Архипелаг, Шуазель насмешливо сказал прусскому по-

¹Сб. Ист. общ., X, 322—323.

²«Русский архив», 1871, 1318, 1319, 1321, 1331.

сланнику, барону Гольцу: «Слышали вы о новом феномене, о русском флоте? Вот и новая морская держава появилась!» Однако в то же время Хотинскому пересказали следующий отзыв Шуазеля: «Это предприятие романтично, но нельзя не признать, что оно имеет основание и на него хорошо смотрят; дорого оно, и не думаю, чтоб много этим было сделано, но все-таки это блестящая экспедиция»¹.

Козни французов возбуждали гнев императрицы; в одном из ее писем к Алексею Орлову сказано: «Наши враги, французы, теперь мечутся как уторелые кошки, однако, в противность их желания, Бог благословил наше дело счастливым и скорым окончанием»². В одном письме к г-же Бьельке Екатерина жалуется на то, что «французские собаки командуют поляками»³. Падение Шуазеля в конце 1770 года сильно обрадовало Екатерину. Однако и преемник Шуазеля, герцог Эгильон, не благоприятствовал России и старался препятствовать заключению выгодного мира с Турцией. В беседе с Хотинским Эгильон порицал стремление России овладеть Константинополем, протестовал против так называемой независимости татар и против проекта раздела Польши⁴.

Гораздо уступчивее была Англия. Отношения России к этой державе оставались дружественными. Победы русских войск и эскадр не возбуждали неудовольствия Англии. Зато там не нравилось стремление России образовать из Крыма, Молдавии и Валахии независимые государства, потому что, как писал Рочфорд английскому послу Каскарту, «независимость такого рода в сущности не мыслима иначе, как при полной зависимости от России»⁵. Каскарт старался собрать сведения о предположениях России при отправлении флота в Архипелаг. Когда он узнал о замечании Панина, что едва ли можно ожидать одобрения Ан-

¹ Соловьев, XXVIII, 93.

² «Сб. Ист. общ.», I, 81.

³ Там же, XII, 187.

⁴ Соловьев, XXVIII, 382—386.

⁵ «Сб. Ист. общ.», XII, 460—461.

глии по случаю решительных побед, одержанных Россией над Турцией, он спешил уверить графа в том, что Англия искренне желает России дальнейших успехов. В инструкции, составленной английским министерством для посланника Гуннинга, сказано: «Каков бы ни был исход настоящих переговоров, вы не преминете изгладить в уме императрицы и ее министров всякое подозрение относительно того, будто бы мы питаем зависть к морским и сухопутным приобретениям, которые могут быть сделаны ею на Черном море, исключая свободный проход русских кораблей из этого моря в Средиземное»¹. Значит, уступчивость Англии имела известные пределы. Однако Англия и в отношении к успешным действиям России в Польше, и в отношении к дальнейшим событиям турецкой войны оставалась спокойным и благосклонным зрителем. В письме Екатерины к г-же Бьельке от 4 января 1772 года сказано: «Я так привыкла к дружбе англичан, что смотрю на каждого из них, как на лицо, желающее мне добра, и действую, насколько от меня зависит, соображаясь с этим. Если бы Англия была так близко ко мне, как Швеция, я бы давно предприняла туда поездку, но по настоящему ее положению я отказываюсь от этого»².

Весьма недовольна была успехами русского оружия в борьбе с турками Австрия. В Вене хорошо понимали, что каждая победа России над Портой усиливала влияние России в Польше. Венский двор желал служить посредником между Турцией и Россией. Тутут, австрийский дипломат в Константинополе, должен был внушить Порте, что Австрия не станет смотреть равнодушно на занятие Молдавии русскими войсками. Со стороны Порты была сделана попытка вовлечь Австрию в войну против России, однако это старание оказалось тщетным. Мария Терезия и Кауниц

¹ «Of any territorial or maritime acquisitions she may make on the Black sea exclusive of a passage for Russian ships from that sea to the Mediterranean». Так напечатано в изд. «Сб. Ист. общ.», XIX, 267. Русский перевод неправилен: «приобретениям, которые могут быть сделаны ею на Черном море, ввиду доставления свободного прохода русских кораблей из этого моря в Средиземное».

² «Сб. Ист. общ.», XIII, 209.

довольствовались тем, что Иосиф II, при свиданиях с Фридрихом II в Нейссе и в Нейштаде, говорил о необходимости обуздания честолюбия и страсти к завоеваниям императрицы.

Наконец, и Фридрих II был недоволен постоянно получавшимися известиями о победах России. Он видел, что чрезмерными успехами русского оружия усложняется вопрос об условиях мира. К тому же он начал тяготиться союзом с Россией и изъявлял готовность к некоторому сближению с Австрией. После решительных побед, одержанных Россией летом 1770 года, он в своих письмах к императрице начал давать ей советы, расхваливать добродетель умеренности, справедливости, уступчивости и проч. Все это легко могло повести к недоразумениям, к охлаждению дружбы между Фридрихом и Екатериной. Фридрих II сопровождал свое собственноручное письмо к императрице от 4 января 1771 года запиской, в которой было указано на пределы требований России при заключении мира с Турцией. Король в этой записке выразил желание, чтобы Екатерина отказалась от своего намерения приобрести Крым и дунайские княжества; далее он выставлял на вид, что приобретение Россией одного из архипелажских островов было бы несовместно с интересами разных держав; затем он требовал, чтобы Екатерина не настаивала на независимости крымских татар; наконец, он указывал на то, что в случае чрезмерных требований России Порта станет искать союза с Австрией и проч.¹

Из нескольких писем Фридриха II к брату Генриху, находившемуся в конце 1770 года в Петербурге, видно, в какой степени король желал окончания русско-турецкой войны. Однако из этих же писем можно усмотреть, что он в сущности не считал требования России чрезмерными. В этом смысле он говорил и с австрийским дипломатом фон Свитеном.

Понятно, что Екатерина была раздражена запиской Фридриха II. Она написала Панину между прочим: «Во всех этих бумагах (т.е. в письме и записке Фридриха) видно большое неудовольствие, мелкая зависть и угрозы; но эти угрозы не

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 276 и след.

прямо от него, а все положено на счет венского двора; но когда увидят, что угрозами ничего не выиграют, то остальное найдется само собою. Держитесь крепко и ни шага назад: все обделается как нельзя лучше; а если увидят, что мы гонимся за миром, получим мир дурной»¹.

Требования Фридриха, чтобы Россия после столь успешных военных действий довольствовалась двумя Кабардами, Азовом с округом и свободным плаванием по Черному морю действительно могли считаться оскорблением. Екатерина отвечала королю не собственноручно, что не может согласиться на условия мира, предложенные королем, указывая несколько подробнее на притязания России. Фридрих повторил свое предостережение, замечая: «Я прошу ваше величество не смотреть на эти переговоры, как на безделицу. Я имею причину считать их делом крайней важности, которое, если бы не повело к желанной цели, могло бы навлечь на вас войну, гораздо более опасную и трудную, чем война с турками»².

В этом же тоне говорили о притязаниях России Кауниц в беседе с Голицыным в Вене, Лобкович в беседе с графом Паниным в Петербурге. В собственноручно составленной записке Екатерина объясняла свой взгляд на вопрос об условиях мира³. Венский двор грозил, что останется равнодушным к требованиям России. Панин оказался несколько более склонным к уступкам, нежели императрица.

В столь затруднительном положении раздел Польши служил лучшим, если не единственным средством примирения интересов различных держав. В то самое время, когда Россия готовилась к продолжению турецкой войны, к нападению, буде возможно, на самую турецкую столицу, в то самое время, когда можно было считать вероятным окончательный разлад между Австрией и Россией, три державы, Пруссия, Австрия и Россия, решились приступить к разделу Польши.

¹ Соловьев, XXVIII, 211—212.

² «Сб. Ист. общ.», XX, 301 и след.

³ Соловьев, XXVIII, 256 и след.

Фридрих II хотел во что бы то ни стало препятствовать столкновению между Россией и Австрией; он не без основания опасался быть вовлеченным в войну в качестве союзника России. Поэтому виды России не могли не беспокоить короля. Когда Австрия хотела было заступиться за Польшу, он еще более прежнего сблизился с Россией, рассчитывая на то, что уединенная Австрия едва ли решится на крайние меры, видя тесный союз Пруссии с Россией. После разрыва между Россией и Турцией король не переставал считать возможным усложнение дела, вовлечение в эту войну Австрии и Пруссии. Нужно было для избежания такой беды придумывать способ удовлетворения России, приобретшей своими победами над Портой право на кое-какие завоевания. В разговоре с императором Иосифом II в Нейссе Фридрих допускал, что союз с Екатериной¹ может сделаться для него тягостным и слишком дорого стоящим¹. Когда началась турецкая война, Фридрих писал к своему брату Генриху: «Я твердо решился не принимать участия в войне, которая несколько до нас не касается и которая может доставить выгоды всякому другому, только не нам». Однако, уплачивая в силу договора с Россией субсидии Екатерине, он некоторым образом все-таки принимал участие в этой войне и поэтому, в свою очередь, мечтал о кое-каком вознаграждении при дележе добычи. В Нейштадте он говорил князю Кауницу: «Эта проклятая турецкая война беспокоит меня и мешает мне. Я был бы в отчаянии видеть себя вынужденным к войне с вами; так как вы не можете спокойно смотреть на переход русских войск чрез Дунай, так как вы должны будете препятствовать чрезмерным успехам России, легко могло бы случиться со мною такое несчастье». Затем он говорил о своем искреннем желании, чтобы война без дальнейшего усложнения кончилась скорым заключением мира².

Между тем образ действий Екатерины заставлял думать, что до заключения мира было еще далеко. Фридрих писал к Сольмсу: «Мне кажется, что императрица всею душою желает вовлечь всю Европу в эту борьбу». К принцу Генриху король писал, что, если

¹Duncker, 174, 176—177, 182.

²Reimann, 255, 328—329.

императрица перешагнет через Рубикон, т.е. передвинет свои войска за Дунай, то легко может разгореться пожар, конец которого введом одному Богу. «Поэтому мир, мир чем скорее, тем лучше», — писал Фридрих. Именно это миролюбие заставило короля проповедовать Екатерине о добродетели уступчивости и этим оскорбить ее до того, что она заметила: «Никогда я не ожидала, что король сделается стряпчим турок»¹.

Таким образом, Фридрих в одно и то же время грозил Австрии нерасположением России и, обратно, России склонностью Австрии к разрыву. В Нейссе, сидя за обедом с императором Иосифом, Фридрих сказал, что всей Европе придется останавливать чрезмерное развитие могущества России. В Нейштадте он просил Кауница указать ему на средства внушить императрице страх; он даже предложил, чтобы Австрия прямо протестовала против перехода русских войск через Дунай². Узнав о требованиях России при переговорах о мире, король в беседе с бароном фон Свитеном заметил, что заговорит теперь с императрицей в совершенно ином тоне³. В то же время, однако, король не переставал испещрять письма к Екатерине восторженными похвалами и любезностями всякого рода. Очевидно, он высоко ценил значение союза с Россией. В тесной связи со всем этим находилась поездка принца Генриха в Петербург.

Летом 1770 года, узнав о пребывании брата Фридриха II в Швеции у его сестры королевы, Екатерина просила короля побудить принца к посещению Петербурга⁴. Быть может, некоторое сближение Пруссии с Австрией, свидание короля с императором Иосифом в Нейштадте, заставили Екатерину пригласить к себе принца Генриха. Король тотчас же решился исполнить желание Екатерины и в письме к брату выставлял на вид, что поездка в Петербург должна считаться делом необходимости⁵. В одной де-

¹ Beer, II, 42, 45, 54.

² Reimann, 293, 330.

³ Beer, II, 15.

⁴ «Сб. Ист. общ.», XX, 271.

⁵ Duncker, 197.

пеше к Сольмсу король указывал на путешествие принца как на средство к еще более тесному сближению с Россией. В сравнении с графом Сольмсом принц Генрих находился в более выгодном положении, имея возможность во всякое время без свидетелей разговаривать с Екатериной¹.

Принц приехал в Петербург и пробыл там последние месяцы 1770 года до начала 1771 года. Екатерина обращалась с ним крайне любезно и приветливо, устраивала в честь его великолепные празднества, поездки в санях с фейерверком, маскарады и проч. Непринужденный тон в обществе императрицы, веселость, остроумные забавы в «Эрмитаже» понравились принцу Генриху. Он и лица его свиты удостоились щедрых подарков, орденов и т.п.²

Принц Генрих произвел в Петербурге довольно благоприятное впечатление³. Екатерина писала к графу Алексею Орлову: «Принц при первом свидании так был нам легок на руке, как свинцовая птица, а что умен, то уж очень умен, и сказывают, что как приглядится, то он будет обходителен и ласков; но в первый раз он был так штейф, что он мне наипаче надоел, но притом должно ему ту справедливость отдать, что штейф одна фигура его, а в прочем он все то делал, что надлежало, с большой ко всем атенциею, только наружность его так холодна, что на крещенские морозы похожа»⁴. В одном из писем к г-же Бьельке Екатерина, говоря о принце, заметила: «Нужно отдать ему справедливость; этот герой нисколько не роняет своей громкой репутации; независимо от своего рождения, он человек высокого достоинства»⁵. После его отъезда Екатерина старалась узнать, был ли принц доволен своим пребыванием в Петербурге; по ее желанию граф Григорий Орлов должен был отправить принцу драгоценный подарок, картину фон дер Верфа, которую сопровождало письмо, написанное самой им-

¹ Reimann, 343.

² Nordt. «Memoires d'un gentilhomme suédois». Berlin, 1788, 310—321.

³ Blum. «Ein russischer Staatsmann», I, 312, 313, 315.

⁴ «Сб. Ист. Общ.», I, 62.

⁵ Там же, XIII, 44.

ператрицей¹. Из других источников, например, из писем Гримма, из записок Сегюра и прочих, мы узнаем, что принц Генрих чрезвычайно выгодно отзывался о Екатерине.

Разумеется, принц Генрих и императрица не раз беседовали о политических делах. Незадолго до этого совершилось занятие Ципского графства австрийцами. Венский двор открыл в Польше клочок земли, который, по его мнению, издавна принадлежал Австрии. Занимая Ципское графство (в 1769—70 гг.), Австрия давала пример другим державам, желавшим также поживиться на счет Польши. В начале января 1771 года Екатерина в беседе с принцем Генрихом как бы случайно заговорила об этом событии и спросила, шутя, почему бы другим державам не подражать примеру Австрии. В тот же вечер граф Чернышев, в беседе с принцем затронул этот же предмет и выразил свое удивление скромностью короля Фридриха II, который мог бы завладеть Эрмелияндией, так как каждому пригодился бы кусок Польши. Все это было сказано как бы мимоходом, в тоне шутки; однако эти разговоры служили исходной точкой для серьезных переговоров. Так, например, принц Генрих в разговоре с Сальдерном начал говорить сначала лишь намеками о проекте раздела Польши, объясняя выгоды тройственного союза между Россией, Пруссией и Австрией и проч.² Панин с радостью принялся за осуществление этих предложений.

Принц Генрих уже с давних пор сожалел о том, что его брат платил России субсидии, не извлекая из этого никакой выгоды; еще до своей поездки в Россию принц в письме к королю выразил надежду на какое-нибудь вознаграждение Пруссии приобретением части Польши³. Он сам впоследствии хвалился тем, что ему принадлежит главная доля заслуги при разделе Польши, и Екатерина изготовила для него нечто вроде свидетельства, удостоверявшего его деятельность при этом случае⁴. Недаром в

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 140.

² Duncker, 210—213.

³ Reimann, 351.

⁴ Соловьев. «Падение Польши» (нем. изд.), 150.

публике в то время господствовало убеждение, что пребывание принца в Петербурге имело самое важное значение для решения вопроса о разделе Польши¹.

Нет сомнения, что письма принца Генриха к королю из Петербурга сильно повлияли на ход дела. Он прямо сделал брату предложение приступить к разделу Польши. Тотчас же после возвращения Генриха в Берлин король начал подробно заниматься вопросом о размерах приобретений в Польше. Фридрих поручил Сольмсу действовать с целью соглашения между Россией Пруссией и Австрией относительно раздела Польши².

Мысль о разделе Польши была общеою. Ее высказывали при разных случаях. Так, например, русский посланник в Польше Волконский в марте 1770 года сказал прусскому дипломату в Варшаве Бенуа, что лучшим средством для устранения многих затруднений было бы занятие Россией и Пруссией некоторых польских провинций³. Также и Сальдерн, преемник Волконского в Польше, в письме к Панину утверждал, что нельзя иначе, как путем раздела, образумить поляков⁴. Уже в 1769 году Фридрих отправил к графу Сольмсу так называемый проект Линара о разделе Польши, для обсуждения его с Паниным, не настаивая, впрочем, впоследствии на подробном разборе этого проекта⁵.

Благодаря образу действий России в Польше со времени вступления на престол Екатерины, вопрос не столько заключался в уничтожении самостоятельности Польши, сколько в том, возможно ли было для других держав, для Австрии и Пруссии, предоставить России исключительно всю власть над Польшей. Самой близкой мыслью явилось желание участвовать в дележе добычи. В то же время Австрия была занята мыслью о разделе Турции⁶.

Желание приобрести кое-какие турецкие владения заставило

¹ Hordt. «Menoires», 321.

² Arneth, VIII, 195, 294, 300.

³ Reimann, 311.

⁴ Там же, 408.

⁵ Schlozer, III—III. Duncker, 178—180.

⁶ Arneth, VIII, 339.

Иосифа II в 1780 году сблизиться с Россией. Стремление к присоединению кое-каких польских провинций повело к заключению союза между Екатериной и Фридрихом II.

Вся Польша в это время уже находилась фактически в руках России. Пруссия поневоле должна была спешить с решением участвовать в этом разделе.

Противники России в Польше напрасно рассчитывали на помощь Турции. Екатерина настаивала на том, чтобы русские войска заняли некоторые важные крепости в Польше под предлогом отражения ожидаемого вторжения татар; в сущности же, этим самым императрица хотела укрепить владычество России над Польшей. Россию там ненавидели. Русские дипломаты находились в весьма затруднительном положении. Репнин называл то время, которое он провел в Польше, каторгой. Жалобы на насилия русских не прекращались. Король находился в самом отчаянном положении и во многих письмах к императрице сетовал на свою горькую долю. Екатерина отвечала, что, заступаясь за диссидентов, исполнила свой долг. Несколько раз Станислав говорил о своем намерении отказаться от престола; однако Россия не соглашалась на перемену, потому что нуждалась именно в таком польском короле, каков был несчастный любимец Екатерины¹.

В Польше начали предвидеть исход дела. Французский резидент в Данциге Жерар доносил, что король польский предлагал дворам берлинскому и венскому кое-какие провинции Польши, на том условии, чтобы они защищали его от насилия России, чтобы они гарантировали наследственность польской короны и проч. Когда Австрия захватила Ципское графство, в Польше стали думать, что непосредственно затем последует раздел Польши. Вскоре в Польше появились и прусские войска. На помощь Франции нельзя было рассчитывать. Действовать самостоятельно было невозможно. Всякое движение поляков было останавливаемо тотчас же угрозами и крутыми мерами России. Русские войска неустанно преследовали и рассеивали конфедератов. В особенности отличался Суворов, взявший штурмом последний

¹ Соловьев, XXVIII, 58—82.

оплот конфедератов — Краковский замок. Екатерина писала королю, чтобы он не рассчитывал на помощь Франции¹.

Великим державам оставалось только условиться относительно добычи, которую должна была получить каждая из них. Петербургский двор твердил Пруссии: «Так как Австрия подала пример, оторвала кусок Польши, то Пруссия и Россия сделали бы ошибку, не следуя этому примеру: нет сомнения, что в берлинском архиве найдутся кое-какие документы, на основании которых Пруссия могла бы потребовать уступки кое-какой польской провинции, а в Петербурге найдутся, вероятно, бумаги, которые заставят Россию настаивать на присоединении к России некоторой части Польши». Сольмсу было сказано, что Россия считает себя вправе рассчитывать на вознаграждение за расходы многолетней войны в Польше и Турции. Довольно точно были при этом определены размеры притязаний России. Современников удивляла решимость, настойчивость Екатерины, руководившей всем этим делом².

Однако и действия Фридриха II отличались смелостью и решимостью. Он требовал, чтобы Сольмс всячески старался доставить ему кусок Польши. «Если бы даже это была небольшая частица, — писал Фридрих, — которую вы бы могли выхлопотать мне, все-таки это служило бы некоторым вознаграждением за те суммы денег, которые я все время уплачивал России³. Фридрих II тем охотнее соглашался на раздел Польши, что этим самым можно было убавить приобретения России в Турции. «Для России все равно, — писал король, — откуда она получит вознаграждение за расходы турецкой войны; а так как эта война была следствием польских смут, то пусть Россия ищет вознаграждения именно в Польше». Король обратился к графу Финкенштейну с вопросом, нельзя ли внушить Австрии мысль о присоединении к Ципскому графству еще кое-каких польских земель. «Если бы, — прибавил король, — Австрия согласилась

¹ Соловьев, XXVIII, 177—192.

² Reimann, 367, 377.

³ Там же, 384.

на это, то и мы могли бы претендовать на более значительное приобретение». «Мы не оставемся с пустыми руками, — заметил Фридрих немного спустя, — если вообще дело дойдет до раздела Польши». Нужно было прийти к некоторому соглашению с Австрией. В разговоре с австрийским посланником Фридрих сказал: «Велите посмотреть в ваших архивах, не найдутся ли там кое-какие притязания на то или другое польское воеводство, которое могло бы вам пригодиться. Поверьте мне: нужно воспользоваться случаем; я возьму свою долю, Россия свою» и проч.¹ Говоря о своем желании присоединить город Данциг к Пруссии, король писал Сольмсу: «Авиньон принадлежал папе, а французы все-таки взяли этот город; Страсбург был вольным городом, а Людовик XIV, не стесняясь этим, завладел этим местом. Мало ли подобных случаев в истории?»²

Соглашение относительно Польши оказалось делом необходимости для избежания столкновений между Австрией, Пруссией и Россией по поводу усложнений русско-турецких дел. Екатерина не хотела посредничества Пруссии при заключении мира с Турцией, и не допускала, чтобы Австрия, хотя бы сколько-нибудь помешала ей пожинать плоды побед, одержанных ею над Турцией. В Австрии не столько желали препятствовать присоединению Крыма к России, сколько считали опасной всякую перемену в Молдавии и Валахии. В Вене даже возникла мысль присоединиться к Порте для борьбы против России. Сама императрица-королева, до этого не соглашавшаяся на заключение союза с неверными, начала серьезно мечтать о средствах, чтобы препятствовать дальнейшим успехам русского оружия. Кауниц утверждал, что кроме Австрии не было ни одной державы, которая могла бы спасти Турцию. Таким образом, Австрия решилась на заключение союза с Турцией³. При таких обстоятельствах, можно было считать вероятным разрыв между Австрией и Россией.

¹ Reimann, 385—391.

² Там же, 425.

³ Beer, II, 26, 32, 37.

Екатерина все время держала себя твердо и со свойственной ей гордостью. Панин в беседе с Сольмсом заметил, что Россия никогда не допустит, чтобы Австрия предписывала ей законы. Фридрих, желавший во что бы то ни стало препятствовать разрыву между Австрией и Россией, старался успокоить венский двор предложением участия в разделе Польши. Во время переговоров по этому вопросу оказалось, что относительно страсти к завоеваниям Австрия нисколько не уступала ни Пруссии, ни России¹.

Известно, что Мария Терезия в течение некоторого времени затруднялась участвовать в разделе Польши. Затем она дала свое согласие². Раздел состоялся в силу договора, заключенного между тремя державами 5 августа 1772 года. Польша лишилась около 4000 квадратных миль и 5 миллионов с лишком жителей. Ей оставалась территория в размере 6000 квадратных миль с 9 миллионами жителей. Россия приобрела именно те области, на которые указывал Чернышев за несколько лет до раздела, т.е. белорусские области на Двине и Днепре, в размере 1775 квадратных миль с 1 800 000 жителей. Даже противники России восхваляли ловкость политических действий Екатерины. Кауниц в то время, когда был заключен договор о разделе Польши, писал князю Лобковичу: «Я смотрю на нынешнюю политическую систему русского двора во всем объеме ее, как на образец политической мудрости; эта система отличается во всех отношениях обдуманностью, совершенством и единством мысли»³.

Настаивая на удержании Польши в прежнем состоянии, заступаясь за польских диссидентов, стремясь к превращению Польши в зависимое от России государство, Екатерина достигла весьма важного результата. Прежняя мысль императрицы о превращении всей Польши, так сказать, в провинцию России, оказалась неудобоосуществимой. Склонность Пруссии к сохране-

¹Beer, II, 173.

²См. кое-какие подробности у Соловьева, XXVIII, 252 и след.

³Beer, II, 194—195.

нию мира, нерасположение Австрии заставили Екатерину уступить некоторую долю добычи обеим этим державам¹. В сущности завоевательная политика России привела к разделу Польши. Успехи русских дипломатов и полководцев в Польше, победы русского оружия при Чесме, Ларге и Кагуле сделались источником несчастья, постигшего Речь Посполитую. Фридрих II был прав, замечая еще за год до раздела в своем письме к Екатерине от 30 сентября 1771 года: «Опера, сочиненная вашим величеством, будет выполнена без малейшей остановки»². Однако он сам во все время, с одной стороны, содействовал успехам России, а с другой — препятствовал чрезмерному расширению ее могущества.

Для Екатерины приобретение Белоруссии имело весьма важное значение. Столетием раньше при подобных условиях, благодаря тесной связи между религиозными и политическими интересами, была присоединена к московскому государству Малороссия. Заступничество за единоверцев в Польше придавало действиям Екатерины значение национального подвига. Не столько в то время, сколько впоследствии, была резко осуждаема насильственность образа действий России. Ответственность за раздел Польши лежит на Екатерине и на Фридрихе II. Соглашение по этому делу представляло собой апогей прусско-русского союза. Виды России в отношении Турции рано или поздно должны были повести к отчуждению Пруссии от России и к сближению между венским двором и Екатериной.

В Константинополе известие о судьбе, постигшей Польшу, произвело чрезвычайно тяжелое впечатление. Турки считали вероятным, что между великими державами существовали кое-какие соглашения и относительно раздела владений Порты³.

И действительно, существовали кое-какие проекты относи-

¹Duncker, 259—260.

²«Сб. Ист. общ.», XX, 311.

³См. письмо французского посла из Константинополя от 3 июля 1772 г. в соч. Жофре (Jauffret), II, 35.

тельно раздела Турции, однако их осуществлению препятствовали разные затруднения.

Оказалось невозможным одновременно порешить и с Польшей и с Турцией. Екатерина не хотела допустить посредничества Австрии и Пруссии в примирении Турции с Россией. Несмотря, однако, на готовность императрицы продолжать войну и даже довести дело до разрыва с Австрией, в России вообще обнаруживалась сильная потребность в мире. В этом смысле рассуждали в Государственном Совете в Петербурге. Панин писал Румянцеву о необходимости прекращения военных действий; о предстоящем мире говорилось часто и в переписке Екатерины с Румянцевым, Алексеем Орловым и другими¹.

При переговорах о мире, главное значение имели вопросы о Молдавии, Валахии и Крыме. В отношении к дунайским княжествам расходились интересы России и Австрии; зато можно было легче надеяться на достижение желанной цели относительно Крыма.

В Константинополе заговорили о необходимости съезда дипломатов в Яссах. Россия изъявила готовность согласиться на переговоры, но желала в то же время продолжения военных действий: именно в это время в Петербурге мечтали о нападении на Константинополь. Особенно императрица доказывала в заседаниях Государственного Совета, что успехами военных действий в четвертой кампании (1772) должно принудить Порту к заключению выгодного мира².

Переговоры о мире на съезде в Фокшанах, летом 1772 года, не повели к желанной цели. Поверенными России были Григорий Орлов и освобожденный из заключения Обрезков. В инструкции, составленной для этих дипломатов, было сказано, что главное затруднение на переговорах будет заключаться в требовании независимости татар, но что во всех других отношениях, скорее чем в этом условии, можно делать уступки туркам. Ека-

¹ «Русский архив», 1882, III, 59. «Сб. Ист. общ.», XIII, 203, I, 84—90.

² Соловьев, XXVIII, 336—337. О нападении на Константинополь см. «Архив Гос. Совета», 133 и след.

терина ожидала успеха от способностей графа Орлова, которые она расхваливала, между прочим, в письмах к г-же Бьельке¹.

В конце мая 1772 года было заключено перемирие в Джурджеве. В конце июля начались переговоры о мире в Фокшанах. Русские при этом случае чрезвычайно хвалили образ действий прусского дипломата Цегелина, между тем как холодность и нерасположение австрийского дипломата Тугута производили на них неблагоприятное впечатление. Турки не хотели и слышать о независимости татар. Полагали, что Орлов, в сущности, не желал продолжения войны; говорили о разных обширных планах графа, оскорблявшего турецких дипломатов своей надменностью². Как бы то ни было, но по истечении трех недель съезд кончился, не достигнув цели. Екатерина писала Вольтеру: «Я скоро начну с Мустафой новую переписку пушечными выстрелами, так как ему угодно было приказать своим уполномоченным расторгнуть фокшанский конгресс и перемирие кончается сегодня»³. Екатерина была склонна приписывать неудачу переговоров козням Австрии. Панин же считал Орлова виновником неуспешного хода дела⁴. В какой мере Россия желала мира, видно из ее стараний устроить новый конгресс. Действительно, осенью 1772 года переговоры возобновились в Бухаресте, причем представителем России был один Обрезков, после того как Орлов возвратился в Петербург.

Екатерина не желала чрезмерной уступчивости. Она писала: «Если при мирном договоре не будет одержано — независимость татар, ни кораблеплавание на Черном море, то за верно сказать можно, что со всеми победами мы над турками не выиграли ни гроша, и я первая скажу, что такой мир будет столь же стыдный, как прутский и белградский в рассуждении обстоятельства»⁵.

¹ «Сб. Ист. общ.», XIII, 258—259.

² Jauffret, I, 440—450. «Русский архив», 1873, 82 и след.

³ «Сб. Ист. общ.», XIII, 260.

⁴ Соловьев, XXVIII, 342.

⁵ Там же, 343.

Россия в это время находилась в весьма затруднительном положении. Чума свирепствовала в войске; в Швеции совершился государственный переворот, обеспечивший власть короля Густава III, который легко мог сделаться опасным противником России; к крайнему удивлению Румянцева, ему было приказано отправить некоторую часть войск для защиты северных границ России, в случае нападения на них Швеции.

И бухарестский съезд не повел к желанной цели. Турция не хотела уступить России Керчь и Еникале. Рейс-эфенди говорил Обрезкову: «Уступить Керчь и Еникале все равно, что войти в зависимость от России, которая в короткое время построит там страшный флот и будет предписывать нам законы»¹.

Таким образом, нужно было готовиться к продолжению военных действий, распорядиться о новом рекрутском наборе, послать полководцам и адмиралам новые инструкции. Императрица произнесла в Государственном Совете собственноручно ею написанную речь, в которой говорила о средствах облегчить для народа бремя войны вообще и рекрутского набора в особенности². Румянцеву было приказано перейти через Дунай.

Войска действовали успешно. Суворов взял Туртукай; Вейсман разбил турок при Карасу; Румянцев перешел через Дунай, разбил турок, открыл осаду Силистрии и затем вторично разбил турок при Кучук-Кайнарджи. Екатерина была чрезвычайно довольна и писала Вольтеру, что можно ожидать скорого заключения мира.

Однако Румянцев не мог взять Силистрии и даже был принужден возвратиться на левый берег Дуная. В пространном письме к императрице он объяснял, почему отступление сделалось необходимым. Екатерина, хотя сильно смущенная неприятным известием, обнаружила при этом случае необычайное знание людей и беспристрастие; она умела ценить заслуги знаменитого полководца и, несмотря на коварство противников Румянцева, обрадовала его письмом, доказывавшим, что она

¹ Соловьев, XXIX, 8.

² «Сб. Ист. общ.», XIII, 354—356.

вникает в его положение¹. Хотя Екатерина и казалась веселой и в письме к Вольтеру шутила над отступлением Румянцева², но иностранные дипломаты замечали, что императрица, привыкшая к успехам, сильно была озабочена медленностью хода военных действий. Между тем как государственные люди, окружавшие Екатерину, Панин, Чернышев, Орлов и прочие казались склонными к уступкам, императрица держалась своего прежнего мнения, что должно успешными военными действиями принудить турок к заключению выгодного мира.

Екатерина составила «Хронологический перечень событий кампании против турок, с 6 октября 1768 по август 1771 года». Из этого труда, весьма тщательно писанного, видно, как она любила указывать на блеск и славу этих трех походов, как она гордилась успехами русского оружия³. Чем более она обращала внимания на свои победы, тем менее она могла согласиться на уступки.

Между тем то обстоятельство, что Цегелин в Константинополе ревностно хлопотал о мире, оказалось весьма выгодным для России. Порты была утомлена войной. В войсках ее происходили бунты⁴. Поэтому в Константинополе мало-помалу начинали свыкаться с мыслью о независимости татар. Зато турки никак не хотели отдать России Керчь и Еникале⁵, а взамен того, как писал Цегелин, изъявляли готовность пожертвовать Кинбурнской крепостью в окрестностях Очакова. Государственный Совет при обсуждении этого вопроса находил, что можно было принять предложение Порты. Географическое положение Кинбурна представляло собой значительные выгоды. Один Орлов был недоволен, требуя, чтобы Россия настаивала на уступке Очакова с окрестной степью. Сама Екатерина считала возможным требовать не только Кинбурн, но и Очаков. Во

¹ «Сб. Ист. общ.», XIII, 349.

² Там же, 357.

³ Там же, 150—158.

⁴ Bernhardt. «Vermischhte Schriften», I, 113—114.

⁵ Zinkeisen. «Gesch. d. osm. Reiches», VI, 77.

всяком случае, решил Государственный Совет, Россия должна была вести переговоры о мире с Турцией прямо, без участия других держав, особенно же без вмешательства Франции и Австрии.

Между тем военные операции продолжались. Румянцев оставался в затруднительном положении. Русский флот, не располагавший достаточным войском для высадок, тщетно пытался нанести вред туркам на берегах Сирии.

Хотя, таким образом, условия для окончания войны казались неблагоприятными, Россия все-таки не соглашалась на предложение Франции о посредничестве в перемирии России с Турцией¹. Между тем умер султан Мустафа. В Петербурге ожидали, что воцарение Абдул-Гамида подаст повод к смутам в Турции. Тем более императрица желала, чтобы Румянцев действовал успешно. В это же время в России начала свирепствовать пугачевщина. Государственный Совет решил в марте 1774 года отказаться от требования уступки Керчи и Еникале и довольствоваться Кинбурном и свободным плаванием по Черному морю.

К удовольствию Екатерины русские войска начали действовать успешнее. Каменский одержал победу при Козлудже и приближался к Шумле. Салтыков осадил Рушук; Румянцев — Силистрию. Заборовский готовился к переходу через Балканы и движению на Константинополь.

При таких обстоятельствах оказалось наконец возможным 10 июля заключить мир в Кучук-Кайнарджи на следующих условиях: татары сделались независимыми от Турции; Россия приобрела Керчь, Еникале, Кинбурн и все пространство между Бугом и Днепром, получила право свободного плавания по Черному морю; Турция обязалась заплатить России 4 ¹/₂ миллиона за расходы войны; Азов, обе Кабарды, долины Кубани и Терека были уступлены России. Особенно важным оказалось условие, в силу которого Россия приобрела право заступничества за права христиан в Молдавии и Валахии и Турция обязалась довольствоваться умеренной данью и руководствоваться при обра-

¹ Соловьев, XXIX, 77.

щении с христианскими подданными, началами терпимости. Таким образом, Россия приобрела право вмешательства во внутренние дела Турецкой империи.

Получив известие о мире, Екатерина в письме к Алексею Орлову заметила о неудовольствии некоторых иностранных дипломатов следующее: «Вчерашний день здесь у меня ужинал весь дипломатический корпус, и любо было смотреть, какие были рожи, на друзей и недрузей; а прямо рады были только датский да английский»¹. Князь Кауниц был чрезвычайно доволен условиями мира². Из Парижа писал Барятинский: «Невероятно, до какой степени простирается здесь зависть к нашим успехам. Находящиеся здесь поляки в великом горе». Также и в Стокгольме, как писал Стахив, известие о мире произвело чрезвычайно тяжелое впечатление³. Английский дипломат Гуннинг доносил о следующем эпизоде, случившемся после получения известия о мире: «Императрица села за карты и, пригласив в свою партию датского министра и меня, сказала довольно громко, чтобы быть услышанной, что, так как день этот для нас весьма радостен, ей хочется видеть вокруг себя одни только веселые лица. Смею упомянуть об этом обстоятельстве, ибо оно, между прочим, убедило меня в том, что, по ее мнению, не одни только министры бургонского дома недовольны столь ранним окончанием войны, но также министры австрийский и прусский»⁴. Разговаривая с Далем о заключении мира, Екатерина особенно гордилась тем, что соглашение с Турцией состоялось без участия в переговорах других держав⁵. В собственноручных письмах к разным лицам она говорила с радостью об условиях мира⁶. Полководцы и дипломаты были награждены щедро; в следу-

¹ «Сб. Ист. общ.», I, 100.

² Соловьев, XXIX, 141.

³ Там же, 115—116.

⁴ «Сб. Ист. общ.», XIX, 428.

⁵ «Русская Старина», XVII, 13.

⁶ «Сб. Ист. общ.», XIII, 428, 435, 443.

ющем году было устроено великолепное празднество в честь мира, заключенного с Турцией¹.

Россия нуждалась в отдыхе. Война стоила много денег и людей. Нужны были войска для борьбы против пугачевщины. Впрочем, Кучук-Кайнарджийский мир имел значение перемирия. Дальнейшие столкновения между Россией и Портой в течение царствования Екатерины были неизбежны.

---

¹Сб. Ист. общ., XXIII, 29; XXVII, 42, 48, 93; Болотов, 531 и след.

ГЛАВА V

Отношение к Пруссии и Австрии

Антагонизм между Австрией и Пруссией в продолжение XVIII века значительно содействовал усилению могущества России. Особенно Екатерина умела воспользоваться борьбой Фридриха II с Марией Терезией для развития сил, средств и влияния России. Соперничество Австрии и Пруссии лишь в конце царствования Екатерины заменилось союзом между этими державами. Подобная перемена оказалась далеко не выгодной для России, так как в продолжение нескольких десятилетий до сближения между Фридрихом Вильгельмом II и Леопольдом II Екатерина, предпочитая сначала союз с Пруссией ради польских дел сближению с Австрией, а затем, сближаясь с Иосифом II ради успешных действий в отношении к татарам и туркам, тем самым заставляла высоко ценить дружбу России.

В начале своего царствования Екатерина однажды в письме к графу Кейзерлингу объявила, что ее система заключается в сохранении добрых отношений со всеми державами, с той целью, чтобы, заступаясь за слабейших, угнетенных, иметь возможность играть роль третейского судьи в Европе. Другой раз она заметила, что считает для себя выгодным сохранить некоторое равновесие в Германии и относиться по возможности беспристрастно к разным германским государствам. Стремление Екатерины к достижению могущества и влияния не

ускользнуло от внимания современников. Саксонский дипломат Эссен, наблюдая за образом действий императрицы в Польше, заметил, что вмешательство России в польские дела должно считаться лишь приготовлением к достижению дальнейшей и более высокой цели и что эта цель заключается в усилении русского влияния на Германию¹. Саксонский дипломат Сакен доносил из Петербурга в 1765 году, что Россия никогда не заключит союза, в котором ей приходилось бы играть роль вспомогательной державы, что Екатерина никогда не поссорится с Пруссией из-за Австрии и что она всегда будет стараться удерживать за собой перевес на севере и проч.²

Раздел Польши и Кучук-Кайнарджийский мир доставили России весьма важное положение в Европе. И в Вене, и в Берлине привыкли принимать в соображение виды и намерения России. Недаром Фридрих II всячески старался сохранить доброе расположение к себе императрицы.

По случаю поездки великого князя Павла Петровича в Берлин для свидания с его невестой, виртембергской принцессой, в 1776 году, король Фридрих II оказал наследнику Екатерины самый радушный и великолепный прием. Король гордился тем, что был главным виновником второго брака Павла. При каждом случае, следя за успехами России в области внешней политики и удивляясь неутомимой деятельности императрицы относительно администрации и законодательства, Фридрих II не переставал восхвалять способности и заслуги Екатерины и льстить ей в самых восторженных выражениях.

Недаром король прусский считал возможным, что союз с Россией, доставивший ему значительные выгоды в отношении Польши, окажется чрезвычайно выгодным и при других комбинациях. Возобновление союзного договора между Пруссией и Россией в 1777 году принесло Фридриху важную пользу, особенно в то время, когда началась война за баварское наследство.

¹ Негтшалп, V, 425.

² Там же, 572.

Война за баварское наследство

Известно, что Австрия желала воспользоваться пресечением баварской курфюршеской линии в лице умершего курфюрста Максимилиана-Иосифа (30 декабря 1777 г.) для расширения своих владений и что при этом случае происходило нарушение прав некоторых германских династий. Фридрих II, заступаясь за прежние учреждения Германской империи, противодействовал самым решительным образом притязаниям Иосифа II. Он заметил, что не может допустить замены прежних прав произволом австрийцев и что готов взяться за оружие¹.

Таким образом, должны были возобновиться враждебные отношения между Австрией и Пруссией. Во время Семилетней войны участие России в борьбе между Фридрихом II и Марией Терезией имело роковое значение для решения вопроса о перевесе и победе той или другой державы. Такой же случай возвысить значение России путем вмешательства в германские дела представился в 1778 году. Екатерина чрезвычайно искусно умела воспользоваться этим случаем.

Императрица в отношении к делам Германии предоставила себе полнейшую свободу действий. Саксонский дипломат, барон Сакен, доносил из Петербурга 5 июля 1776 года: «Здесьному двору нравится, что берлинский двор заступает за права членов империи и оспаривает произвольные правила австрийского правительства. Впрочем, здесь не желают чрезмерного перевеса Пруссии в делах Германии. Императрица желает приобрести славу обеспечением прав германской империи. Россия может теперь в отношении к Германии занять то место, которое занимали Людовик XIV и его преемники. Эта роль весьма важна и лестна»².

Чем менее Франция могла удерживать за собой то значение в Европе, которое она имела до этого, тем легче Россия могла по случаю войны за баварское наследство разыгрывать роль «третейского судьи в Европе», как выражалась Екатерина.

¹ Ranke. «Werke», XXXI, 19.

² Hergmann, VI, 6.

В начале 1778 года Фридрих II говорил князю Долгорукому, что смерть курфюрста баварского может иметь чрезвычайно важные последствия. «Я, — говорил король, — желаю, чтоб все уладилось мирно; но дела еще страшно запутаны, это настоящий хаос, и нельзя определить, что отсюда выйдет... Саксония потребовала моей помощи для приобретения того, что вдовствующая курфюрстина уступила своему сыну, и я отвечал, что она может положиться на меня... Верно, что венский двор старается возбудить новую войну между Россией и Портой»¹.

Очевидно, Фридрих желал возбудить некоторое нерасположение России к венскому двору. Он не мог желать нового разрыва между Портой и Россией, потому что в случае войны Пруссии с Австрией рассчитывал на вспомогательное войско России. В одном из своих писем к графу Сольмсу король горько жаловался на страсть Австрии к завоеваниям. «При этом кризисе германских дел, — писал король, — я мог бы требовать помощи России, поставить ее посредницею в деле, от которого зависит спасение всего германского корпуса. Действительно, это самая блестящая роль для русской императрицы, и думаю, что ее величество не будет к нам нечувствительна, а будет мне немножко благодарна за поданный ей случай»².

Екатерина действительно мечтала о роли посредницы и 2 февраля 1778 года писала к барону Гримму: «Что касается до баварского наследства, то вы единственный человек в мире, который мог распутать это дело; вы одарены Богом миротворящим духом» и проч.³

Сольмс открыл переговоры с Паниным об этом деле. Екатерина сохраняла полнейшую независимость. Панин сказал, что русский двор готов бы помочь Фридриху вспомогательным войском, что Россия готова воспользоваться случаем для некоторого убавления австрийской спеси и для усиления значения России в Германии; в то же время, однако, Панин указывал на турец-

¹ Соловьев, XXIX, 258—259.

² Там же, 260.

³ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 78.

кие дела, требующие усиленного внимания России, на опасность, грозившую со стороны Швеции, на неопределенное отношение ко всем этим делам Франции, и из всего этого выводил заключение, что Россия не имеет возможности помочь Пруссии вооруженной рукой. Немного позже, однако, как кажется, в Пруссии были получены более благоприятные известия из Петербурга, ибо король 4 февраля писал принцу Генриху: «Тотчас же по получении известия о кончине баварского курфюрста русский двор от себя предложил мне помощь, которая оказалась бы особенно значительной в случае сохранения мира с Портой»¹.

Курфюрст саксонский также обратился к императрице с просьбой о помощи. Посылая ей письмо курфюрста, Фридрих II писал: «Вся империя вопиет против несправедливости этого деспотического действия; семейные договоры уничтожены, трактаты нарушены, имперские постановления уничтожены, словом, свобода и конституция Германской империи ниспровергнуты навсегда, если в этих печальных обстоятельствах не противопоставят сильную преграду вероломству и деспотическим видам имперского двора. Все акты и документы, относящиеся к этому делу, будут вручены министрам вашего императорского величества. Я знаю, что вам еще не вполне выяснились намерения двора оттоманского, и надеюсь, что ваше императорское величество будете иметь достаточно веры в мою ненарушимую преданность к вашим интересам; вы не станете подозревать, чтобы я желал отвлечь вас от обороны ваших собственных земель; нет, государыня, если вашим войскам нужно еще унижить турок, то я буду первый, кто посоветует вам употребить на то все ваши силы; но если эти волнения утихнут, вся Германия и я с доверием надеемся, что ваше императорское величество, толико прославив свое новое отечество — Россию, вспомните, что вся германская империя гордится тем, что вы там увидели свет»².

Как кажется, Екатерина вовсе не отвечала на это письмо.

¹ Reimann. «Geschichte des bairischen Erbfolgekrieges. Leipzig, 1869, 36.

² «Сб. Ист. общ.», XX, 370—372; Reimann, 38—39.

Когда затем граф Подевилль прибыл в Петербург, чтобы от имени Фридриха II поздравить Екатерину с рождением великого князя Александра Павловича, императрица отвечала в общих выражениях на поздравление короля. В письме к королю от 18 апреля императрица слегка коснулась вопроса о Баварии, выразив надежду на сохранение мира¹.

Король начал терять терпение и 10 апреля писал Сольмсу, что, если Россия ограничится внушениями Австрии, разумеется, этим цель не может быть достигнута и что русский двор хорошо сделает, взвесив вопрос, насколько он может хладнокровно смотреть на насилие Австрии в обращении с германскими князьями. Король всячески старался вовлечь Россию в войну с Австрией.

Панин выразил желание, чтобы все имперские князья разом обратились к России и Франции с просьбой о покровительстве. Фридрих возразил, что это невозможно, что никогда нельзя будет рассчитывать на единогласие всех членов империи, при этом, однако, король выставлял на вид, что образ действий венского двора может опрокинуть равновесие Германии и Европы и что поэтому Россия должна решиться по крайней мере на диверсию со стороны Галиции².

Фридрих предложил государям Саксонии, Мекленбурга и Цвейбрюкена просить помощи России; к Сольмсу он писал, что Екатерина, вместо того чтобы жертвовать людьми и деньгами для достойного презрения татарского хана, играла бы гораздо более достойную роль, защищая учреждения германской империи³.

Между тем король выступил в поход. Из Шенвальда он послал Екатерине 20 апреля письмо, наполненное новыми жалобами на венский двор, указывая подробно на положение дел, не настаивая, впрочем, на участии России в войне⁴. В то же

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 373, 374.

² Соловьев, XXIX, 260—261.

³ Reimann, 67.

⁴ «Сб. Ист. общ.», XX, 374—376.

время, однако, он писал к принцу Генриху: «Императрица все еще не может решить вопроса о мире и войне с турками. Говорят, что в России предоставляют дела на произвол судьбы»¹. Панин советовал не открывать военных действий до решения вопроса о сохранении мира с Турцией. Однако Фридрих не успокоился на этом. «Я употреблю все мои усилия, — писал король, — чтобы заставить германских князей обратиться к России с просьбой о помощи; надеюсь склонить к этому округа верхне- и нижнесаксонский, вестфальский, также князей, главным образом заинтересованных в деле, по образцу шмалькальденского союза... но если бы между тем русская императрица захотела сделать что-нибудь посущественнее, пополезнее для нас, то она бы приказала напасть на австрийские владения в Польше. Она может быть уверена, что жители этих областей примут ее сторону... Кроме того, в Венгрии много греков (православных славян), которые примут сторону России» и проч. В записке к Панину Сольмс заметил: «Так как императрица выразила свое благоприятное решение на этот счет, то она не может оскорбиться сильной настойчивостью короля в получении этой помощи как можно скорее. Есть латинская пословица: кто дает скоро, тот дает дважды»².

Для Екатерины было выгоднее медлить решением; этим она придавала большую цену помощи, которую оказывала Пруссии. К тому же было трудно составить себе точное понятие о частностях вопроса о баварском наследстве. В августе 1778 года императрица писала к барону Гримму: «Кто прав, кто виноват? Кто врет? Решите эти вопросы, чем скорее, тем лучше». В начале ноября она, по получении от Гримма счетов по суммам, израсходованным им по ее желанию, писала: «О Боже! Лишь бы можно было привести в такую же ясность дело в баварском наследстве!!!!!!!» При этом она с насмешкой заметила, что важность дела соответствует числу восклицательных знаков и что весь этот эпизод похож на комедию вроде «Севильского цирюльника», с той только разницей, что в комедии Бомарше роль об-

¹ Reimann, 94.

² Соловьев, XXIX, 262—263.

манутого играет доктор Бартоло, между тем как в большой драме, которую разыгрывают в Германии, неизвестно, кто должен взять на себя эту роль¹.

Венский двор также всячески старался снискать расположение Екатерины; Кауниц пытался действовать на турок с целью сохранения мира; при этом он ухаживал за русским послом в Вене, князем Голицыным. Иосиф II в беседе с последним говорил о солидарности интересов России и Австрии. Мария Терезия, уверяя Голицына по поводу рождения великого князя в своем расположении к Екатерине, не могла не прибавить: «Вы можете быть уверены, что те, которые предполагают во мне другие чувства, говорят неправду». Иосиф II, разговаривая с Голицыным о приобретении Австрией Буковины и о войне за баварское наследство, сказал: «Ничтожные приобретения, какие мы недавно сделали от Порты и какие мы теперь делаем от Баварии, происходят, с одной стороны, из наших прав, а с другой, составляют предмет чистого удобства без всякой примеси честолюбия и страсти к приобретению». В другой раз Иосиф сказал Голицыну: «Баварская перемена, вероятно, внушит кому-нибудь мысль, что благодаря ей мы так усердно предлагаем вам свои услуги (по турецким делам). Но я вам говорю, что Бавария тут ни при чем» и проч.

Мы видели выше, что Фридрих II сообщил русскому правительству все документы, относившиеся к вопросу о баварском наследстве. Точно также и Кауниц счел нужным сообщить русскому двору всю дипломатическую переписку между Австрией и Пруссией по этому делу, замечая, что такое сообщение должно считаться знаком полного доверия венского двора к России.

Когда отправление австрийского дипломата Тугута в прусский лагерь для переговоров не повело к желанной цели, Кауниц спросил Голицына, не согласится ли русская императрица, по своему великодушию и дружбе, которую император и императрица-королева всегда старались заслужить, повлиять на прусского короля, сломить его упорство при настоящем

¹ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 97, 109.

столкновении интересов обоих дворов и уничтожить в самом начале пагубную войну, угрожающую Германии. Передавая об этом Панину, Голицын писал, что все образованные люди в Вене указывают на русскую императрицу как на решительницу настоящей войны и спасительницу австрийской монархии¹.

В Вене все еще питали надежду, что Екатерина не решится на объявление войны Австрии и что Фридрих, не заручившись участием в войне России, не откроет военных действий². Мало того, венский двор смотрел на Екатерину, как на третейского судью в этом сложном деле. И Кауниц, и Мария Терезия в подробных письмах и записках старались доказывать, что виновата не Австрия, а Пруссия, что Фридрих II начал спор и проч. К тому же императрица-королева в одном из своих писем к Екатерине горько жаловалась на то, что на старости лет, так сказать на краю гроба, ей приходилось братья за оружие; к этому была прибавлена просьба, чтобы Екатерина принудила прусского короля к сохранению мира. В Петербург отправился для переговоров сын князя Кауница; он вернулся оттуда, не успев сделать что-либо в пользу венского двора, но в восхищении от личности Екатерины. Мария Терезия в крайне печальном расположении духа писала Иосифу: «Никто более не говорит о посредничестве»³.

В течение нескольких месяцев Екатерина медлила своим решением. Мария Терезия сильно опасалась разрыва с Россией. Иосиф твердо держался мнения, что Екатерина не станет помогать Пруссии⁴. Фридрих II не переставал надеяться на помощь Екатерины и ожидал, что Россия строго накажет Габсбургский дом за его высокомерие и произвольные действия в Германской империи. Он был сильно недоволен медленностью действий России и писал однажды принцу Генриху: «Я убежден в том, что если бы императрица Екатерина решилась сделать строгое вку-

¹ Соловьев, XXIX, 263—266.

² Reimann, 49.

³ Там же, 95.

⁴ Arneth. «Maria Theresia und Ioseph II», III, 129.

шение венскому двору, то это произвело бы сильное впечатление на Марию Терезию»¹.

Это строгое внушение воспоследовало в октябре 1778 года. Екатерина писала Фридриху II по этому поводу: «Несмотря на молчание, которое я хранила некоторое время, мое внимание не отвратилось и не отвлеклось от наблюдения за положением дел вашего величества и от затруднения германского союза. Представление, которое я велела сделать ныне двору венскому, может убедить вас в том. Я приказала моему Министерству сделать о том сообщение министру вашего величества, равно как и дворам: лондонскому, копенгагенскому, стокгольмскому и версальскому, приглашая их содействовать возникающим там миролюбивым намерениям. Мой министр сделает то же сообщение на сейме в Регенсбурге принципам и сословиям империи. Я решилась употребить это последнее усилие относительно венского двора прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей любви к миру, а потом для того, чтобы показать пред глазами названного двора, как и пред глазами Европы, справедливость и беспристрастие своего поведения. Если результат этой меры не ответит моим ожиданиям, то мой генерал, князь Репнин, который немедленно отправится к вашему величеству, будет снабжен приказаниями, чтобы условиться о мерах, которые надо будет предпринять»².

В декларации, сделанной венскому двору, Екатерина выразилась о спорном вопросе совершенно в пользу Пруссии, советовала императрице-королеве помириться с Фридрихом II и к этому прибавила, что иначе ей самой, Екатерине, будет невозможно равнодушно смотреть на несправедливую войну, возгоревшуюся в Германии, и что она должна будет принять меры для обеспечения интересов России и своих приятелей, германских князей, обратившихся к ней с просьбой о помощи, и для исполнения своих обязанностей перед своими союзниками³.

¹ Reimann, 93, 135, 145.

² «Сб. Ист. общ.», XX, 376—377.

³ Reimann, 183.

Когда Голицын 10 октября сообщил Кауницу декларацию своего двора, Кауниц был поражен и сказал, что не понимает, каким образом последние столь умеренные поступки его двора могли подвергнуться такой участи. «Императрица-королева, — сказал он между прочим, — не могла ожидать, что получит приговор своего унижения, подписанный тою самою государынею, которая постоянно отличалась справедливостью и великодушием, равно как и дружбою к их императорским величествам». Голицын сказал: «Мы разделяем общее мнение о неосновательности претензий венского двора на баварское наследство... притом же наш двор предлагает добрые услуги для полюбовного улажения дела». Кауниц возразил, что Австрия едва ли при таких обстоятельствах могла бы рассчитывать на беспристрастное отношение России к делу, и что из всего этого легко может возгореться всеобщая война¹.

Фридрих II был очень доволен шагом, сделанным Екатериной, но все-таки желал, чтобы дипломатические действия были усилены русскими войсками².

К сожалению, то письмо, в котором Мария Терезия сообщила Иосифу II о русской декларации, не сохранилось. Нет сомнения, что поступок Екатерины был как бы громовым ударом для императрицы-королевы. Иосиф, отвечая матери, находил русскую ноту «сильною» и указал на обороты, которые нужно употребить при возражении на нее. Впрочем, он оставался при убеждении, что Россия не решится помочь королю войсками³.

Фридрих в восхищении писал Екатерине: «Блеску вашего царствования предоставлено было поддерживать в одно и то же время на берегах Черного моря независимость татарских аулов, с другой стороны в Вене права германского союза. Он будет обязан всем помощи вашего императорского величества... Россия сделается самою грозною оградой, какую Германия будет иметь возможность противопоставить насилию своих цезарей

¹ Соловьев, XXIX, 267—268.

² Reimann, 183.

³ Arneth. «Maria Theresia und Joseph II», III, 160. Reimann, 185 и 191.

всегда, когда они захотят нарушить установленный порядок. Я с нетерпением ожидаю прибытия князя Репнина» и проч.¹

Екатерина отвечала Фридриху: «Посольство (*la mission*) генерала Репнина имеет двоякую цель: 1) мое посредничество и добрые услуги, совокупно с Франциею, вследствие рекламации, сделанной мне венским двором; 2) помощь моих войск, если примирение не может состояться»².

В рескрипте Репнину, подписанном императрицей 19 октября 1778 года, сказано, между прочим: «Австрийский дом присвоил себе и захватил знатную часть баварского наследства; курфюрст пфальцский, устрасясь приставленного ему ножа, сделался сонаследником австрийской хищности... Нельзя не отдать королю прусскому справедливости, что он пред поднятием оружия истощил втуне все средства умеренности и миролюбия, и что не он, а хищность и упрямство венского двора причинствовали войну... Честолюбие Кауница есть всему злу виною... но интрига его наплась недостаточною... король прусский не дал себя уловить мнимой бескорыстливостию австрийского дома»³, и проч. Говоря о посредничестве России, Екатерина заключила рескрипт следующими словами: «Мы будем иметь пред всею Германиею честь сей нужной развязки, а может быть, и соединения по ней в одну систему разных принцев, из чего далее может для России произрасти давно желаемое преимущество — учиниться ей на будущее время ручательницею германской конституции, качеству, которому Франция обязана своею превосходною в делах инфлюенциею»⁴.

Очевидно, венский двор не подозревал содержания рескрипта Екатерины, и Иосиф II все еще считал возможным любезностью, с одной стороны, твердым образом действий — с другой, склонить Екатерину на сторону Австрии⁵. Мария Терезия, на-

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 378.

² Там же, 379.

³ У Соловьева, XXIX, 271, очевидно, по ошибке сказано: «долга».

⁴ Там же, 271—273.

⁵ Arneth. «Maria Theresia und Joseph II», III, 180.

против, во что бы то ни стало желавшая восстановления мира, сочла нужным просить Екатерину о принятии, по своему усмотрению, мер для достижения этой цели, причем выразила уверенность, что в руках императрицы интересы Австрии и ее достоинство будут обеспечены. Екатерина отвечала, что глубоко тронута знаком уважения и доверия императрицы-королевы. Тотчас же ею были отправлены гонцы в Берлин и Париж с предложением открыть переговоры о мире¹.

Фридрих также желал восстановления мира. Репнин доносил, что застал короля в Бреславле больным и миролюбивым, так что Герцберг в беседе с русским дипломатом жаловался на чрезмерную склонность к уступкам Фридриха, миролюбие которого, впрочем, значительно обуславливалось нежеланием его платить субсидии России².

Репнин при переговорах указывал на необходимость включить в будущее примирение всю германскую империю, которая через это получит гарантию государств-посредников и, следовательно, будет ограждена от непомерного честолюбия и деспотизма венского двора, вредных для всей Германии, но особенно для берлинского двора, обязанного прежде других бороться против австрийских замыслов. Репнин внушал, что эта предосторожность необходима, ввиду характера императора Иосифа, который сдерживается единственно миролюбием императрицы-королевы, но последней осталось недолго жить³.

С разных сторон от германских князей Репнин получал письма, в которых изъявлялась благодарность императрице за вмешательство в дела германской империи. Ассебург, находившийся на русской службе и старавшийся содействовать заключению мира, писал в это время: «Россия желает усилить свое влияние на дела Европы вообще»⁴. Понятно, что Екатерина чрезвычайно охотно взяла на себя роль посредницы в деле о баварском наследстве.

¹ Reimann, 195—196.

² Соловьев, XXIX, 274—275.

³ Reimann, 220.

⁴ Соловьев, XXIX, 276.

В марте 1779 года в Тешен начали съезжаться дипломаты. Репнин указал на этот городок как на самое удобное место для конгресса. В мае мир был заключен. Все уладилось под непосредственным влиянием России. Ассебург писал Панину: «Для Германии можно считать счастьем, что гарантия нашего высокого двора ограждает германскую империю против всякой опасности. Основываясь на этой гарантии, Россия по своему усмотрению будет участвовать в духовных и светских делах германской империи»¹.

В письмах Фридриха II к Екатерине в это время сказано между прочим: «Ваше императорское величество сказали — да будет мир, и мир совершился... Оружие вашего величества ослабило оттоманское могущество; ваш победоносный флот распространил ужас от Пропонтиды до Дарданелл; ваши законы становятся предметом изумления и подражания для самых образованных народов в Европе, и к довершению вашей славы — одно ваше желание восстанавливает мир между несогласными народами... все угнетенные находят убежище в могущественном покровительстве вашего императорского величества»².

И Мария Терезия в письме к Екатерине от 4 (15) мая выразила ей благодарность за посредничество³.

Екатерина была довольна успехом своего вмешательства в дела германской империи. Она писала барону Гримму в конце мая 1779 года: «Г-жа посредница, которая плохо управляет делами, кланяется вам». Насмехаясь над мелочностью споров между дипломатами, продолжавшихся в Тешене не менее десяти недель, она писала: «Умные люди иногда делают странные вещи, в особенности же головы, покрытые париками» и проч. Немного позже она жаловалась, что ей было очень скучно заботиться о чужих делах⁴.

¹ Reimann, 236.

² «Сб. Ист. общ.», XX, 383—386.

³ Соловьев, XXIX, 318.

⁴ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 142.

Приезд Иосифа II в Россию

Удачное окончание распри, возникшей по вопросу о баварском наследстве, и важная роль, которую при этом случае играла Екатерина, заставили прусского министра Финкенштейна заметить, что отныне берлинский и петербургский дворы должны оставаться в самом близком союзе и действовать сообща¹.

Вышло иначе. Тешенский мир был окончанием тесного союза Пруссии и России; затем совершилась коренная перемена в общеевропейской политической системе. Между тем как прусский министр Герцберг держался того мнения, что Пруссия нуждается в союзе с Россией и, наоборот, для России дружба Пруссии имеет самое важное значение², в Петербурге мало-помалу изменялись политические воззрения в ущерб Пруссии, в пользу Австрии.

Английский дипломат Геррис, приехавший в Петербург в начале 1778 года, тотчас же сообщил своему двору о безусловном перевесе Фридриха в Петербурге³, причем жаловался на сильное влияние прусского короля, умевшего льстить императрице, руководить действиями Панина и вдобавок всегда готового обманывать не только своих противников, но даже и своих союзников.

Скоро, однако, Геррис стал замечать, что прусское влияние начало мало-помалу ослабевать. Сольмс стал жаловаться, что на его мнения и предложения не обращают достаточного внимания в Петербурге. Еще менее выгодным было положение Герца, занявшего место Сольмса. Граф Кобенцель, прибывший в Петербург в это время в качестве австрийского посла, действовал в пользу заключения союза между Австрией, Россией и Англией⁴. От Потемкина, с которым Геррис находился в близких отношениях, он узнал в начале 1780 года, что императрица была не-

¹ Reimann, 236.

² Ranke. «Die deutschen Mächte und der Fürstenbund». Werke XXXI, 22.

³ «Diaries and correspondence of James Harris». London, 1844. I, 175.

⁴ Harris, I, 227, 236, 268.

довольна Фридрихом, особенно потому, что последний обращал внимание на желания великого князя Павла Петровича.

Фридрих не хотел допустить дальнейших завоеваний России в ущерб Турции. Поэтому он хлопотал о заключении союза между Пруссией, Россией и Турцией, имея в виду таким образом обеспечить дальнейшее существование Порты. Екатерина не соглашалась на заключение такого союза¹. Появились проекты совершенно иных союзов. Иосиф II во время своего пребывания во Франции хлопотал о заключении союза между Австрией, Россией и Францией². Немного позже Фридрих начал думать о заключении союза между Пруссией, Россией и Францией³.

Все эти комбинации оказались невозможными, потому что Австрия и Россия стали серьезно помышлять о решительных мерах против Османской Порты.

С другой стороны, сближение между Россией и Австрией встречало сильное затруднение в личной ненависти друг к другу Марии Терезии и Екатерины. Мария Терезия в письмах к своей дочери, Марии Антуанетте, горько жаловалась на образ действий русского двора, на то, что Екатерина следует примеру Фридриха, что Павел Петрович может считаться еще более ревностным сторонником прусских интересов и что на Екатерину нельзя надеяться, так как она всегда склонна к коварству и обману; образ действий Екатерины во время войны за баварское наследство не мог не усилить раздражения императрицы-королевы.

Екатерина, в свою очередь, также была весьма недовольна Марией Терезией и даже насмехалась над Иосифом II, называя его «l'homme à double face» и «маленьким ребенком» (*piccolo bambino*). Она любила шутить над ханжеством и лицемерием Марии Терезии и особенно резко осуждала образ действий императрицы-королевы и ее сына в деле баварского наследства.

¹ Негтманн, VI, 27.

² Там же, 9.

³ Arneth. «Maria Theresia und Marie Antoinette». Paris—Wein, 1865, 244.

Несмотря на все это, однако, сближение между Австрией и Россией было возможно, даже необходимо. Одновременно и Екатерина, и Иосиф II начали заниматься серьезнее восточным вопросом. Екатерина мечтала о присоединении к России Крымского полуострова; мало того, она начала думать о так называемом греческом проекте. Иосиф также желал простора для торговли на Черном море. Он начал сильно помышлять о сближении с Россией.

Граф Кобенцель стал играть в Петербурге довольно важную роль. Он там очень скоро сблизился с английским дипломатом Геррисом. Фридрих II старался, как сообщает Геррис, по возможности вредить Кобенцелю. В апреле 1780 года последний получил от своего правительства наказ «не падать ни труда, ни денег для того, чтобы отторгнуть Россию от союза с Пруссией и восстановить прежние дружеские отношения между императорскими дворами»¹.

Первая мысль о свидании между Екатериной и Иосифом принадлежала последнему. Зимой 1779—80 года он, сначала как бы путя, заговорил с матерью о своем намерении посетить императрицу. Без ведома князя Кауница он сообщил свой план русскому послу в Вене Голицыну, который тотчас же донес об этом в Петербург. Екатерина ответила, что чрезвычайно рада намерению императора, причем обещала не сообщать никому, не исключая даже и графа Панина, о предстоящем свидании.

Как думали в Австрии о значении этого свидания, можно видеть, между прочим, из переписки Марии Терезии с графом Мерси, с Марией Антуанеттой и с Леопольдом Тосканским. Из этих писем мы узнаем, что ни мать Иосифа, ни австрийский посланник в Париже, ни французская королева не были довольны желанием Иосифа сблизиться с Екатериной².

¹Донесение саксонского дипломата Сакена у Германна, VI, 28.

²Arneth et Geffroy. «Marie Antoinette. Correspondence secrete entre Marie Therese et le comte Mercy-Argenteau». Paris, 1874, III, 404—405. См. также издание Арнета «Briefe Maria Theresia's an ihre Kinder und Freunde». Wien, 1881, II, 260—274.

В письме к Кауницу, очевидно, написанном для сообщения Голицыну, Иосиф говорил, между прочим, что желает посетить Россию под именем графа Фалькенштейна исключительно с целью познакомиться с императрицей и что никоим образом не имеет в виду беспокоить ее, ни изменять ее предположений¹.

Кауниц хотел воспользоваться свиданием Иосифа с Екатериной для сближения политических интересов России и Австрии и составил подробную записку о делах, которые могли сделаться предметом обсуждения по случаю этой встречи. В этих «*Reflexions sur l'entrevue prochaine*» говорилось о разных проектах относительно Порты, о вероятности намерения России приступить к разделу Турции и проч.²

Понятно, что слух о предполагаемом свидании наделал много шума. Граф Мерси в Париже в беседе с Верженом заметил, что нужно в этом случае стараться предупредить неприязненные действия Пруссии. Мерси, впрочем, писал к Марии Терезии: «Я полагаю, что это событие на некоторое время наделает шуму и затем останется без последствий, не сделавшись новой эпохой»³. В одном из писем Марии Терезии к графу Мерси сказано: «Я не сомневаюсь, что Екатерина прежде всего о предстоящем свидании уведомила короля прусского»⁴.

В начале марта 1780 года граф Герц в беседе с Паниным выразил опасение, что предполагаемое путешествие императора может повести к коренному изменению политической системы и поэтому иметь пагубные последствия. Панин возразил на это: «Если кто в глубине души до такой степени не расположен к Австрии, как мы в настоящее время, то едва ли можно ожидать какой-либо перемены». Герц в письме к королю Фридриху II сказал, что нужно «быть терпеливым и, не показывая вида какого-либо беспокойства, быть настороже». Как кажется, и сам

¹ Arneth. «Joseph II und Katharina». Wien, 1869, VI—VII.

² Ranke, XXXI, 94.

³ Arneth et Geffroy, III, 413, 417.

⁴ Там же, 404—405.

король разделял мнение, что надежды Кауница на важную перемену не исполнятся¹. Вместе с тем, чтобы скорее уничтожить всякое влияние Австрии, возник план отправить племянника прусского короля, наследника прусского престола, принца Фридриха Вильгельма для свидания с императрицей в Петербурге. Далее питали надежду подействовать на Потемкина и обещанием последнему весьма больших выгод заставить его противодействовать сближению между Австрией и Россией.

Иосиф II ожидал самых благоприятных и важных результатов от своей поездки в Россию. К своему брату Леопольду он писал: «Мне хотелось бы знать, как все будет, в каком состоянии я найду Россию. Как бы то ни было, эта страна с начала этого века изменилась совершенно, была, так сказать, создана заново» и проч.

Между тем Екатерина была занята приготовлениями к своему путешествию в Могилев, где должна была встретиться с Иосифом. Достоинно внимания замечание Безбородки в письме к белорусскому наместнику, графу З. Г. Чернышеву, от 4 апреля 1780 года: «В иллюминациях и других праздниках могилевских ваше сиятельство постарайтесь избежать постановления имени ее величества, учреждая оные так, чтобы могли они сходствовать, например, к доброму согласию государей, утверждаемому персональным знакомством их, и происходящему из того благоденствию и тишине для держав их. По словам ее величества, не позволять, чтобы тут где-нибудь названием или символом был вспомнят мир Тешенский»².

На пути в Могилев императрица писала из Полоцка великому князю Павлу Петровичу и его супруге: «Вы угадали, полагая, что мне будет очень жарко; я в поту от одной только мысли» (о свидании с Иосифом)³. В письме к Гримму Екатерина жаловалась на то, что мысль о предстоящей встрече сильно беспокоит ее. «Боже мой, — писала императрица, — не лучше ли

¹ Zinkeisen. «Gesch. d. osman. Reiches», VI, 258—260.

² Сб. Ист. общ., XXVI, 65.

³ Там же, IX, 51 и 52.

было бы, если б эти господа сидели дома, не заставляя других людей потеть так страшно. Вот я опять принуждена разыгрывать жалкую роль Нинеты, очутившейся при дворе, и вся моя неуклюжесть, моя обыкновенная застенчивость должны будут явиться в полном свете»¹. В другом письме сказано: «Граф Фалькенштейн желает видеть меня в Могилеве. Я ему ответила, что игра не стоит свеч; он хочет, чтобы я забыла, кто он; я сказала, что это невозможно» и проч. В письме к Потемкину Екатерина указала на те внешние формы, которые должны быть соблюдаемы при встрече с Иосифом². Так сказать, накануне свидания Екатерина и Иосиф обменялись письмами, в которых говорилось о нетерпении, радости и проч.³

Иосиф прибыл в Могилев за день до приезда Екатерины. На пути туда он писал не без удовольствия Марии Терезии: «Литовская земля, которая досталась императрице от Польши, очень плохо и мало населена; все почти леса и болота... население ничтожно»⁴.

Первое свидание было устроено таким образом, что император пробыл с Екатериной несколько минут без свидетелей. Когда она вошла, Иосиф хотел поцеловать у нее руку; она обняла его. Екатерина была довольна первой встречей и писала к Гримму: «Я нашла, что он (Иосиф) очень образован, любит говорить и говорит очень хорошо... Образцовые училища были вчера одним из предметов нашей беседы... И тут тоже я нашла, что дети иной раз не похожи на своих родителей. Мы (т.е. Иосиф) кажется не очень богомольны, что выражается особенно в выборе книг для чтения. Однако эпохи («Epoques de la Nature», соч. Бюффона) еще не попались ему в руки. Знаете, когда видишь переодетых кесарей, точно будто поднимаешься на воздух: нос кверху и обнюхиваешь воздух» и проч.⁵

¹ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 128, где год по ошибке показан 1779 вместо 1780.

² Там же, XXVII, 180—181.

³ Arneth. «Joseph II und Katharina», 6—8.

⁴ Там же, «Maria Theresia und Joseph II», III, 246—249.

⁵ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 180—181.

Без труда императрица уговорила Иосифа, не ограничиваясь пребыванием в Могилеве, посетить Москву и Петербург, причем выставляла на вид, что в уединении дачной жизни в Царском Селе гораздо удобнее можно будет обмениваться мыслями, т.е. говорить о делах.

Недаром в то время в публике ходили слухи о том, что важнейшим предметом бесед между Иосифом и Екатериной был восточный вопрос¹. Недаром императрица в письме к Гримму заметила, что скрытность не допускает сообщения подробностей разговоров с графом Фалькенштейном. И в письмах к великому князю и его супруге не говорится об этом предмете. Зато мы узнаем о содержании бесед Екатерины с Иосифом из писем последнего к Марии Терезии.

Иосиф сообщил своей матери, что Екатерина, очевидно, очень довольна встречей с ним и что обращение его с императрицей становится все более и более свободным. Говорили много и часто о Фридрихе II. И Иосиф, и Екатерина резко отзывались о прусском короле, о его страсти к интригам. Далее Екатерина как бы мимоходом спросила Иосифа, не пожелает ли он, как император, занять папскую область, завладеть Римом. Он возразил, что многие государства заинтересованы в сохранении *status quo* в Италии, но что она гораздо легче могла бы думать о захвате своего Рима, т.е. Константинополя. Прерывая разговор, Екатерина сказала, что желает сохранения мира и не думает о завоеваниях².

Панин, Герц и Фридрих II сильно ошибались, предполагая, что свидание в Могилеве не будет иметь последствий и что Иосиф произвел на Екатерину впечатление «легкомысленного болтуна». В резких выражениях Панин осуждал страсть Иосифа к путешествиям³. Напротив, Геррис справедливо доносил своему правительству: «Императрица чувствует себя польщенною таким посетителем; она в самом деле пленена ловкостью и любезно-

¹ Записки Добрынина в «Русской Старине», IX, 116—117.

² Arneth. «Maria Theresia und Joseph II», III, 251—255.

³ Zinkeisen, VI, 260—261.

стью его. Он же, в свою очередь, сделал все возможное, чтобы понравиться ей, и проч.¹

Из писем Безбородки к Воронцову видно, как ловко и остроумно Иосиф во время путешествия из Могилева в Смоленск беседовал о политике вообще, о способностях Панина, об искусстве, с которым в России обыкновенно пишутся дипломатические ноты, и проч.²

Чуть не важнейшим сообщением Иосифа в его донесениях Марии Терезии было следующее: «Я сказал ее величеству, что мы решили во всех важных делах сообщать ей наши мысли откровенно и испрашивать ее советов; ей это очень понравилось, и ее ответы и уверения были как нельзя более дружеские и честные». В дальнейших разговорах Екатерина выставляла на вид, что заключение союза с Пруссией было делом необходимости; затем следовали со стороны Екатерины новые намеки на Италию, на которые Иосиф возражал намеками на Константинополь. «Однажды, — сказано в письме Иосифа к матери, — она мне сказала положительно, что если бы даже завладела Константинополем, то не оставила бы за собою этого города и распорядилась бы им иначе. Все это меня приводит к мысли, что она мечтает о разделе империи и хочет дать внуку своему, Константину, империю востока, разумеется, после завоевания ее»³.

Что касается до позднейших писем Иосифа II к Марии Терезии, то нужно отличать письма, отправленные по почте и подлежащие, как справедливо ожидал император, «перлюстрации», от других, отправленных с особыми курьерами и назначенных исключительно для императрицы-королевы. В письмах, которые через «перлюстрацию» легко могли сделаться известными Екатерине, Иосиф льстил императрице, хвалил блеск и роскошь ее столицы, вкус ее дворцов, садов и проч. Зато в письмах, отправленных через курьеров, он объяснял, в каком положении находятся политические дела и насколько можно надеяться на

¹ Harris, I, 313—314.

² «Сб. Ист. общ.», XXVI, 69, 372—373.

³ Arneth. «Maria Theresia und Joseph II.», III, 256—259.

искреннее расположение России к Австрии; особенно подробно говорит Иосиф о восточных делах, которые, очевидно, в его беседах с Екатериной постоянно находились на первом плане. О Панине и Потемкине Иосиф отзывается не особенно выгодно. Между Потемкиным и Кобенцелем, впрочем, происходили переговоры о заключении австро-русского союза, целью которого была гарантия всех владений обеих держав в смысле оборонительного союза. Дело это усложнялось вопросом императрицы, можно ли включить и те завоевания, которые она могла бы сделать в будущем. Ей возразили, что это невозможно, потому что этим исключается принцип взаимности. Потемкин заявил Кобенцелю, что Россия готова гарантировать Австрии все завоевания, исключая Польшу и Германию, на что опять-таки не мог согласиться Иосиф II. Все это, однако, было лишь приготовлением к дальнейшим переговорам, происходившим после возвращения Иосифа в Вену¹.

В одном из своих писем к матери Иосиф справедливо заметил, что ни одно из его прежних путешествий не имело столь важного значения, как поездка в Россию. Иосиф и Екатерина, расставаясь, обещали друг другу вести оживленную переписку. Все это не могло не иметь влияния на дальнейший ход политических событий. В письме великого князя Павла Петровича к Иосифу говорится о том, что от полного согласия убеждений и чувств его и Иосифа можно ожидать хороших результатов в будущем и что таким согласием может обуславливаться счастье всего мира².

Напрасно некоторые современники, в том числе Дом, держались прежнего мнения, что встречи такого рода обыкновенно, вместо сближения людей приводят к противоположному результату³. Свидание Иосифа с Екатериной сделалось исходной точкой истинной дружбы, прекратившейся лишь с кончиной императора. Восхваляя способности и эрудицию Иосифа, Екатерина заметила в письме к Гримму, после отъезда императора: «Свидание в Мо-

¹ Arneth. «Maria Theresia und Joseph II», III, 265—303.

² Там же. «Joseph und Katharina», 8—9.

³ Dohm. «Denkwürdigkeiten», I, 415—420. Этот отзыв повлиял на взгляды позднейших историков, например Германа и Берггарди.

гилеве имело полнейший успех». Из других источников мы узнаем, что Иосиф был чрезвычайно доволен впечатлением, произведенным на него личностью Екатерины¹. Английский дипломат Геррис, донося об отъезде Иосифа, писал: «Граф Фалькенштейн нанес ужасный удар влиянию здесь прусского короля, такой удар, что, как я полагаю, это влияние никогда более не возобновится»².

В среде людей, нерасположенных к России, ходили разные слухи о неблагоприятном впечатлении, произведенном Иосифом в России. Так рассуждали Герц, Бретель, шведский посланник и проч. Фридрих II все еще надеялся, что путешествие Иосифа в Россию не изменит политической системы в Европе³.

Спрашивалось, каких последствий можно было ожидать от поездки в Россию прусского принца Фридриха Вильгельма?

Пребывание Фридриха Вильгельма в Петербурге

В начале июня 1780 года Иосиф II писал из Смоленска своей матери: «Принц прусский сюда приедет в сентябре с целью импортировать все то полезное, что удалось мне сделать»⁴.

Геррис доносил своему правительству, что императрице совсем не понравилось предложение прусского двора отправить принца в Петербург⁵.

Самые подробные известия о пребывании Фридриха Вильгельма в Петербурге встречаются в донесениях английского дипломата. Он не может считаться беспристрастным свидетелем этого события, однако его замечания о полной неудаче миссии принца подтверждаются письмами Екатерины к барону Гримму.

В довольно резких выражениях Геррис описывает холодность

¹ Письма Гримма к Екатерине. СПб., 1880, изд. «Сб. Ист. общ.», 56, 222.

² Harris, I, 324.

³ Zinkeisen, VI, 261—263.

⁴ Arneth, «Maria Theresia und Joseph II», III, 259.

⁵ «The Empress was neither flattered nor pleased with the proposition».

приема, оказанного императрицей принцу, его неуклюжесть и неловкость. Екатерина, рассказывает английский дипломат, на вечерах в Эрмитаже не обращала на него почти никакого внимания и не устраивала для него придворных празднеств; всем были заметны приветливое обращение императрицы с представителем австрийских интересов, остроумным и ловким принцем де Линем, и равнодушие, которое она выказывала к Фридриху Вильгельму; она как-то избегала беседовать с наследником прусского престола, чувствовавшим себя оскорбленным жалкой ролью, которую должен был разыгрывать при русском дворе; в противоположность к невниманию Екатерины великий князь и его супруга относились к принцу дружески; зато Потемкин ограничивался в обращении с принцем самой обыкновенной учтивостью.

Геррис доносил далее, что императрица просила Панина ускорить каким-нибудь приличным способом отъезд принца для избежания неприятностей. В присутствии Фридриха Вильгельма императрица сказала графу Кобенцелю, что ежедневно вспоминает о графе Фалькенштейне и сожалеет о его отъезде. Из всего этого, по замечанию Герриса, можно было заключать, что союз между Пруссией и Россией не имел более никакого значения¹. Геррис был убежден, что принц Фридрих Вильгельм, вместо того чтобы повредить императору Иосифу, усилил только выгодное мнение, которое императрица составила себе о последнем, и что принц, вместо того чтобы быть полезным Пруссии, только компрометировал интересы этого государства. В депеше Герриса сказано после отъезда Фридриха Вильгельма: «Или все не говорят о принце или разве только в тоне сожаления, похожего на презрение»².

В донесениях графа Герца обо всем этом говорится в совершенно ином тоне; по его мнению, путешествие принца оказалось вполне целесообразным и полезным, особенно потому, что оно положило начало дружеским отношениям принца к Павлу

¹ «La cour de la Russie», между тем этого замечания нет в английском издании депеш Герриса.

² Там же, 348. Этого замечания нет в английском издании.

Петровичу и Марии Федоровне. Герд доносил, что в минуту отъезда Фридриха Вильгельма в присутствии Панина оба наследника престолов Пруссии и России обменялись торжественными обещаниями вечной дружбы¹.

По случаю пребывания Иосифа в России, как рассказывают, Фридрих II насмешливо заметил, что граф Фалькенштейн плохой дипломатический представитель императора Иосифа². Как бы то ни было, принц Фридрих Вильгельм во всяком случае оказался плохим дипломатическим представителем Пруссии. Говорили, что сам принц вполне сознавал полную неудачу своей поездки в Россию³.

Как рассуждала Екатерина о разнице между Фридрихом Вильгельмом и Иосифом, видно из ее писем к Гримму. В начале октября 1780 года она писала: «Мне не следует давать уроки господину Фалькенштейну; он уже совершенно выучился и будет отличным мастером, тогда как другой, только что у нас бывший, еще долго не будет даже и подмастерьем. Бедняк, — сказано далее в письме Екатерины о Фридрихе Вильгельме. — Совсем нельзя разнюхать, что в нем есть. Он сильно путает в разговоре или же отмалчивается, так что ничего из него не выходит; его сдержанность чрезвычайно неудобна для всякого имеющего с ним дело. Говорят, что он хорошо думает; это легко возможно: это можно сказать и об индейском петухе; однако быть индейским петухом или играть роль такового не во всякое время выгодно. Баста». Рассказав Гримму в другом письме об Иосифе II и об удовольствии свидания с последним, императрица продолжает: «А другой (т.е. прусский принц) совсем тяжел на подъем. Боже! Боже! Какая разница между ним и его дядями!» В этом же письме выражена надежда, что не станут более приезжать гости вроде принца Фридриха Вильгельма, что она захворала от недовольствия видеть его и проч.⁴

¹ Zinkeisen, VI, 265—267.

² Dohm, I, 425—426.

³ Raumer, «Beiträge», V, 459—462.

⁴ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 190, 192.

Значение путешествия Иосифа и Фридриха Вильгельма, однако, не ограничивалось разницей впечатления, произведенного принцем и императором на Екатерину. Отношения России к Австрии и Пруссии изменились совершенно.

«Представьте себе, — писала Екатерина к Гримму после отъезда Иосифа, — мы теперь переписываемся, и я получила даже от маменьки (Марии Терезии) письмо сладкое как мед»¹.

Вообще, Мария Терезия казалась склонной делать угодное России. Когда в сентябре в Австрию явились русские офицеры-путешественники, императрица-королева оказала им особенно благосклонный прием. Изъявляя матери благодарность за такой образ действий, Иосиф прибавил: «Нам теперь лучше действовать заодно при каждом случае»².

В письме Екатерины к Иосифу, писанном после отъезда прусского принца, сказано: «Такой посетитель, как ваше императорское величество, заставил нас быть разборчивыми в отношении к другим посетителям. Явиться непосредственно после вас, значило отважиться на слишком трудное и опасное предприятие»³. Весьма часто и в позднейших письмах Иосифа и Екатерины упоминается о свидании в Могилеве и в Петербурге⁴.

Переписка между Фридрихом II и Екатериной вскоре прекратилась. Настала другая эпоха. Когда в 1781 году великий князь Павел Петрович с супругой предпринял путешествие в Западную Европу, Вена была одной из главных целей поездки, между тем как Берлин вовсе не входил в состав плана ее. Возвращаясь из Петербурга в Вену, Иосиф близ города Троппау встретился с братом великой княгини Марии Федоровны. Этому виртембергскому принцу, находившемуся в прусской службе, Иосиф поручил поклониться от него Фридриху II и в

¹ «Сб. Ист. общ.», 192.

² Arneth. «Maria Theresia und Joseph II», III, 314.

³ Там же, «Joseph II und Katharina», 19.

⁴ Там же, 59, 93 и 95.

то же время дал письмо к Марии Федоровне. В письме к своей матери Иосиф II объясняет, что поступил так с целью кольнуть Фридриха II¹.

Геррис доносил, что все старания Фридриха II действовать на некоторых влиятельных лиц при петербургском дворе оставались тщетными. Летом 1781 года он писал: «Влияние и значение Пруссии исчезли здесь навсегда»². Возобновление прежних союзных договоров между Россией и Пруссией, которым истекал срок в 1780 году, оказалось невозможным³.

Кончина Марии Терезии еще более содействовала сближению между Иосифом и Екатериной.

Отношения России к Пруссии доставили Екатерине возможность оказать влияние на польские и германские дела. Успехи России в Польше и Германии не прекращались и после ослабления русско-прусского союза. В дружбе с Иосифом императрица нуждалась для успешных действий на востоке.

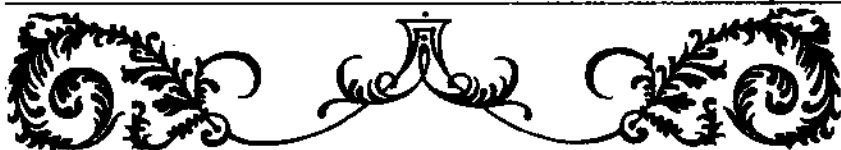

---

¹ Arneth. «Maria Theresia und Joseph», III, 305.

² Там же, I, 432.

³ Dohm, I, 423.

ГЛАВА VI

Восточный вопрос до 1788 года

Россия и Порта после мира 1774 года

Турция после заключения Кучук-Кайнарджийского мира находилась в состоянии крайнего истощения. В сентябре 1774 года Фридрих писал к Екатерине: «Мне пишут сегодня из Константинополя, что смущение и уныние, царствующие в этой столице, превосходят всякое представление, и, конечно, нужны будут многие годы, чтобы изгладить губительное впечатление, оставленное в умах всех магометан последнюю войною»¹. Екатерина писала около этого же времени к Петру Панину, что легко возможные недоразумения с Турцией по поводу вопроса о Крыме едва ли могут повести к разрыву, так как у Турции нет ни денег, ни людей, и пример бесцеремонного обращения с ними австрийцев доказывает бессилие Порты².

С целью внушить Турции еще более высокое понятие о могуществе России туда был отправлен в качестве посла князь Репнин³, незадолго до того выказавший свое дипломатическое искусство в суровом обращении с Польшей.

Положение, в котором находилась Порта, было таково, что Россия и Австрия, не опасаясь нисколько разрыва с Турцией,

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 349—350.

² Там же, VI, 179.

³ О посольстве Репнина см. «Сб. Ист. общ.», V, 159 и след., и XV, 415 и след.

могли беспрепятственно нарушать ее права и интересы. Занятие Австрией Буковины ничем не отличалось от захвата Ципского графства, которым был нанесен удар Польше. Русское влияние господствовало в Крыму; рано или поздно мнимая независимость татар должна была превратиться в безусловное подчинение России. Недаром турецкие патриоты, предвидевшие присоединение Крыма к России еще до Кучук-Кайнарджийского мира, грозили восстанием в случае уступок в отношении Крыма и вопроса о свободном плавании русских на Черном море¹.

Несмотря на все старания французского агента, барона Тотта, военная организация в Турции расстраивалась все более и более; финансовое положение Порты было отчаянным. Только флот пользовался более благоприятными условиями, потому что деятельный капудан-паша Гази-Гассан заботился о сохранении в надлежащем состоянии верфей, на которых работали английские и голландские мастера, о покупке строительного материала в Англии, об учреждении школы для навигаторов и проч.

Барон Тутут считал весьма вероятной окончательную гибель Турецкой империи в ближайшем будущем. Кауниц говорил: «С небольшим, но хорошим войском можно во всякое время изгнать турок из Европы»². Фридрих II не хотел заступиться за турок в их борьбе против Австрии и России, замечая при этом, что не желает разыгрывать в пользу турок жалкую роль Дон Кихота. Ходил слух, будто австрийский кабинет обещал Фридриху содействовать приобретению Пруссией Торна и Данцига, лишь бы Австрии была предоставлена полная свобода увеличивать свои владения в ущерб Османской Порте³.

Приведение в исполнение условий Кучук-Кайнарджийского мира представляло собой довольно значительные затруднения.

¹ Zinkeisen, VI, 19.

² Там же, 82 и след.

³ «D'agir contre la Porte comme bon lui semble». Zinkeisen, VI, 153.

Возникли кое-какие недоразумения относительно толкования некоторых пунктов мирного договора. Турки не могли не предвидеть, что Шагин-Гирей в Крыму делается орудием России и посредником в процессе присоединения полуострова к России. Сначала Стахиев, а затем Репнин старались путем подкупа успокоить турецкое правительство, раздраженное насильственным и произвольным образом действий России. В 1776 году Россия отправила несколько мнимоторговых судов, в сущности бывших военными фрегатами, из Архипелага через Дарданельский пролив в Черное море. Порта не хотела пропустить эти корабли. Этот случай подал повод к обмену довольно резкими дипломатическими нотами, причем старания России уладить дело посредством подкупа не повели к желанной цели¹. Каждую минуту можно было ожидать нового разрыва.

Россия не могла и не хотела останавливаться на избранном ею пути. Было сделано распоряжение о постройке разных крепостей на турецкой границе. Одной из этих крепостей сделался город Херсон². Грек Булгарис, вступивший в русскую службу, составил две записки: одну об упадке Турции, другую о колонизации юга России³. Жители дунайских провинций неоднократно обращались к русскому послу в Константинополе с просьбой о защите против насилия турок⁴. Между греками на Балканском полуострове и русскими дипломатами существовали кое-какие сношения⁵. Русские консулы весьма часто имели значение политических агентов и агитаторов⁶. Были сделаны кое-какие приготовления для нападения русских войск на Перекоп⁷. Императрица и Потемкин принимали самое деятельное участие

¹ Соловьев, XXIX, 225, 226, 240.

² «Сб. Ист. общ.», XXVII, 50.

³ «Древняя и новая Россия», I, 209.

⁴ «Сб. Ист. общ.», VI, 322, 343.

⁵ Там же, XV, 432, 441.

⁶ Там же, 465 и след.

⁷ Там же, XXVII, 120.

в обсуждении мер для окончательного завладения Крымом. Безбородко, начавший около этого времени свою блестящую карьеру, составлял разные записки о татарах, о необходимости взятия Очакова и проч.¹ Суворов занимался сооружением укреплений на Кубани. На Днепре кипела работа при снаряжении военных судов². Потемкин указывал на необходимость овладеть крепостью Бендерами³. Начали говорить о предстоящей осаде Очаковской крепости, которую Екатерина в письме к Потемкину назвала «Кронштадтом юга»⁴.

В 1778 году ходили слухи о неминуемо предстоящем разрыве с Турцией⁵; английский дипломат Геррис считал войну неизбежной⁶.

Однако до войны было еще далеко. Напротив, в марте 1779 года между Россией и Турцией был заключен договор при Айна-ли-Каваке в дополнение к Кучук-Кайнарджийскому миру и для объяснения некоторых пунктов его⁷.

27 апреля (8 мая) 1779 года родился великий князь Константин Павлович. В манифесте, опубликованном при этом случае, было сказано, что от новорожденного можно ожидать увеличения славы и могущества России. Уже имя, данное великому князю, заключало в себе намек на имевшуюся для него в виду карьеру. Кормилицей его была гречанка. В это время Екатерина беседовала с английским послом Геррисом, отец которого был ученым знатоком древнего мира, о греках, замечая, что им предстоит великая будущность⁸. На празднестве, устроенном Потемкиным по случаю рождения Константина, читались грече-

¹ «Сб. Ист. общ.», XXVI, 339.

² Там же, XXVII, 146, 152.

³ Там же, 137.

⁴ Там же, 154, 156.

⁵ См. письмо жены Сиверса к мужу в соч. Блюма, II, 244.

⁶ Harris, I, 177.

⁷ См. подробности о дипломатических сношениях в соч. Соловьева, XXIX, 301—329. Zinkeisen, VI, 120 и след.

⁸ Harris, I, 236, 238.

ские стихотворения. На медали, выбитой по поводу этого события, изображены софийский храм в Константинополе и Черное море, под которым сияет звезда¹. Уже с 1777 года в Петербурге существовало училище для молодых греков². Из них же выбирались товарищи для забав великого князя Константина Павловича, с ранних лет усвоившего себе греческий язык.

«Греческий проект», об осуществлении которого начали хлопотать Потемкин и Безбородко, созрел именно во время пребывания Иосифа II в России³.

Достоин внимания то обстоятельство, что известие о путешествии Иосифа II в Россию сильно беспокоило турок, опасавшихся австрийской страсти к завоеваниям. Стахийев, по поручению Екатерины, заявил в Константинополе о совершенной «невинности ее свидания с императором»⁴. Однако между русским послом и Рейс-эфенди происходили в то же время объяснения по поводу жалоб турок на постройку русских военных судов в Херсоне⁵. Одновременно Уильям Итон (Eton) составил записку о способах изгнания турок из Европы⁶. Когда около этого же времени Екатерине со стороны Пруссии и Франции было сделано предложение заключить союз с Турцией, она в сильных выражениях протестовала против такой мысли⁷. К Потемкину она писала по этому поводу: «Трактаты дружбы и коммерции полезны будут, но оборонительный и наступательный может впутать в такие хлопоты, что сами не рады будем; это французская замашка противу Константина II»⁸.

¹ «Русская Старина», XIX, 220—225.

² «Сб. Ист. общ.», XXVII, 5.

³ Там же, XXVI, 93 — 94, 221, 444.

⁴ Выражение, употребленное Екатериной в рескрипте Стахийеву, у Соловьева, XIX, 328.

⁵ Соловьев, XXIX, 327.

⁶ «Русская Старина», XIII, 443.

⁷ Zinkeisen, VI, 239, 240.

⁸ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 264.

Союз между Россией и Австрией

Таково было положение дел в то время, когда происходило сближение между Иосифом и Екатериной. До отъезда своего в Могилев Екатерина велела написать портрет Константина, изображающей великого князя со знаменем Константина Великого в руках¹. Понятно, что императрица с нетерпением ожидала случая побеседовать с императором Иосифом о турецких делах. Таким образом, в Могилеве и Царском Селе повторялись намеки на Рим и Константинополь; Екатерина в одном из своих писем к императору говорила о себе как о главе греческой церкви, называя Иосифа главой западноевропейской.

Вскоре начались переговоры о заключении союза. В письме от 1 января 1781 года, писанном главным образом Кауницом, Иосиф II просил указать на те условия, при которых Австрия и Россия взаимно гарантировали бы друг другу целостность территорий обеих держав. В этом письме встречается лестное для Екатерины выражение, что императрица гораздо умнее его, Иосифа, и что ей хорошо известно, что соответствует чести и интересам каждого². В ответ на жалобы Екатерины, что турки постоянно нарушают договоры, и на ее просьбу помочь ей наказать турок Иосиф ответил изъявлением полной готовности приступить к действиям, замечая, впрочем, что императрица, располагая знаменитыми полководцами, каковы Потемкин, Румянцев, Орлов, Репнин и другие, в сущности не может нуждаться в чьей-либо помощи³.

Заключение формального союза между Иосифом и Екатериной не состоялось. Екатерина настаивала на соблюдении при этом случае обыкновенного правила об альтернате, в силу которого при заключении договора в двух экземплярах документа подписи договаривающихся сторон чередуются. Иосиф в качестве главы германской империи не мог согласиться на соблюде-

¹ Zinkeisen, VI, 268.

² Arneth. «Joseph II und Katharina», 32. Перевод этого письма в соч. Ранке (XXXI, 101) неправилен.

³ Там же, 45.

ние этого правила. Чтобы обойти такое затруднение, Иосиф предложил вместо формальной редакции договорной грамоты в двух экземплярах, обменяться двумя письмами почти совершенно тождественного содержания, которые имели бы силу формально заключенного договора. Иосиф к тому же считал эту форму заключения договора тем более выгодной, что можно было успокоить противников Екатерины и Иосифа формальным и совершенно справедливым в точном смысле объявлением, что заключение трактата между Россией и Австрией не состоялось. «И без того, — заметил Иосиф, — король прусский узнал о существовании нашего тайного соглашения относительно Порты и воспользовался этим, чтобы повредить нам в Париже, Константинополе и других местах»¹.

Состоявшийся таким образом союз между Россией и Австрией совершенно изменил политическую систему Европы. Пруссия очутилась в невыгодном положении. Главным образом сближение между Иосифом и Екатериной было направлено против Турции. В других письмах, которыми обменялись императрица и император, заключался, так сказать, сепаратный артикул об условиях взаимной помощи в борьбе с Портой².

Нельзя удивляться тому, что Фридрих начал беспокоиться, наводил справки и наконец прямо обратился к Екатерине с запросом. Она отвечала уклончиво, замечая в то же время в письме к Иосифу, что документы, относящиеся к этому делу, хранятся у нее самой под ключом, и что она их никому не показывала, так что никто не может знать что-либо положительное об этом договоре.

Фридрих II писал в начале 1782 года к своему племяннику, герцогу Карлу Брауншвейгскому: «Мне кажется, что мы приближаемся к кризису... Очевидно, Россия намерена напасть на турок и надеется принудить их к миру в самом Константинополе. Император очень желал бы приобрести Боснию, Сербию и Белград. Он следует внушениям России». На другой день Фрид-

¹Arneth. «Joseph II und Katharina», 79—90. Ranke, XXXI, 102. Herrmann, VI, 34.

²Трачевский в «Hist. Zeitschrift», 1875, Heft., 4.

рих высказал предположение, что война начнется еще в текущем году¹.

19 февраля 1782 года императрица шутя писала Иосифу о своей надежде, что папа Пий VI, намеревавшийся посетить императора в Вене, передаст ему при этом случае ключи Рима и в то же время сделает ему предложение изгнать турок из Европы. Иосиф отвечал, что ждет такого предложения не столько от главы римской церкви, сколько от императрицы, стоящей во главе греческой церкви. При этом Иосиф заметил, что всегда готов исполнять ее желания².

И в Англии в это время ожидали раздела Турции³. Действительно, Иосиф и Екатерина в 1782 и 1783 годах мечтали об определении доли каждого участвующего в предполагаемом разделе Турции.

Екатерина жаловалась на постоянно повторяющиеся беспорядки в Крыму; Иосиф изъявил готовность содействовать принятию мер для прекращения этих смут, прося императрицу точнее определить свои желания. 10 сентября 1782 года Екатерина в подробной записке говорила о вероятности разрыва с Турцией и необходимости заблаговременно определить план похода и решить вопрос о вознаграждении и приобретениях, требуемых от Турции как от виновника войны. С Турцией, продолжает Екатерина, справиться нетрудно. Беспорядки в этом государстве, отделение Европейской Турции от Азиатской, стремление отдельных пашей к независимости и вечный раздор между ними и султаном, то обстоятельство, что христиан в Турции в пять или шесть раз больше, чем турок, разбой и грабеж, повсеместные в Турции, отсутствие дисциплины в войске, равнодушие янычар к войне и военным делам, продажность и сребролюбие турецких чиновников, готовность населения к восстаниям — все это, по мнению императрицы, должно содей-

¹ Ranke, XXXI, 103—105. О Пруссии и Фридрихе в это время см. соч. Цинкейзена, VI, 272, 281, 300 и ст. Трачевского о княжеском союзе в «Вестнике Европы», 1875, III, 718, 720.

² Arneth. «Joseph II und Katharina», 121—123.

³ Harris, I, 482.

ствовать облегчению задачи императорских дворов. Эта задача заключалась бы в приобретении турецких земель. Екатерина предлагает учредить между тремя монархиями (Россией, Австрией и Турцией) навсегда независимое от них государство под именем Дакии, состоящее из провинций Молдавии, Валахии и Бессарабии, под скипетром государя, который исповедовал бы религию, господствующую в этих странах. Что касается дальнейших приобретений, то Россия желает получить: 1) город Очаков с областью между Бугом и Днестром, 2) один или два острова на Архипелаге для безопасности и удобства торговли. Затем от успехов войны будет зависеть, можно ли идти далее и приступить к изгнанию врага христианского имени из Константинополя и к восстановлению Греческой империи под неперменным условием сохранять эту возобновленную монархию в полной независимости от России и возвести на престол ее великого князя Константина Павловича. За то, кроме приобретения Австрией некоторых провинций на Дунае, Екатерина обещала Иосифу содействовать приобретению некоторых мест в Средиземном море, если император сочтет это удобным для поддержания и развития торговли своих подданных. В заключение императрица замечает: «Эти предположения могут казаться громадными и слишком смелыми; но я думаю, что при тесном союзе между нашими государствами почти все можно осуществить»¹.

Нельзя не удивляться тому, что в записке Екатерины ни слова не сказано о приобретении Крыма. В это время все было приготовлено к занятию полуострова; несколько месяцев спустя совершилось присоединение его к России.

Иосиф медлил несколько недель со своим ответом на записку Екатерины; быть может, и болезнь императора — у него сделалась рожа — заставила его отложить ответ. В письме от 13 ноября Иосиф прежде всего выразил опасение насчет противодействия Пруссии и бургундских дворов, которые легко могут препятствовать осуществлению проектов Екатерины. Присоединение к России Очакова с принадлежащей к нему областью, заметил

¹ Arneth. «Joseph II und Katharina», 143—157.

Иосиф, не может встретить никакого затруднения. Что же касается до образования нового государства, Дакии, и возведения на престол Греции великого князя Константина, то это будет зависеть от успехов войны: со стороны же императора не будет затруднений в исполнении всех этих желаний, если только будут исполнены и его желания, которые состоят в следующем: для округления Австрийской монархии нужно присоединить к ней город Хотин с небольшой областью, прикрывающей Галицию и Буковину, часть Валахии, которую огибает р. Алута, Никополь и отсюда оба берега вверх по Дунаю, следовательно, города Виддин, Оршову и Белград для прикрытия Венгрии; от Белграда должно протянуть самую прямую и короткую линию к Адриатическому морю, включая *Golfo della Drina*, и, наконец, к Австрийской монархии должны отойти все владения венецианские на твердой земле и с принадлежащими островами, ибо только этим средством произведения австрийских земель получают ценность; полуостров Морея, который принадлежал некогда венецианцам, острова Кандия, Кипр и другие, архипелагские, могут богато вознаградить этих республиканцев; император же может иметь тогда морские суда и быть, следовательно, гораздо полезнее для России; дунайская торговля останется совершенно свободной для австрийских подданных как при входе в Черное море, так и при выходе из него через Дарданеллы, и проч.¹

И в ноябре и в декабре Екатерина в письмах к Иосифу повторяла, что она занята составлением ответа на записку императора. Из ее ответа (4 января 1783 г.) видно, что мнения Иосифа и Екатерины расходились по главному предмету. Что касается венецианцев, писала Екатерина, то она считает, что их расположение в пользу России и Иосифа в случае войны с Турцией должно считаться слишком важным условием успеха, чтобы лишить их владений на твердой земле, что непременно возбудило бы их против императорских дворов. К тому же Екатерина полагает удобным предоставить будущей греческой империи значительную территорию, а потому Морея и Архипелаг должны войти в состав этого государства. Впрочем, заключает

¹ Arneth. «Joseph II und Katharina», 169 и след.

императрица, соглашение по вопросу о различных приобретениях Австрийской монархии не может встретить никаких затруднений¹.

Таким образом, Екатерина отказала Иосифу в предоставлении ему тех выгод, которых он наиболее желал. Ответ ее сильно подействовал на императора. В записке к Кауницу, к которому он тотчас же по получении письма императрицы отправил этот важный документ, выражалось сильное негодование на Екатерину. Он говорил, что Екатерина, очевидно, хочет обмануть его, но что это ей не удастся. Вскоре после этого император написал ответ Екатерине в столь сильных выражениях, что Кауниц решительно советовал Иосифу изменить редакцию; иначе можно было, по его мнению, ожидать разлада с императрицей. Таким образом, ответ Иосифа был отправлен в совершенно новой редакции. Император писал, что, так как Турция не хочет разрыва и склонна к уступкам, значит, при совершенно изменившихся обстоятельствах не должно думать о войне. Отказываясь от приведения в исполнение своих прежних предположений, Иосиф уничтожал смелый проект Екатерины².

Понятно, что она была крайне недовольна и вовсе не разделяла мнения Иосифа в отношении к мнимой уступчивости турок. Она писала, что удивляется быстрой перемене в образе мыслей императора и что исполнение прежнего плана было бы достойным Цезаря. «Вот каково письмо императрицы, — писал Иосиф Кауницу. — В нем выражается сильная злоба, да это не могло быть иначе: она, однако, не может возразить ничего существенного на мои соображения». В продолжение нескольких недель между Екатериной и Иосифом не было переписки. Недаром Фридрих еще до этого выразил надежду на то, что при разделе Турции окажется невозможным соглашение интересов Австрии и России; он даже был убежден в том, что план завоевания Турции должен будет привести к разладу между Иосифом и Екатериной: очевидно,

¹ Arneth. «Joseph II und Katharina», 182—188.

² Там же, 188—196.

говорил он, австрийцы предпочтут слабого соседа, Турцию, — сильному, России¹.

Отказываясь нехотя от принятия мер к приведению в исполнение своего обширного плана, Екатерина приступила к завлaдению Крымским полуостровом.

Присоединение Крыма

В Крыму существовала русская партия, которую систематически поддерживал Потемкин. Приверженцы России обратились к императрице с адресом, в котором просили о присоединении Крыма к России.

Превращение Тавриды в русскую провинцию было делом необходимости для пресечения опасности, постоянно грозившей южным пределам России со стороны хищных татар. Занятие Крыма было некоторым образом оборонительной мерой. К тому же с давних пор в продолжение веков Россия стремилась к расширению своих пределов до берегов Черного и Азовского морей.

Так называемая независимость татар, бывшая одним из условий Кучук-Кайнарджийского мира, продолжалась лишь несколько лет. Во все это время в Крыму свирепствовала упорная борьба партий. Преемником хана Сагиб-Гирея, бывшего представителем интересов России, сделался поддерживаемый Турцией хан Девлет-Гирей. Так как Сагиб-Гирей обратился к России с просьбой о помощи, Суворов силой оружия возвратил ему власть; затем явился настоящий воспитанник России, Шагин-Гирей, проживший несколько лет в России и привыкший к западноевропейским взглядам и обычаям. Сделавшись ханом, он постоянно должен был бороться против влияния Турции, которая желала возвести на престол в Крыму своих кандидатов. Свергнутый с престола Шагин-Гирей вернулся при помощи русского оружия, благодаря появлению в Крыму генерала Самойлова. Противники его подверглись жестокому преследованию. Русских войск в Крыму прибавлялось все более и более. В апреле 1783 года Потемкин явился в

¹ Zinkeisen, VI, 306.

Херсоне, откуда сделал последние распоряжения для занятия Крыма; начались переговоры с Шагин-Гиреем и с начальниками племен на Кубани; переговоры эти повели к желанной цели: хан уступил свои права императрице, и Крым прекратился в провинцию России¹. Все эти события напоминали то, что происходило в Курляндии и Польше в начале царствования Екатерины.

Из весьма значительного числа рескриптов, собственноручных писем и записок Екатерины видно, в какой степени императрица принимала участие во всем деле присоединения Крыма. Особенно оживленной была в это время ее переписка по этому вопросу с Потемкиным². Постоянно Екатерина готовилась к разрыву с Турцией. Узнав от Потемкина о плохом состоянии укреплений Очакова, она писала: «Неблизкое описание состояния Очакова, которое ты из Кинбурна усмотрел, совершенно соответствует попечению той империи об общем и частном добре, к которой по сию пору принадлежит; как сему городишку нос подымать противу молодого Херсонского колосса!» и проч.³ В конце 1782 года Екатерина писала Потемкину, что нужно воспользоваться первым удобным случаем для захвата Ахтиарской гавани, т.е. Севастопольской бухты⁴. Несколько раз императрица выражала надежду, что присоединение Крыма к России наконец состоится⁵.

Во все это время продолжалась переписка Екатерины с Иосифом II, хотя в ней и заметны следы недоразумений, возникших по поводу вопроса об условиях раздела Турции. Получив в апреле 1783 года от Иосифа скудное содержанием, но богатое фразами письмо, Екатерина сообщила о нем князю Потемкину, замечая при этом: «Я твердо решилась ни на кого не рассчитывать, кроме

¹Весьма важным источником для истории этих событий служат записки Самойлова в «Русском архиве» 1867, 1208—1225. Об участии Безбородки в этих делах см. «Сб. Ист. общ.», XXVI, 91—95. Богатый материал у Цингейзена, VI, 907—934. Там же о дальнейшей судьбе Шагин-Гирея.

²«Сб. Ист. общ.», XXVII, 207 и след.

³Там же, 217.

⁴Там же, 228.

⁵Там же, 265, 269.

нас самих. Когда пирог будет испечен, у каждого явится аппетит. Как мало я считаю на союзника, так мало я опасаясь и уважаю французский гром, или, лучше сказать, зарницу»¹.

Крым был присоединен к России указом 8 апреля 1783 года. 7 апреля Екатерина писала Иосифу о новых неприязненных действиях Порты, которые принуждают ее к принятию решительных мер. Далее в ее письме сказано: «Я никоим образом не стану требовать от вас, чтобы вы подвергли ваши владения какой-либо опасности для моих выгод... Я надеюсь, что на этот раз собственные силы моего государства будут достаточны для того, чтоб принудить Порту к миру надежному, выгодному и соответствующему моему достоинству. Зная, однако, высокую душу императора Иосифа II и искренне желая личной славы для него и выгод для его государства, интересы которого столь сходны и столь тесно связаны с интересами России, я не могу не желать, чтоб он участвовал в предстоящей борьбе и посредством новых побед и приобретений озарил новым блеском свое царствование»².

Немного спустя Иосифу было сообщено о присоединении Крыма. Император остался довольным этим событием, которое считал выгодным для Австрийской монархии. Можно было надеяться, что вследствие этого турки будут миролюбивее и не так легко начнут наступательную войну, что занятие крымских гаваней русскими и развитие русского флота на Черном море могло скорее удержать Порту от нападений на австрийские владения. К тому же Иосиф, одобряя образ действий императрицы, поддерживал союз с Россией и таким образом еще успешнее препятствовал сближению России с Пруссией³.

В нескольких письмах Екатерина изъяснила Иосифу свою благодарность за его косвенное содействие занятию Крыма, обещая ему, что Россия при случае станет также действовать для доставления выгод Австрии. Иосиф в записке к Кауницу выразил

¹«Сб. Ист. общ.», XXVII, 252.

²Arnth. «Joseph II und Katharina», 195—199.

³Segur. *Memoires*, III, 209.

предположение, что императрица при этом случае имела в виду присоединение Молдавии и Валахии к Австрийской монархии¹. Старания Екатерины помочь Иосифу по поводу проекта об обмене Нидерландов на Баварию и по поводу спора о плавании по реке Шельде доказывало, что Екатерина действительно считала себя обязанной императору.

Приобретение Крыма имело громадное значение для России. Недаром брат Иосифа Леопольд Тосканский заметил тогда же, что Россия отныне станет господствовать на Черном море так же, как она уже прежде господствовала на Каспийском море, и что Россия с берегов Крымского полуострова во всякое время станет угрожать Турции нападением на Константинополь². Рассказывали впоследствии о замечании Екатерины, что она прибыла в Россию бесприданницей, но что в Тавриде и Польше она приобрела себе приданое³. В веселом тоне она сообщила Гримму о присоединении Крыма и о том, что ей удалось раз навсегда положить конец хищничеству татар и интригам турок в Крыму. Останавливаясь на частностях этого события, Екатерина доказывала, что нельзя было не решиться на энергичные действия. При этом она изъявила сожаление, что Даламбер, скончавшийся в октябре 1783 года, не одобрял образа действий России⁴.

Императрица не была равнодушна к отзывам о ней в Западной Европе. Для России довольно важная выгода заключалась в том обстоятельстве, что на западе во время присоединения Крыма оканчивалась многолетняя война между разными державами, которые в утомлении после напряжения сил не желали вооруженной рукой препятствовать успехам России.

Мысль о возможности столкновения между Россией и другими державами по поводу турецких дел оказалась довольно близкой к осуществлению. Когда Екатерина сообщила великому князю Павлу Петровичу об успешно совершенном присоеди-

¹ Arneth. «Joseph II und Katharina», 206.

² Ranke, XXXI, 115.

³ Masson. «Memoires secrets sur la Russie», I, 49.

⁴ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 277, 287, 308.

нии Крыма, Павел высказал убеждение, что особенно Франция едва ли спокойно станет смотреть на столь важное усиление могущества России; императрица уверяла сына, что не имеет основания опасаться ни Франции, ни Швеции¹.

Геррис уже в 1782 году доносил своему правительству, что можно считать весьма вероятным разрыв с Турцией и что Екатерина, как можно полагать, желает войны². В других депешах английский дипломат возвращался неоднократно к этому предмету: Потемкин, писал он, желает завладеть Очаковым; в России усиливают артиллерию; очевидно, существуют широкие планы относительно Турции, и эти планы доходят до таких размеров, что императрице приходится сдерживать пылкое воображение Потемкина; нет сомнения, что это все клонится к разделу Турции. Немного позже Геррис писал, что можно ожидать турецкой войны по поводу крымских дел; Потемкин в ближайшем будущем, доносил Геррис, намерен приступить к осаде Очакова, и потому просил об усилении артиллерии в южной России, и проч.³

Уже прежде в Петербурге узнали о разных кознях прусского дипломата в Константинополе, Гафрона, направленных против России⁴. После присоединения Крыма к России, были получены новые известия об усиленных интригах Гафрона⁵. Из Испании писали о сильном раздражении Франции по случаю усиления России⁶. С насмешкой и в тоне неудовольствия императрица отзывалась о дипломатической деятельности французского дипломата Шуазеля-Гуфье в Константинополе⁷. Вержени составил план подачи Турции помощи в борьбе с Россией; он же мечтал о возможности заставить петербургский и венский дворы согла-

¹ «Русская Старина», VIII, 652—653.

² Harris, I, 540.

³ Там же, II, 8, 12, 13, 15—19, 22, 27, 42, 46, 56.

⁴ «Вестник Европы», 1876, III, 317.

⁵ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 274.

⁶ «Вестник Европы», 1876, III, 710.

⁷ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 281—282.

ситься на посредничество Франции в споре между Турцией, с одной стороны, и Россией и Австрией — с другой.

В августе 1783 года Екатерина была убеждена в том, что Турция ей объявит войну¹. И действительно, в Константинополе партия, склонная к войне, производила сильное давление на правительство. Рейс-эфенди объявил, что скорее готов умереть, чем допустить, чтобы Крым оставался в руках России. Несмотря на все это, умеренная партия взяла верх, и мир пока не был нарушен².

Впрочем, Россия не переставала готовиться к походу. Грейг составил записку о нападении на Дарданеллы, к которой Потемкин прибавил некоторые замечания³. И Кауниц желал разрыва с Турцией и считал время удобным для открытия военных действий: он говорил, что Австрия теперь может возратить себе то, чего она лишилась при Белградском мире. Император Иосиф должен был сдерживать предприимчивость канцлера⁴.

Мир не мог быть продолжительным. Присоединение Крыма к России было слишком тяжелым ударом, нанесенным Порте. Можно было ожидать разрыва, тем более что Россия не переставала действовать наступательно и возбуждать Порту к объявлению войны.

Путешествие 1787 года

Несколько лет спустя после первого раздела Польши Екатерина предприняла путешествие в Могилев для ознакомления с новоприобретенным краем, Белоруссией. С такой же целью была совершена поездка в Крым через несколько лет после приобретения полуострова. То обстоятельство, что императрица отправилась в Южную Россию в то самое время, когда можно было ожидать разрыва с Турцией, придало ее путешествию характер политической демонстрации; нельзя не признать, что такой образ

¹ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 274.

² Zinkeisen, VI, 404—405.

³ «Русская Старина», XXII, 449 и след.

⁴ Трачевский в «Вестнике Европы», 1876, III, 716.

действий русского двора ускорил решение вопроса о турецкой войне.

Императрицу сопровождали при этом случае многочисленная свита, министры, некоторые из иностранных дипломатов; целью путешествия был Херсон, приобретший в последнее время значение военного порта, Бахчисарай — бывшая столица крымских ханов, Севастополь — одна из лучших гаваней в мире, в которой можно было видеть созданный Потемкиным в самое короткое время флот, готовый сражаться с турками.

Таким образом, путешествие Екатерины в то же самое время было придворным увеселением, так сказать, пикником в громадных размерах, и весьма важным и серьезным политическим действием, которое должно было возбудить страх и раздражение противников России.

Уже за несколько лет до этого путешествия была речь о нем. В письмах к Иосифу Екатерина напоминала императору о данном ей в Могилеве обещании встретиться с ней в Херсоне¹. Еще в 1784 году были приняты кое-какие меры для приведения в исполнение намерений Екатерины посетить южные окраины империи². Между тем императрица в письмах к разным лицам старалась распространить мнение, что предполагаемое ею путешествие не имеет ничего общего с политической³; так как, однако, было известно, что главным поводом к поездке было обревизование результатов административной деятельности Потемкина, заключавшихся главным образом в приготовлениях к турецкой войне, то уверения Екатерины не согласовались с положением дел.

Путешествие Екатерины должно было сделаться торжеством Потемкина, имевшего возможность показать вверенную ему новоприобретенную область в самом выгодном свете. Богатство и производительные силы степного края, быстрое развитие новопостроенных городов, множество военных снарядов и припасов,

¹ Arneth. «Joseph II und Katharina», 92, 277.

² «Записки Одесского общества истории и древностей», II, 758.

³ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 378—380. Соч. Екатерины, изд. Смирным, III, 449.

значение новых крепостей, многочисленных войск, сила и блеск нового флота, роскошь и прелесть великолепной природы в Крыму — все это не могло не произвести благоприятного впечатления на императрицу, все это должно было обезоружить противников светлейшего князя и в то же время дать всему миру высокое понятие о размерах средств, которыми располагала Россия.

Французский дипломат Сегюр, участвовавший в этой поездке, утверждает, что Потемкин, устраивая путешествие Екатерины, тем самым желал довести ее до объявления войны туркам¹. Однако не должно упускать из виду того обстоятельства, что план поездки состоялся независимо от соображений Потемкина.

Сама императрица едва ли ожидала, что ее путешествие поведет прямо к разрыву с Портой. Считая вообще войну неизбежной, Екатерина, однако, не могла желать столь быстрого открытия военных действий. Если бы она считала вероятным разрыв с Портой в ближайшем будущем, то сообщила бы императору о проделанном путешествии в ином тоне, нежели это было ею сделано.

Иосиф удивился небрежности в форме приглашения императрицы. Он писал Кауницу, что после всех услуг, оказанных им Екатерине, после содействия присоединению Крыма к России такой способ приглашения может казаться странным, и что он намерен в своем ответе дать почувствовать «принцессе Цербстской, превращенной в Екатерину», что не должно так бесцеремонно располагать им.

Сначала Иосиф вовсе не хотел ехать в Россию. Но те самые соображения, на которых вообще был основан его союз с Россией, побудили его к поездке в Херсон, и он, по совету Кауница, в самых лестных выражениях известил Екатерину о том, что скоро увидится с ней. Хотя в письмах Иосифа и Екатерины по случаю предстоящего свидания не говорилось о главной цели свидания, т.е. о турецких делах, все-таки в этом событии заключалась широкая политическая программа. Вопрос о разделе

¹ Segur. *Memoires*, III, 113.

Турции не мог не сделаться главным предметом бесед между Иосифом и императрицей.

При всем том, однако, важнейшей целью поездки казалось развлечение, веселье, непринужденная беседа. О забавах во время дороги Сегюр сообщает некоторые любопытные подробности. И в карете, и на станциях продолжали забавляться совершенно таким же образом, как забавлялись в Царском Селе или в Эрмитаже. Рассказывали анекдоты, например, о Вольтере, Дидро, Мерсье де ла Ривiere и других знаменитостях французской литературы, говорили об истории и статистике, о мифологии и земледелии, о словесности и философии; задавали друг другу шарады; писали *bouts-rimes*, в сочинении которых особенно отличался граф Сегюр; представляли живые картины, об устройствах которых более всего хлопотал граф Кобенцель. Придворный этикет по возможности был устранен. Строгие формы церемониала на время исчезли. Тем легче путешественники могли наслаждаться прелестью беседы, о которой Талейран сказал, что эта дореволюционная «*conversation*» в высших сферах общества составляет самое утонченное удовольствие, самое большое счастье. Из записок Сегюра, из писем принца де Линя, из заметок Екатерины можно видеть, каким необыкновенным талантом для такого рода беседы отличалась и сама императрица и ее спутники.

Несмотря на это, оказалось невозможным устранить на время поездки политику. Каждый из собеседников был представителем известных политических интересов и имел определенную политическую программу. Вопросы об Оттоманской Порте, о стремлении прусского короля Фридриха Вильгельма II вмешиваться в дела других государств, о печальном положении Франции, приближавшейся к перевороту, занимали всех. Большей частью пути касались в разговорах и этих предметов. Весьма ловко императрица говорила о России, о народном богатстве, о плодородии почвы, о доходности рыбной ловли на Волге, об удобстве при столь выгодных условиях хозяйственного быта русского народа производить реформы в его общественном строе. Ей было известно, что за границей не особенно выгодно рассуждали о России, и потому она старалась действовать на образ

мыслей своих собеседников-дипломатов в этом отношении; она называла империю своим «*petit menage*» и утверждала, что пока хозяйничает весьма благополучно. Посланники, казалось, были восхищены быстротой прогресса, совершающегося в России, сыпали комплименты по этому поводу, хвалили Петра Великого, который, по словам Екатерины, служил ей образцом при управлении государством и проч. Такие беседы были прерываемы торжественными въездами в губернские города, речами высоких сановников и духовных лиц, аудиенциями, балами, иллюминациями. Царствование Екатерины являлось в полном блеске. В Киеве представлялись императрице многие богатые и знатные поляки различных партий, в том числе и племянники короля. Вместе с представителями Западной Европы Екатерину окружали депутаты от татар, калмыков, киргизов и проч. Все это представляло собой интересное зрелище, соприкосновение разных степеней культуры, цивилизации различных эпох, крайнее разнообразие в нравах и приемах общежития, в физиономиях и одеждах, в наречиях, исповеданиях, наклонностях и проч.

Хотя Екатерина всячески старалась разузнать во время путешествия об образе мыслей и о разговорах между собой иностранных дипломатов, но сама не говорила с ними о важнейших политических вопросах. Ей хорошо было известно, что в Западной Европе ее путешествию приписывали важное политическое значение. Поэтому она распорядилась, чтобы, когда она в день именин Иосифа II на балу у Кобенцеля торжественно пила за здоровье ее друга императора, этот эпизод не был упомянут в печатаемом по ее желанию журнале путешествия. Шутя она затрагивала политические дела. Рассказывая, например, о том, что один русский моряк жейлился на негритянке, она смеясь заметила, что из этого факта можно видеть, до чего доходит ее честолюбие, так как в этой женитьбе кроется бракосочетание русского флота с Черным морем. «Вы не хотите, — сказала императрица однажды, смеясь, Сегюру, — чтобы я прогнала ваших питомцев, турок. Хороши они; они вам делают честь. Будь у вас в Пьемонте или в Савойе такие соседи, которые ежегодно беспокоили бы вас голодом и чумой, убивали и уводили бы в плен по целым тысячам ваших соотечественников, — что ска-

зали бы вы, если бы мне вдруг вздумалось защищать их? Разумеется, вы назвали бы это варварством с моей стороны»¹.

В беседе с Храповицким Екатерина в то же время говорила о Порте в совершенно ином тоне, жаловалась на европейские кабинеты, «которые Порту вооружают», и заметила: «Мы сами можем начать на основании споров с турками по делам на Кавказе и в дунайских княжествах»². В то же время императрица, находясь в обществе иностранных дипломатов, шутила о своем путешествии, будто бы чрезвычайно опасном для Европы, говорила о слухе, что она и Иосиф II имеют в виду завладеть всей Турцией, всей Персией, а пожалуй, еще и Индией и Японией³.

Свидание Екатерины с польским королем в Каневе не имело особенного политического значения. С тех пор как она находилась с Понятовским в близких сношениях, прошло около трех десятилетий. Теперь Екатерина и Станислав Август встретились при совершенно изменившихся обстоятельствах. О политике говорили немного, хотя Понятовский надеялся поправить свое положение личными переговорами с Потемкиным и императрицей. На вопрос, сделанный королем русским государственным людям, можно ли ожидать скорого разрыва с Турцией, Потемкин и Безбородко отвечали уклончиво⁴.

Гораздо важнее было свидание с Иосифом II. Он прибыл в Херсон до приезда туда Екатерины и успел осмотреть довольно тщательно тамошние постройки, верфи, склады и проч. Затем он отправился навстречу императрице, которую застал в Кайдаках. Херсон произвел на Иосифа довольно благоприятное впечатление; город развивался быстро и успешно. На верфях было несколько готовых военных судов. В Херсон прибыли из Константинополя русский дипломат Булгаков и австрийский, ба-

¹ Segur. *Memoires*, III, 15 и 29.

² Храповицкий, 7 апреля 1787 г.

³ Segur, III, 120.

⁴ См. статью Лиске в «*Russische Revue*», IV, 481—508. Kalinka. «*Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta*» в «*Pamiętnikcz ożmnastego wieku*», X, Poznań, 1868, CCLXVII и след.

рон Герберт; в Херсоне происходило нечто похожее на конгресс. Между Екатериной и Иосифом шли беседы о политике. Турецкий флот сделал демонстрацию, явившись во время пребывания Екатерины в Херсоне около устья Днепра, так что императрица не могла предпринять предполагавшейся поездки в Кинбурн. Между дипломатами России, Франции, Англии и Австрии происходили переговоры; никто не думал, что военные действия откроются через несколько месяцев. Иосиф II и Екатерина казались лишь туристами, которых соединяли не столько политические цели, сколько личная дружба и охота путешествовать.

В Ольвиополе императрицу ожидали ее новые подданные — ногайские татары, которые пожелали сопровождать царский поезд в виде конвоя.

Появление русского двора со столь блестящей свитой в Бахчисарае было торжеством России над Азией. Недаром Екатерина в беседе с Храповицким, вспоминая о частых набегах татар на Россию в прежнее время, говорила о значении приобретения Таврического полуострова. Из ее замечаний видно, что некоторые из спутников императрицы не разделяли ее оптимизма относительно будущности Крыма¹.

Вид севастопольской гавани с великолепным военным флотом поразил всех путешественников. За столом Екатерина пила за здоровье своего лучшего друга, Иосифа II, замечая при этом, что в значительной степени обязана ему приобретением Крыма². Все удивлялись деятельности Потемкина, успевшего за столь короткое время создать черноморский флот. Иосиф не сомневался в том, что Севастополю предстояла великая будущность. И его и графа Сегюра занимала мысль, что из Севастополя можно в 36—48 часов приплыть в Константинополь. Иосиф писал к фельдмаршалу Ласи, что Сегюр очень нахмурился, видя такое быстрое развитие новой гавани России. «Вообразите себе, — продолжал Иосиф, — что за мысли при этом должны явиться в голове моего товарища султана; он постоянно в ожидании то-

¹ Храповицкий, 21 мая 1787 г.

² Там же. Письмо Иосифа к Ласи в издании Арнета «Joseph II und Katharina», 363.

го, что эти молодцы беспрепятственно придут и разобьют гром своих пушек окна его дворца. Императрица в восхищении от такого приращения сил России»¹.

После осмотра других мест на южном берегу Крыма Иосиф простился с императрицей; получив известие о беспорядках, происходивших в Нидерландах, он спешил вернуться в Вену. Тотчас после окончания путешествия Екатерины началась турецкая война.

Разрыв с Турцией 1787 года

Каждое приобретение России в ущерб туркам и татарам заставляло русское правительство распространять свои наступательные действия все далее и далее. Едва были заняты кое-какие места на берегу Черного моря, появилась мысль о свободном проходе через Дарданельский пролив. Занятие Крыма и постройка Херсона породили желание завладеть Очаковом. Являлись все новые поводы к столкновениям между Россией и Турцией². В подробной записке о необходимости занятия Таврического полуострова Потемкин прямо говорил, что целью России должно быть полное господство на Черном море³. Вержени предсказывал, что Екатерина, не ограничиваясь занятием Крыма, сделает нападение на Турцию с целью уничтожить ее⁴. Турки говорили: «Пока Крым находится в руках России, Турцию можно сравнить с домом без дверей, в который каждую минуту беспрепятственно могут явиться воры»⁵. Каждую минуту турки ожидали появления русского флота у самого Константинополя и уничтожения их морских сил⁶.

¹ Arneth, 363; Segur, III, 181.

² См. статью князя Щербатова о голоде 1787 г. в «Чтениях Московского общества истории и древностей», 1860, I.

³ Соловьев. «Падение Польши», 163.

⁴ Hegtmann, VI, 62.

⁵ Там же, 172.

⁶ Eton. «Schilderung des turkischen Reiches», 100.

Недаром присоединение Крыма к России считалось образцом ловкости русской дипломатии. Россия продолжала действовать в том же направлении. Русскому послу в Константинополе были предоставлены в распоряжение значительные денежные средства для того, чтобы успешно действовать посредством подкупа. Фридрих II справедливо считал продажность турецких сановников самым коренным злом Турции. Прусский дипломат Диц писал в 1784 году, что турецкой империи едва ли остается просуществовать еще десять лет и что затем вся она сделается добычей России; поэтому он указывал на необходимость для Пруссии и других держав не ограничиваться ролью праздных зрителей, а участвовать в разделе Турции¹.

Не было недостатка в поводах к разрыву между Россией и Турцией. К числу их должно отнести, между прочим, набеги лезгинов и других кавказских народов во владения грузинского царя Ираклия, признавшего (в 1783 г.) над собой верховную власть России. Ожидали, что Россия рано или поздно станет думать о покорении всего Кавказа, где совершенно так же, как в Крыму, существовала рядом с турецкой и русская партия. Порта поддерживала лезгинов, противников вассала России; распространение же русского влияния на Кавказе считалось ударом, нанесенным могуществу Порты. Далее, турки жаловались на вмешательство России в египетские дела. Образ действий русских консулов, барона де Толюса в Александрии, Ферриери в Смирне и других, казался опасным Турции. Думали иногда, что Россия желала при предстоящем разделе турецких владений предложить Египет французам.

Тотчас же после приезда в Россию в 1785 году французский дипломат Сегюр неоднократно беседовал с Екатериной о турецких делах; императрица не раз говорила о необходимости изгнания турок из Европы². Шутя она называла Сегюра, заступавшегося за турок, «Сегюр-эфенди»³. Французские офице-

¹ Zinkeisen, VI, 513. О Булгакове и его действиях путем подкупа в 1784 г. см. «Сб. Ист. общ.», XXVI, 452—453.

² Segur, III, 339.

³ Там же, II, 363.

ры заботились об улучшении военной организации в Турции. На каждом шагу было заметно противодействие недоброжелателей России. Трудно было определить меру опасности, грозившей Турции со стороны Екатерины. Между тем как Фридрих II утверждал в 1787 году, что осуществление проектов Екатерины окажется невозможным¹, султан в манифесте к своим подданным умолял их пожертвовать всем и употреблять все силы для спасения Турции от грозившей ей со стороны России опасности².

Понятно, что при таком положении дел путешествие Екатерины в южную Россию произвело сильное волнение. Во время этого путешествия на юге были сосредоточены многочисленные отряды конницы, пехоты, артиллерии. Уже в таком громадном скоплении значительных военных сил заключалась довольно внушительная демонстрация против Порты и ее защитников³. Сегюр считал нужным сообщить о своих опасениях французскому посланнику в Константинополе и постоянно говорил о необходимости привести в надлежащее состояние Очаковскую крепость и собрать на берегу Дуная войска в количестве 150 000 человек⁴.

Из напечатанной в последнее время переписки между Потемкиным и Булгаковым видно, каким образом отношения между Россией и Турцией в это время становились все более и более натянутыми. Дипломаты западных держав в Константинополе, Дип, Энсли (Ainslie) и Шуазель-Гуфье, вооружали Порту против России. Иосиф II, не желавший скорой войны, старался сдерживать воинственный пыл императрицы. Когда во время пребывания царственных путешественников в Херсоне, в устьях Днепра появилась турецкая эскадра, Екатерина сказала: «Вы видите, что турки забыли Чесменскую битву»⁵. Нассау-Зиген,

¹ Zinkeisen, VI, 541.

² Herrmann, IV, 165.

³ Современные брошюры, например «Lettre d'un voyageur a Mr. le baron de L. sur la guerre des Turcs», Philadelphie, 1788, Volney, «Considerations sur la guerre actuelle» etc.

⁴ Segur, III, 92.

⁵ Там же, 145.

показывая на карте положение турецких кораблей, предложил императрице напасть на них; она ничего не отвечала, но, улыбаясь, оттолкнула карту¹. «Вообразите себе, — говорил Сегюр русским министрам, — что султан, окруженный своими сановниками, в сопровождении могущественного союзника, с громадным флотом и 150 000 войском явился в Очакове; можно ли было бы удивляться, если бы вы приняли некоторые меры предосторожности, привели бы в оборонительное состояние Херсон и думали бы о собрании войск?» В беседе с императором Иосифом Сегюр указывал на невозможность раздела Турции уже потому, что Константинополь не мог бы не сделаться яблоком раздора между державами, участвующими в разделе. Сегюр просил императора действовать в пользу сохранения мира. Было не легко составить себе точное понятие о видах Екатерины, так как разве только Потемкин и Безбородко знали о ее намерениях. Безбородко уверял Сегюра, что Россия не желает разрыва с Турцией; в то же самое время, однако, узнали, что Булгаков, возвратившийся в Константинополь с новыми инструкциями, обратился к Порте с новыми, усиленными требованиями². Очевидно, об этом не было сделано официального сообщения иностранным дипломатам в Херсоне. Недаром князь Щербатов, резко порицавший образ действий Екатерины и Потемкина, указывал на то, что объявления России о желании сохранить мир не соответствовали ее бесцеремонному обращению с Портой³.

15 (26) июля Рейс-эфенди передал Булгакову ультиматум, в котором Порта требовала немедленного удаления из Ясс, Бухареста и Александрии русских консулов, старавшихся будто бы нарушить мир между Россией и Турцией, удаления русских войск из Тифлиса и Грузии вообще, признания царя Ираклия вассалом Порты, права подвергать тщательному осмотру все русские корабли, выходящие из Черного моря, и проч.⁴

¹ «Oeuvres du prince de Ligne», II, 17.

² См. мою статью «Разрыв между Турцией и Россией в 1787 г.» в Журнале Министерства народного просвещения, CLXVIII, 2, 147.

³ «Чтения Московского общества», 1860, I, 77—80.

⁴ Neffmann, VI, 169.

Разрыв становился неизбежным. Только Россия, занятая приготовлениями к войне, желала отсрочить начало военных действий¹.

В заседании Дивана 2 (13) августа было решено объявить войну России; 5 (16) Булгакова, приглашенного на конференцию, осыпали упреками и прямо оттуда отправили в Семибашенный замок. Порта требовала возвращения Крыма и указывала на нарушение Россией Кучук-Кайнарджийского мира. Главным поводом к войне был Крым. В России приписывали разрыв преимущественно козням английского и прусского дипломатов в Константинополе, причем упускали из виду, что сама Россия своим образом действий довела Турцию до крайнего раздражения².

Самым важным делом для Екатерины в эту минуту был вопрос об образе действий Иосифа II. Он решился примкнуть к России. В письме к Екатерине от 30 августа (10 сентября) 1787 года император изъявил готовность исполнить свою обязанность в качестве союзника России. «Очень сожалею, — сказано далее в письме императора, — что мы в эту минуту не находимся в Севастополе, откуда отправились бы в Константинополь приветствовать султана и его неразумных советников пушечными выстрелами»³.

В продолжение без малого полувека не было войны между Австрией и Портой. Очевидно, Иосиф надеялся теперь на осуществление проекта раздела Турции. Во время переговоров по этому поводу Екатерина и Иосиф не могли прийти к точно определенному соглашению. Теперь же счастье войны должно было решить вопрос об удобоисполнимости проектов России и Австрии вообще и о доле добычи каждого в особенности.

Ожидания Екатерины и Иосифа не исполнились. Их надежда на раздел Турции оказалась тщетной.

¹См. письмо Безбородки к Воронцову в «Сб. Ист. общ.», XXVI, 188.

²Zinkeisen, VI, 628—629. «Сб. Ист. общ.», XXVI, 400, 530.

³Arneth. «Joseph II und Katharina», 299. Храповицкий, 2 сентября 1787 г.

Война 1787 и 1788 годов

В минуту разрыва один публицист писал: «Если турки останутся победителями, они не пойдут в Москву; зато русские, разбив турок в двух сражениях, непременно явятся в Константинополь».

В 1768 году при объявлении войны Турция оказалась недостаточно подготовленной к походу. То же самое повторилось и в 1787 году. Впрочем, и Россия не была готова к немедленному открытию военных действий. Иосиф не без основания в своих письмах к фельдмаршалу Ласи отзывался невыгодно о военной организации России. Армия в сущности была гораздо менее многочисленна, чем на бумаге; артиллерия находилась в весьма неудовлетворительном состоянии; крепости были построены наскоро, матросы оказались неопытными, флот был построен из плохого материала².

Назначение главнокомандующего представляло затруднение; Потемкин соперничал с Суворовым, Репнин — с Румянцевым. Алексей Орлов не принял предложения командовать флотом. В довольно резких выражениях князь Щербатов порицал образ действий правительства, с одной стороны своей заносчивостью заставившего Турцию объявить войну, с другой — недостаточно подготовленного к открытию военных действий³.

Было заметно некоторое беспокойство императрицы в это время. Принц де Линь говорит, что она сильно беспокоилась, показывая, впрочем, вид, что не сомневается в успехе⁴. 2 сентября Храповицкий занес в свой дневник выражение Екатерины: «Нельзя себя обольщать надеждой, но, кажется, Бог поможет хорошо дело кончить». 12 сентября императрица подписала манифест о войне. «Плакали», — пишет Храповицкий в этот день о Екатерине.

¹ Volney. «Consideration sur les causes de la guerre actuelle etc».

² Arneth, 353 и след.

³ «Чтения», 1860, I, 78—80.

⁴ «Oeuvres du prince de Ligne», II, 233, III, 21.

В продолжение тринадцати лет Екатерина привыкла обо всем советоваться с Потемкиным. Теперь же его не было в столице, так как он был занят на юге приготовлениями к походу, к тому же он писал к императрице редко и сам не был в бодром и смелом расположении духа. Впрочем, Екатерина ожидала успеха, особенно рассчитывая в ближайшем будущем на взятие Очакова¹.

Вскоре узнали, что турки собирались атаковать Кинбурнскую крепость. Зная, что Потемкин сильно беспокоился, императрица писала ему: «Дай Боже его (Кинбурна) не потерять, ибо всякая потеря неприятна; но положим так, то для того не унывать, а стараться отомстить и брать реванш; империя останется империей и без Кинбурна; того ли мы брали и потеряли?» и проч. Между тем как Потемкин совсем падал духом и не верил даже в возможность отстоять Кинбурнскую крепость, в Петербурге ходили слухи о необыкновенно успешном ходе военных действий, о решительном наступлении русских войск².

Нападение турок на Кинбурн было отбито. 1 (12) октября, у самых стен крепости, происходило сражение, в котором Суворов одержал верх над турками, потерявшими несколько тысяч человек. Сам полководец выказал в этом сражении необычайную храбрость и дважды раненный не оставлял поле битвы.

Екатерина за несколько дней до этого события всячески старалась ободрить Потемкина. Она писала ему между прочим: «Укрепи твой ум и душу против всех затруднений и будь уверен, что ты победишь их с некоторым терпением; но эта настоящая слабость, чтоб, как ты пишешь ко мне, изложить свои достоинства и скрыться» и проч.³

Узнав об успехе русского оружия при Кинбурне, Екатерина писала Потемкину: «Важность сего дела в нынешнее время довольно понятельна, но думаю, что той стороны не можно почитать за обеспеченную, дондеже Очаков не будет в наших

¹ Записки Гарновского в «Русской Старине», XV, 247, 260, 263.

² Соловьев. «Падение Польши», 173 и 174.

³ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 429.

руках... Дай Боже, чтобы вооружение на Лимане имело бы полный успех» и проч.¹ Чем менее Екатерина ожидала столь радостных известий, тем более она теперь надеялась на дальнейшие успехи; многим лицам она рассказывала подробности кинбурнского сражения². Кинбурн имел весьма важное значение для Крымского полуострова, который через потерю этой крепости подвергся бы серьезной опасности³.

Вскоре, однако, были получены неутешительные известия. Страшная буря на Черном море нанесла чувствительный вред русскому флоту; один фрегат был поглощен волнами, другой был увлечен течением в Босфор, где вынужден был сдаться туркам; прочие суда пострадали, потеряв мачты и проч.⁴

Потемкин сообщил о случившемся императрице, преувеличивая в отчаянии размеры вреда, нанесенного флоту. «Флот севастопольский разбит бурей, — доносил он, — остаток его в Севастополе, все малые и ненадежные суда и, лучше сказать, не употребительные, корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки». Опять императрице приходилось утешать князя: «Молю Бога, — писала она, — чтобы тебе дал силы и здоровья унять ипохондрию... не унывай и береги свои силы. Проклятое оборонительное состояние, я его не люблю. Старайся поскорее оборотить в наступательное: тогда тебе да и всем легче будет», и проч. Екатерина знала обо всем, следила за всеми частностями военной организации. Из ее писем к Потемкину видно, в какой мере она превосходила князя силой воли, твердостью и решимостью, умом и душой.

Потемкин не переставал унывать и даже сделал предложение очистить Крымский полуостров. Екатерина в крайнем удивлении писала ему: «А вот как я о сем сужу: что ты нетерпелив, как пятилетний ребенок, между тем как дела, порученные тебе в сие время, требуют непоколебимого

¹ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 438.

² Гарновский в «Русской Старине», XV, 472.

³ Zinkeisen, VI, 638.

⁴ Самойлов в «Русском архиве», 1867, 1239. «История Черноморского флота», 268 и 269.

терпения... Пишешь ты о выводе войск из полуострова... чрез это туркам и татарам открылася бы паки дорога, так сказать, в сердце империи, ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону; в прошедшие времена мы занимали Крым, чтобы укрепить оборону, а теперь Крым в наших руках», и проч. Далее Екатерина писала по поводу этого же предложения Потемкина: «Что же будет и куда девать флот Севастопольский?.. Прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу покрыть может. Все сие пишу к тебе как лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и более еще имеет расположений, нежели я сама; но на сей случай я бодрее тебя, понеже ты болен, а я здорова», и т.п.¹

В следующее за тем время Екатерина порой была недовольна Потемкиным, оставлявшим ее без известий по целым неделям. Впрочем, в продолжение нескольких месяцев не происходило важных военных действий. По временам и Екатерина унывала, так что Потемкин в свою очередь должен был утешать ее. Оказалось, что армия Румянцева в Бессарабии находилась в плачевном состоянии. Принц де Линь в лагере Потемкина удивлялся медленности военных действий и доносил императору Иосифу и князю Кауницу о неудовлетворительном состоянии русского войска, о недостатке в припасах и снарядах, о нерешительности Потемкина².

Очевидно, Потемкин не составил заблаговременно точного плана действий. Приходилось посылать из Петербурга подробные инструкции для военных операций. Весной 1788 года Потемкин повторил свое прежнее предложение о выводе войск из Крыма. Екатерина писала ему: «На оставление Крыма, воля твоя, согласиться не могу; об нем идет война, и если сие гнездо оставить, тогда и Севастополь, и все труды и заведения пропадут и паки восстаноятся набеги татарские на внутренние провинции; кавказский корпус от тебя отрезан будет, и мы в завоевании Тавриды паки упреждены будем и не будем знать, куда девать военные суда, как ни во Днепре, ни в Азовском

¹Сб. Ист. общ., XXVII, 433 и след.

²«Oeuvres du prince de Ligne», Paris, 1860 II, 58—61.

море не будем иметь убежища; ради Бога, не пускайся на сии мысли, кои мне понять трудно, и мне кажутся неудобными, понеже лишают нас многих приобретенных миром и войною выгод и пользы. Когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с оного, чтоб держаться за хвост?»¹

При всем том императрица не теряла доверия к способностям и рвению Потемкина и при случае защищала его против нападок недоброжелателей. Впрочем, даже принц де Линь, вообще недовольный медленностью операций русских войск, хвалил таланты и деятельность Потемкина. Созданный им флот два раза успел разбить в Очаковском лимане турецкую эскадру (7 и 17 июня). Эти события произвели некоторое впечатление. Екатерина была чрезвычайно обрадована известием об этих победах и писала Потемкину: «Хорошо посмеется тот, кто посмеется последним; справедливость, право и истина на нашей стороне»². Чем более императрица в это время была озабочена начавшейся войной со Швецией, тем сильнее на нее подействовала весть о торжестве русского флота над турецким.

Осада Очакова началась не раньше как в конце июля и продолжалась несколько месяцев. Война затянулась. Русские и австрийцы упрекали друг друга в медленности. Иосиф II был сильно озабочен неудачей своего оружия и не надеялся на осуществление плана раздела Турции³.

Суворов, принц де Линь и другие лица порицали образ действий Потемкина, руководившего осадой Очакова. Трудно судить о мере справедливости таких упреков. Потемкин, в свою очередь, был недоволен Суворовым, готовым от чрезмерной смелости жертвовать множеством людей при бесплодных наступательных действиях. Как бы то ни было, при осаде Очакова не было единства стратегической мысли, не доставало настоящего доверия к главнокомандующему. Суворов, раненный несколько раз, оставил лагерь и не участвовал в чрезвычайно кровопро-

¹ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 491.

² Там же, 503.

³ Ranke, XXXI, 326. Екатерина насмехалась над австрийцами; см. «Сб. Ист. общ.», XXVII, 476, 478, 524.

литном штурме крепости, взятой наконец после страшного напряжения сил 6 (17) декабря 1788 г.¹

Екатерина неоднократно выражала желание, чтобы полководцы по возможности щадили жизнь солдат. Быть может, Потемкин, откладывая решительный удар, руководствовался отчасти этим соображением. Однако же при взятии Очакова погибло множество народа.

Достигнув наконец желанной цели, Потемкин оправдал доверие Екатерины, недаром рассчитывавшей на способности и энергию князя. В продолжение нескольких недель она находилась в волнении, ожидая ежеминутно известия о взятии крепости. Она даже хворала в это время и, получив радостное известие, сказала, что оно вылечило ее от болезни, прибавляя к тому, что Очаков навсегда останется достоянием России². Иосиф, искренне обрадованный этим событием, поздравил императрицу. Французский двор казался чрезвычайно недовольным при получении известия о взятии Очакова, зато даже прусский король Фридрих Вильгельм II признавал доблесть русского войска, говоря о взятии Очакова как о «*grande nouvelle*», что очень понравилось Екатерине³. В Вене говорили: «Русский флот из Очакова в два дня может приплыть в Дарданеллы»⁴. В минуту взятия Очакова французский посланник в Константинополе был занят составлением плана о спасении крепости и дальнейших действий против русского войска. Булгаков писал Потемкину: «Взятие Очакова привело здесь не только турок вообще, но и известных наших врагов и завистников в крайнюю робость. Султан, совет, большие бороды — плачут; все желают мира» и проч.⁵

Успех русского оружия оживил надежды южных славян, зорко следивших за подвигами России; в разных песнях они восх-

¹ См. подробности этого события в моей статье в «Журнале Министерства народного просвещения», CLXVIII, отд. II.

² Храповицкий, 5 января 1789 г.

³ Там же, 4 января 1789 г. Arneth, 325. Segur, III, 417.

⁴ «Петербургские Ведомости», СПб., 1789, 100.

⁵ «Русский архив», 1866, 1587.

валяли Потемкина, Румянцева и проч.¹ Славянские народы и греки помышляли о свободе.

В продолжение всего этого времени Екатерина мечтала о нанесении страшного удара Турции с противоположной стороны. Уже в начале войны возник план нападения на Турцию со стороны Средиземного моря, сходный с тем, который в 1770 году доставил России значительные выгоды. Нельзя было не вспомнить при этом случае Чесменской битвы и попытки вооружить подданных Порты против их правительства².

Уже осенью 1787 года были приняты некоторые меры для приготовления экспедиции в Средиземное море. Начальником флота был назначен адмирал Грейг. Императрица сказала, что на этот раз экспедиция окажется лучше подготовленной и будет снабжена большими средствами, чем в 1769 году. И теперь, как во время первой турецкой войны, Россия рассчитывала на религиозные и национальные чувства балканских христиан. Недаром Екатерина в переписке с Иосифом II называла себя главой православной церкви. Желая возбудить в греках и южных славянах сочувствие к России, Екатерина входила во все подробности приготовлений к экспедиции, переписывалась с архиереями о священниках, которые должны были сопровождать экспедицию, об иконах, сосудах, колоколах и приборах для богослужения, которые на нескольких транспортных судах назначено было отправить к берегам турецкой империи³.

Русское правительство предполагало затем распределить между православными подданными Порты значительные запасы оружия, причем рассчитывало особенно на измену греков, служивших в турецком флоте. Благодаря этому Екатерина наде-

¹Изд. Григоровичем в его статье «Значение взаимности славянской в русском споре о старине и преобразованиях», в V томе «Записок Новороссийского университета».

²См. мою статью «Russlands Politik im Mitteldmeer 1788 und 1789» в журнале «Historische Zeitschrift», XXVI, 85—115.

³«Русский архив», 1869, 1580—86.

ялась завладеть турецкими кораблями¹. Назначено было большое число агентов и эmissаров, которые со стороны Италии должны были действовать на православное население Балканского полуострова.

После того как Алексей Орлов не согласился сделаться начальником экспедиции, императрица назначила на эту должность генерал-лейтенанта Заборовского, отличившегося во время первой турецкой войны. Составленная для него инструкция дает нам точное понятие о размерах и характере экспедиции. Из этого документа видно, как велико было число эmissаров, действовавших в Италии и на Балканском полуострове. Во множестве экземпляров хотели вдруг распространить манифесты, в которых православные христиане на Балканском полуострове призывались к восстанию².

Между тем как флот под предводительством Грейга должен был отправиться в Средиземное море кругом Европы, Заборовский сухим путем поехал прямо во Флоренцию, откуда должен был руководить восстанием на Балканском полуострове. Предприятие, задуманное в больших размерах, могло сделаться чрезвычайно опасным для Порты.

Однако осуществление экспедиции оказалось невозможным. Предприятие 1769—70 годов состоялось, благодаря тому обстоятельству, что Англия не препятствовала появлению русского флота в Архипелаге. Протесты Франции тогда не имели значения. Спрашивалось теперь: как станут смотреть западные державы на новую русскую экспедицию, о которой говорили во всей Европе.

Оказалось, что Россия на этот раз не могла рассчитывать на равнодушие или на согласие английского правительства. Англия, напротив, через своего посланника в Константинополе содействовала разрыву между Портой и Россией. Сближение между Францией и Россией, имевшее следствием заключение в 1786 году торгового договора между обеими державами, сильно

¹ Храповицкий, 22 мая 1788 г.

² Инструкция напечатана в «Русском архиве» 1866, 1373—94. Манифест в соч. Скаловского «Жизнь Ушакова». СПб., 1858, 79—80.

не понравилось Англии. Недаром Екатерина, задумывая экспедицию, рассчитывала скорее на Францию, чем на Англию. В ноябре 1787 года она писала Потемкину: «Когда мои двадцать кораблей пройдут Гибралтарский пролив, тогда признаюсь, что-бы полезно быть могло, чтоб авангард его была эскадра французская и арьергард той же нации, а наши корабли составляли корп-дарме... за сию услугу французам бы дать можно участие в Египте, а англичане нам в сем не подмогут» и проч.¹

Вообще с разных сторон появились затруднения. В одной политической брошюре был поднят вопрос, не обязан ли испанский двор в силу договоров препятствовать проходу в Средиземное море флота, назначенного для нападения на Польшу². Когда Россия хотела в Англии нанять транспортные суда для экспедиции, английский кабинет наотрез отказал разрешить английским подданным заключение таких сделок с русским правительством. В английских газетах явилось строгое предупреждение всем англичанам вступать в русскую службу в качестве матросов.

Екатерина была раздражена таким образом действий Англии и в сильных выражениях осуждала коварство английского правительства. Она собственноручно составила черновую резкой дипломатической ноты, в которой хотела образумить Англию; министры не без труда убедили ее в необходимости менее резкой редакции³.

Екатерина должна была искать другие способы для найма транспортных судов. В Пруссии и Голландии встретились затруднения; зато можно было рассчитывать на Данию⁴. В апреле 1788 года в Петербурге был получен запрос Франции: намерена ли Россия отправить экспедицию в Средиземное море; к этому было прибавлено, во-первых, замечание, что такое предприятие свидетельствовало бы о желании России расширить свои пре-

¹ Соловьев. «Падение Польши», 160.

² Volney. «Consideration sur la guerre actuelle», 55, и возражение Пейсонниелля, 110.

³ См. подробности в «Дневнике Храповицкого», 30 марта и 4 апреля 1788 г.

⁴ Segur. Memoires, III, 352.

дела в ущерб Порте, во-вторых — предложено посредничество для восстановления мира между Турцией и Россией. Все это произвело в Петербурге самое неблагоприятное впечатление. Екатерина объяснила действия Франции коварными внушениями прусского двора¹.

Переговоры об экспедиции в Средиземное море прекратились. Явилось новое препятствие, положившее конец проектам России нанести удар Турции со стороны Средиземного моря и Архипелага. Приходилось употребить флот для борьбы против другого противника — то была Швеция.

---

¹Дневник Храповицкого, 17 апреля 1788 г.

ГЛАВА VII

Война со Швецией

Не только упадок Польши оказался удобным средством для усиления могущества России, но и внутреннее расстройство шведского государства содействовало развитию ее силы и значения в Европе. В Швеции, как и в Польше, сословные привилегии породили борьбу между королевской властью и дворянством, в которую вмешивались другие державы. В Швеции, как и в Польше, реформы в области государственного права в пользу монархической власти могли положить конец влиянию России на дела соседнего государства. Благодаря перевесу Пруссии и России, реформы такого рода оказались невозможными в Польше; в Швеции, напротив, королю Густаву III удалось ограничить власть привилегированных сословий, и тем самым спасти государство от той опасности, которая повела к разделам Польши. В этом подвиге заключается значение царствования короля Густава III. Государственный переворот, совершившийся в начале этого царствования, служил оборонительной мерой в борьбе против перевеса могущественного соседа.

Густав III не хотел, однако, довольствоваться обороною и мечтал о расширении пределов Швеции, о возвращении ей потерянных в предыдущие царствования провинций. Вследствие этого столкновение между Швецией и Россией сделалось неизбежным. Театром войны служила Финляндия, неоднократно бывшая яблоком раздора в борьбе между Россией и Швецией.

Завоевание Финляндии началось при Петре Великом и продолжалось при Елизавете Петровне. Надеясь вернуть себе провинции, уступленные России в силу Ниптадтского мира, Швеция потеряла значительную часть Финляндии до реки Кюмене (1743).

Мир, заключенный между Россией и Швецией в 1743 году, был лишь перемирием. Густав III возобновил борьбу в надежде, если не вернуть себе все области, занятые Петром, то по крайней мере отвоевать Финляндию. Король не мог достигнуть желанной цели. Река Кюмене оставалась границей, отделявшей шведскую половину Финляндии от русской. Тем самым не прекратились стремления обеих держав соединить всю Финляндию в одно целое. Вопрос этот был решен в пользу России в царствование внука Екатерины.

После кончины Карла XII Швеция, все еще называясь монархией, в сущности была республикой. Во всех отношениях шведские короли находились в полной зависимости от дворянства. Депутаты шведских сеймов не менее польских оказались продажными, доступными внушениям иностранных держав. Французские и русские деньги играли весьма важную роль при решении дел на сеймах.

Тотчас же после своего воцарения Екатерина позаботилась о том, чтобы в Швеции сохранялось неподвижно прежнее ограничение монархической власти¹. Далее приходилось бороться против влияния Франции на шведских вельмож, именно потому, что Франция стремилась к усилению монархической власти в Швеции². Русский посланник в Стокгольме граф Остерман в 1766 году узнал о заговоре королевской партии, направленном против приверженцев сословных привилегий; в нем играла важную роль королева, сестра Фридриха Великого³. Русское правительство

¹Соловьев, XXV, 204.

²Там же, XXV, 343; XXVI, 97 и след.

³См. жалобы Екатерины в письме к Фридриху в «Сб. Ист. общ.», XX, 219.

тратило значительные суммы денег для того, чтобы противодействовать таким попыткам политической реформы в Швеции. При этом Екатерина указывала иногда на то обстоятельство, что не только Россия, но и Пруссия в свое время гарантировала сохранение в неизменном виде шведской конституции. Все более и более ясно обнаруживалось желание Франции содействовать перевороту в Швеции, где начали говорить о необходимости освобождения от «русского ига»¹.

Во время первой турецкой войны Швеция легко могла сделаться опасной России. Франция силилась устроить тесный союз между Портою и Швецией. Одновременно Густав, бывший в то время наследником, начал действовать в пользу усиления королевской власти, так что русское правительство для того, чтобы успешнее противодействовать этому намерению, должно было опять отправить в Швецию чрезвычайно значительные денежные средства².

Понятно, что вступление на престол Густава III (в феврале 1771 года) сильно беспокоило Екатерину³. Можно было предвидеть решительную перемену в государственном строе Швеции, причем едва ли можно было надеяться на секретный параграф прусско-русского договора 1769 года, в силу которого обе державы гарантировали друг другу сохранение в неизменном виде государственного права Швеции⁴. Остерман из Стокгольма послал в Петербург нарочного курьера с требованием новой присылки денег, объявляя, что у него осталось не более 9 000 рублей. Екатерина написала Панину: «Лучше дать денег, нежели видеть в Швеции самодержавство и с ним войну посредством французских денег и интриг: итак, старайтесь, чтобы Остерман снабжен был нужным и впору». Это нужное состояло в 337 900

¹ Соловьев, XXVII, 203—217, 271, 316—318.

² Там же, XXVIII, 97—102. «Русский архив», 1882, I, 88. «Сб. Ист. общ.», XX, 253, 257, 260.

³ Екатерина и Густав были родственниками: отец Густава, Адольф Фридрих, был братом матери Екатерины.

⁴ См. письма Екатерины к Панину и Вольтеру в «Сб. Ист. общ.», XIII, 77 и 82.

рублях¹. В то же самое время, когда король Густав III говорил о своем намерении посетить Екатерину в Петербурге, им было приготовлено все для совершения переворота в Швеции². Происходили по этому предмету тайные беседы между королем и Верженном.

Еще в то время, когда он был лишь наследным принцем, Густав находился под влиянием французских государственных людей, наставлявших его, каким образом можно было со временем изменить государственный строй Швеции. Без денежных средств, предоставленных ему Францией, король не имел бы возможности приступить к делу освобождения монархической власти от опеки аристократического элемента³.

Накануне государственного переворота в Швеции Екатерина писала к г-же Бьельке: «Сердце говорит мне, что ваш любезный шведский король и его милая маменька не сделают ничего путного»⁴. Узнав о совершившейся перемене, она писала: «Я нахожу, что молодой шведский король не придает большого значения самым торжественным клятвам и уверениям, которые он высказывает. За день до революции он объявил бунтовщиком и виновным христианштадтский гарнизон, а на другой день принял его сторону. Никогда законы ни в какой стране не были так нарушаемы, как в Швеции при этом случае, и я вам ручаюсь, что этот король такой же деспот, как сосед мой, султан: ничто не удерживает его». Немного спустя Екатерина насмеялась над страстью к завоеваниям Густава, высказывая предположение, что король сделает нападение на Норвегию⁵. Русское правительство считало нужным отправить несколько полков к границе Финляндии. Возникла мысль о наступательной войне против Швеции, однако осуществление ее оказалось невозможным, потому что в это же время при необходимости продолже-

¹ Соловьев, XXVIII, 315.

² Там же, 391 и след.

³ Geffroy. «Gustave III et la cour de France» в *Revue des deux mondes*, 1865, LIX, 352.

⁴ Сб. Ист. общ., XIII, 262.

⁵ Там же, 265, 286.

ния турецкой войны нужно было сосредоточивать все силы и средства для достижения выгодного мира с Портою¹.

Во всяком случае, при разрыве со Швецией, Россия могла рассчитывать на содействие тех элементов шведского общества, которые были недовольны переменой, совершившейся в Швеции. В первые годы царствования Густава постоянно возобновлялись слухи о неминуемо предстоявшем разрыве между Швецией и Россией. В то же самое время, однако, король не переставал говорить о своем намерении отправиться в Петербург для личного свидания с императрицей. В разговоре с русским посланником Стахиевым, сменившим Остермана, король заметил, что надеется своим посещением устранить то неблагоприятное мнение, которое, благодаря внушениям недоброжелателей, о нем составила себе императрица. Впрочем, вскоре узнали, что Франция всячески старалась препятствовать поездке Густава III в Россию².

Екатерина писала к г-же Бьельке: «Если он (Густав III) придет ко мне в гости, то по неравенству наших лет я предвижу, что он будет страшно скучать со мной. Кроме того, он француз с ног до головы» и проч.³ К тому же Екатерина была недовольна приемом, оказанным Стахиеву в Стокгольме, и вообще весьма резко отзывалась об образе действий короля⁴. Как бы то ни было, Екатерина не желала свидания с Густавом. Панин писал Симолину, заменившему Стахиева: «Если от вас будут выведывать относительно того, как наш двор смотрит на это путешествие, то говорите, что вами получены частные, но верные известия о намерении императрицы провести почти все будущее лето в разных путешествиях, которые удалят ее от Петербурга. Вы видите, что дело идет об избежании, возможно приличным образом, всех внушений со стороны короля относительно этого путешествия»⁵.

¹ Соловьев, XXVIII, 395—403.

² Там же, XXIX, 81, 115—116.

³ «Сб. Ист. общ.», XIII, 380.

⁴ Соловьев, XXIX, 237—238.

⁵ Там же, 254.

Когда в феврале 1777 года управлявший посольскими делами в Стокгольме (в отсутствие Симолина) Рикман дал знать, что весной король поедет в Финляндию и оттуда в Петербург, Екатерина написала Остерману: «Напишите Рикману, что я проведу весну и лето в Смоленске».

Несмотря на все это, в 1777 году все-таки состоялось свидание между Екатериной и Густавом. В характере обоих было много общего. Оба они были обязаны значительной долей своего образования и взглядов французской литературе просвещения; оба отличались честолюбием, дорожили славой, любили окружать себя блеском и роскошью престола. Нельзя не признать, что Екатерина превосходила Густава гениальностью, силой воли, проницательностью ума, политическими способностями.

Нельзя сказать, чтобы свидание между Густавом и Екатериной сблизило значительно короля с императрицей. Екатерина обладала своего родственника, подарила ему большую сумму денег и начала с ним переписку. Однако король не произвел особенно благоприятного впечатления на императрицу. Тем не менее, он написал к графу Крейцу: «Мое путешествие удалось сверх ожидания, и я уже пожинаю плоды его» и проч. В другом письме сказано, что целью поездки Густава в Петербург было желание успокоить императрицу относительно результатов государственного переворота 1772 года, что вследствие свидания исчезли последние остатки огорчения Екатерины по этому поводу и что недоверие уступило место искренней дружбе. Вскоре, однако, шведский посланник в Париже граф Крейц писал королю (5 сентября 1777 г.): «Верженн сказал мне, что императрица после вашего отъезда употребила выражения, из которых видно, что ее дружба неискренна; она, между прочим, заметила, что не верит в истину дружбы вашего величества»¹.

В Петербурге действительно не особенно благоприятно отзывались о короле. Великий князь Павел Петрович писал Сакену: «Нас посетил великий и славный дон Густав Шведский, герой

¹См. мое соч. «Война России со Швецией 1788—90 гг.». СПб., 1869, 25.

севера. По этим эпитетам вы можете судить о впечатлении, произведенном им на нас. Это самый блестящий ветреник нашего века. У него были какие-то виды на нас, которых осуществление ему не совсем удалось» и проч.¹

Между тем как Густав был убежден в том, что Екатерина вполне примирилась с мыслью о необходимости монархического начала в Швеции, Симолин в Стокгольме находился в сношениях с противниками короля, надеявшимися лишить его результатов государственного переворота 1772 года. Так, например, Симолин спросил однажды (в 1777 году) одного из сенаторов, барона Функа, как можно поправить сделанное на сейме 1772 года и возратить народу его прежнюю вольность, отнятую самым оскорбительным насилием. Другой раз Симолин уверял майора Пайкуля, что петербургский двор не переменял своей системы относительно Швеции и что шведы всегда могут рассчитывать на готовность России содействовать восстановлению шведской свободы². Когда в 1779 году Густав III предлагал заключить договор между Россией и Швецией, Екатерина уклонилась от этого, выставляя на вид, что заключение договора непременно возбудит сильное неудовольствие как в Англии, так и во Франции³.

Таким образом, оказывалось невозможным устранить антагонизм между Россией и Швецией. Еще в 1775 году Густав III заметил, что разрыв между обеими державами отсрочен лишь польскими делами и турецкой войной. «Все клонится к войне в настоящем или будущем году, — сказано в записке короля. — Должно, не теряя ни одной минуты, готовиться к обороне. Чтоб окончить по возможности скорее такую войну, я намерен всеми силами напасть на Петербург и принудить таким образом императрицу к заключению мира». Эта программа действий была в точности исполнена Густавом на тринадцать лет позже, в 1788 году.

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 414, 420.

² Соловьев, XXIX, 257, 297.

³ Там же, 326.

Все это не мешало королю писать Екатерине между прочим: «Я люблю мир и не начну войны... Швеция нуждается в спокойствии... Король этого государства не может начать войны без согласия чинов, и то обстоятельство, что он сам в этом отношении связал руки себе и своим наследникам, должно считаться ручательством основательности такого убеждения с его стороны». Впоследствии оказалось, что, во-первых, король нарушил это постановление государственного права, решаясь на наступательную войну с Россией, и что, во-вторых, он при первом случае позаботился об уничтожении этого параграфа шведской конституции.

Впрочем, Екатерина и Густав в продолжение нескольких лет обменивались весьма дружескими, исполненными любезностей письмами. Екатерина подробно рассказывала королю о рождении и воспитании великого князя Александра Павловича; Густав отправил своего шталмейстера Мунка в Петербург к Екатерине и великому князю Павлу Петровичу с подарками, состоявшими из экипажей и лошадей. Когда в 1782 году у короля родился второй сын, он просил императрицу быть восприемницей новорожденного. Екатерина занималась изучением истории, получала от Густава книги по истории Швеции, хвалила его ученость, когда он для нее составил обзор содержания отправленных к ней книг, и уверяла его, что она смотрит на него, как на самого достойного члена Академии Наук, и проч.¹

В 1783 году, состоялось второе свидание между Екатериной и Густавом в Фридрихсгаме. Между тем, как пребывание короля в Петербурге в 1777 году продолжалось целый месяц, свидание в Финляндии ограничилось несколькими днями. И на этот раз король не произвел благоприятного впечатления на Екатерину. В нескольких письмах ее к императору Иосифу и к Потемкину встречается целый ряд резких отзывов о короле, о его тщеславии и мелочности, о недостатке в нем искренности и проч.² Впрочем, и Густав III, как видно из его беседы с Леопольдом Тосканским, с которым он встретился вскоре после

¹ Geijer. «Gustaf III efterlemnade Pappers», 1843.

² Arneth. «Joseph II und Katharina», 209; «Сб. Ист. общ.», XXVII, 266.

своего путешествия в Финляндию, не был доволен свиданием с Екатериной¹.

Осенью 1783 года, Екатерина писала Густаву, находившемуся тогда в Венеции: «Говорят, что вы намерены напасть на Финляндию и идти прямо к Петербургу, по всей вероятности, чтобы здесь поужинать. Я, впрочем, не обращаю внимания на такую болтовню, в которой выражается лишь игра фантазии»².

В 1784 году Екатерина писала Потемкину о намерении Густава III напасть на Норвегию и о необходимости подвинуть на всякий случай русские войска к границам Финляндии³. Около этого времени между шведским королем и французским двором происходили переговоры по вопросу о том, насколько Густав в случае разрыва с Россией мог рассчитывать на помощь Франции. По возвращении в Швецию Густав в переписке с французским Министерством указывал хвастливо на значительные средства, которыми располагала Швеция для войны с Россией, так что Людовик XVI, желавший сохранения мира, должен был сдерживать пыл короля⁴.

Весной 1784 года Густав находился в Финляндии. В 1786 году один русский генерал под предлогом обыкновенного путешествия объехал всю Финляндию, осмотрел крепости и дефили, обращал внимание на места, удобные для военных действий против Швеции, и старался разузнать о настроении умов населения Финляндии⁵. Во все это время русский посланник в Стокгольме оставался противником короля и поддерживал тесные связи с партией недовольных. В этом отношении действовали одинаково Остерман, Симолин, Морков и Разумовский. В доме русского посланника происходили сходки оппозиционных депутатов сейма. Граф Аксель Ферзен и семейство Браге на сейме 1786 года находились во главе партии, враждебной королю. Не-

¹См. письмо Мочениго в «Русском архиве», 1879, I, 85.

²Nettmann. «Raumers Histor. Taschenbuch», 1857, 386.

³«Сб. Ист. общ.», XXVII, 334—336.

⁴См. мою статью «Schweden und Russland» в *Histor. Zeitschrift*, XXII, 326.

⁵Posselt. «Gustaf III», 339.

даром король требовал удаления Моркова; вскоре ему пришлось настаивать и на удалении Разумовского. Говорили, что последний через барона Спренгтпортена, вступившего впоследствии в русскую службу, узнавал о подробностях событий на сейме, которые могли считаться настоящей причиной войны 1788 года; рассказывали далее, что Спренгтпортен сообщил князю Потемкину тайные проекты обороны Швеции и Финляндии, которые были составлены им и одобрены королем. Вступление Спренгтпортена в русскую службу было чувствительной потерей для Швеции и значительной выгодой для России. Он в борьбе между Густавом и Екатериной играл ту роль, которую при Карле XII и Петре Великом играл Паткуль.

Густав III должен был думать о средствах остановить действия России, клонившиеся к ущербу самостоятельности и целости Швеции. Успешные военные действия могли положить конец агитации дворян — противников короля. Средством спасения монархического начала была военная диктатура. В этом смысле начавшаяся в 1788 году война была как бы продолжением государственного переворота 1772 года.

Еще в 1739 году между Швецией и Турцией был заключен оборонительный союз, на случай разрыва одной из этих держав с Россией. То обстоятельство, что во время первой турецкой войны (1768—1774) Швеция и не думала защищать Турцию, ясно доказывало, что тогда договор 1739 года в самой Швеции считался уже недействительным. Но Густав, желая начать войну с Россией, воспользовался старым договором, указывал на него как на повод к войне, и в продолжение всего этого времени искал дружбы султана. Шведский посланник в Константинополе уже с 1787 года пользовался особенным уважением. Густав утверждал, что он с самого начала войны получал субсидии, которые, впрочем, по другим известиям, стали уплачиваться не ранее как с 1789 года¹.

¹ См. мое сочинение «Война России со Швецией 1788—90». СПб., 1869, 6 и 7.

Во всяком случае, Густав с самого начала войны тесно сблизился с Турцией, и именно это обстоятельство придавало его предприятию против России особенное значение в глазах лондонского и берлинского кабинетов. Они были готовы поддерживать неприятелей России и войсками, и флотом, и деньгами. Франция, напротив, желала сохранения мира на севере. В инструкции, данной французскому посланнику маркизу де Понсу, было сказано, что, если шведский король будет действовать против России под непосредственным влиянием Англии и Пруссии, то он, король, тем самым лишает себя права считаться другом Франции, и что французский двор крайне сожалел бы о таком заблуждении¹.

Благодаря французским субсидиям Густав III до войны имел возможность привести в надлежащее состояние войско и флот. Теперь же он рассчитывал на помощь Англии и Пруссии. Усиливавшееся постепенно могущество России считалось на западе как бы нарушением европейского политического равновесия. Теперь, как казалось вероятным, настала пора успешных действий с целью ограничения власти и влияния России. Помогая Турции в борьбе против России, препятствуя дальнейшим разделам Польши, действуя косвенным образом против императора Иосифа II, Густав III мог рассчитывать на благодарность некоторых западноевропейских держав.

В то же время нападение на Россию могло считаться чрезвычайно опасным предприятием уже потому, что оно не согласовалось с конституцией, запрещавшей королю вести наступательную войну без особенного соглашения с государственными чинами. Если не было возможности заставить Россию объявить войну и начать военные действия, король легко мог сделаться жертвою оппозиционной партии. Разве только быстрые и важные успехи в военных действиях могли в случае разлада между королем и подданными его спасти Густава III.

Шведский посланник в Петербурге Нолькен доносил о плачевном состоянии России в это время. Вследствие этого Густав III, придавая слишком большое значение вооружению

¹Geffroy, 667.

Швеции, не имел точного понятия о средствах, которыми располагала Россия. Когда флот 29 мая (9 июня) 1788 года из порта Карлскроны вышел в море, экипаж не знал вовсе о цели плавания. Все приготовления к походу происходили в глубочайшей тайне.

Узнав еще в марте 1788 года о вооружении Швеции, Екатерина в записке, внесенной в Государственный Совет, заметила, что «императрица Анна Иоанновна в подобном случае велела сказать, что в самом Стокгольме камня на камне не оставит»¹. Немного спустя узнали о распространении Густавом слуха, будто русские намереваются сделать нападение на Карлскрону, а также о получении Швецией турецких субсидий. Несмотря на это, Екатерина все еще надеялась на сохранение мира. 26 мая она сказала: «Я шведа не атакую, он же выйдет смешон». Еще в начале июня императрица писала князю Потемкину о предстоящем путешествии великого князя на юг для участия в турецкой войне.

Впрочем, Екатерина сильно беспокоилась. «Невеселы», — замечает в это время неоднократно в своем дневнике Храповицкий о расположении духа императрицы. Гарновский уверяет, что она даже плакала². Екатерина рассматривала карты, изучала положение пограничных мест в Финляндии, велела приказать адмиралу Чичагову, чтобы он спешил выйти в море с флотом, и старалась узнавать о шведских курьерах, приезжавших от короля к Нолькену. И в разговорах с Храповицким, и в письмах к Потемкину Екатерина называла Густава сумасшедшим и выражала надежду на миролюбие шведского народа, который не допустит короля до разрыва с Россией. Потемкину она писала: «Терпеть ли демонстрацию? Если бы ты был здесь, я бы решилась в пять минут, что делать, пересказывая с тобой»³.

Штакельберг, русский посол в Польше, узнал из прусских и

¹Храповицкий, 22 марта 1788.

²«Русская Старина», XVI, 20.

³«Сб. Ист. общ.», XXVII, 481—483, 487.

шведских писем, перлюстрированных им по приказанию императрицы, что Густав надеялся присоединить к Швеции Финляндию, Эстляндию и Курляндию. Наступая прямо на Петербург, король намеревался диктовать мир Екатерине. Храповицкий вследствие замечания Спренгтпортена, что Густав может атаковать Кронштадт, не спал всю ночь, думая постоянно о такой опасности.

Россия была плохо подготовлена к войне со Швецией. На севере империи почти вовсе не было войска. Возникла мысль о выделении части русских войск, действовавших против Турции, для военных операций в Финляндии и нападения на Стокгольм¹. Главную надежду русское правительство возлагало на внутренний раздор в Швеции; императрица считала возможным парализовать предприимчивость шведского короля постановлениями шведской конституции и оппозицией шведского дворянства.

Граф Разумовский, согласно с этими соображениями, 7 (18) июня, передал шведскому министру иностранных дел записку, в которой от имени императрицы требовал объяснений по поводу вооружения Швеции. Здесь было сказано, между прочим: «Императрица объявляет министерству его величества, короля шведского, а также и всем тем, кои в сей нации некоторое участие в правлении имеют, что ее императорское величество может только повторить им уверение своего миролюбия и участия, приемлемого ею в сохранении их спокойствия», и проч.²

Король принял эти выражения графа Разумовского за оскорбление. К тому же русский дипломат позаботился о появлении этой записки в разных шведских газетах, желая тем самым подействовать на общественное мнение. Понятно, что после этого Густав требовал удаления графа Разумовского.

Граф Сегюр в беседе с императрицей, которая ему сообщила

¹ «Об. Ист. общ.», XXVI, 293; XXIX, 17, 23, 26, 513, 517.

² См. весь документ в русском переводе у Колотова, III, 264—269; на немецком языке у Гопфга, «Geschichte des letzten schwedisch-russischen Krieges». Frkf. a. M., 1792, 39—42.

о случившемся, сказал: «В этом событии самое замечательное то, что посол самодержавной государыни оказывает такое внимание к самостоятельной нации и что король этой самостоятельной нации этим оскорбляется»¹.

В дипломатических нотах, в письмах к разным лицам, в манифестах Екатерина и Густав осыпали друг друга упреками. Раздражение постепенно усиливалось. Густав желал войны; Екатерина не надеялась более на сохранение мира. Разрыв становился неизбежным.

Ответ короля на записку графа Разумовского заключал в себе ультиматум, о неприличии которого граф Сегюр заметил, что даже султан не посмел бы обратиться к слабому господарю молдавскому в таком тоне, в каком Густав говорил с императрицей: «Даже сам Фридрих Великий, даже этот знаменитый полководец, во главе победоносного войска и имея полную казну, не осмелился бы сделать таких мирных предложений, которые скорее можно было счесть за объявление войны»².

Густав требовал наказания Разумовского, уступки Финляндии и Карелии, возвращения Крыма Турции и скорейшего восстановления мира между Россией и Портой.

Недаром прусский посланник в Петербурге барон Келлер, которому вице-канцлер дал прочесть ноту шведского короля, находил везде «неистовства, нелепости и клеветы», замечая, что записка «сочинена, конечно, в замешательстве ума»³.

Густав III увлекался чрезмерным честолюбием. Мысль о предстоящем торжестве Швеции над Россией вскружила ему голову. Он не сомневался в успехе, говорил о своем намерении опрокинуть статую Петра Великого на Исаакиевской площади в Петербурге, обещал дамам шведского двора пригласить их на великолепный праздник, который устроит для них в Петергофе, и к участию в торжественном богослужении в Петропавловской

¹ Segur, III, 366.

² Posselt. «Geschichte Gustafs III», Karlsruhe, 1792, 361.

³ Сб. Ист. общ., XXIX, 30.

церкви. Отправляясь в поход, король писал своему другу Армфельдту: «Мысль о том, что я могу отомстить за Турцию, что мое имя станет известно Азии и Африке, все это так подействовало на мое воображение, что я не чувствовал особенного волнения и оставался спокойным в ту минуту, когда отправлялся навстречу всякого рода опасностям... Вот я перешагнул чрез Рубикон»¹.

Недаром Екатерина в сильных выражениях говорила о «неlepости» шведской записки, о «сумасшедшей ноте» и т.п. «Мне кажется, — сказал Сегюр императрице, — что шведский король, очарованный обманчивым сном, вообразил себе, что уже одержал три значительные победы». — «Если б он и одержал три значительные победы, граф, — ответила Екатерина с жаром, — и даже если б он завладел Петербургом и Москвой, я бы ему показала, что может сделать во главе храброго и покорного народа женщина с сильным характером, стоя на развалинах великого государства»².

Вскоре была обнародована шведская «декларация», подписанная королем в Гельсингфорсе 21 июля. В ней заключался весьма резкий разбор образа действий России по разным вопросам внешней политики; говорилось об участии, постигшей Курляндию, Польшу и Крым. Густав надеялся расположить в свою пользу недоброжелателей Екатерины в Западной Европе, указывая на страшную опасность, грозившую всем и каждому от чрезмерного усиления могущества России.

Екатерина не могла не возражать на эту «декларацию». В «Observations et éclaircissements», написанных собственноручно императрицей и напечатанных в переводах на разные языки, она подвергла строгой критике все обвинения Густава, нисколько не щадя короля и осыпая его сильными упреками. Далее она сочиняла французские стихи, в которых был осмеян шведский король. Мало того: на театре в Эрмитаже появилась сочиненная императрицей опера «Горе-Богатырь», в которой главным действующим лицом был Густав в карикатурном виде и которую не-

¹ Segur, III, 382—387.

² Там же, 371—372.

однократно давали в присутствии двора и иностранных дипломатов¹.

Между тем начались военные действия. Встреча между шведским флотом и русской эскадрой при Дагерорте 11 (22) июня, не имела последствий, потому что параграф шведской конституции, в силу которого король не мог вести наступательной войны, препятствовал нападению шведов на слабейшую русскую эскадру; таким образом, король, стесненный государственным правом, должен был отказаться от значительной выгоды, которую представило бы ему нанесение России сильного удара в самом начале войны.

Густава III упрекали в сделанной будто бы им ошибке, заключающейся в том, что он двинул свой флот преждевременно, не выждав отправления русской эскадры в Архипелаг. Однако можно сомневаться в том, решилась ли бы Россия отправить свой флот в Средиземное море при таком усложнении политических обстоятельств на севере. К тому же нападение Швеции на Россию должно было быть, как мы знаем, существенной услугой, оказанной Густавом Турции, и поэтому удержание русского флота на севере могло считаться важной услугой со стороны союзника Порты.

В возражении Екатерины на шведскую «декларацию» упомянуто о выдумке короля, будто на финляндской границе русскими войсками было сделано нападение на шведов. Утверждали, что горсть шведских солдат, наряженных в русские мундиры, сожгла небольшое селение в шведской Финляндии с целью доставить королю возможность указать на открытие неприязненных действий Россией. И действительно, мы имеем основание думать, что Густав III прибегнул к столь мелочной интриге для того, чтобы при своем нападении на Россию избавиться от упрека в нарушении постановления шведской конституции².

¹ См. мою статью «Eine komische Oper aus dem Jahre 1788» в журнале «Baltische Monatsschrift», 1867. Опера напечатана в Сочинениях Екатерины. Напрасно считали возможным, что в ней был осмеян Павел или Потемкин; см. соч. Грота «О Густаве III и Екатерине», СПб., 1877, 71 и след., и мою статью в «Russ. Revue», XII, 22 и след.

² Вопрос об этом эпизоде в Пумалазунде исследован мною в «Historische Zeitschrift», XXII, 393—402.

В истории политических действий Густава III красной нитью проходит столкновение между интересами короля и Швеции с постановлениями государственного и международного права. Не иначе как путем государственных переворотов и войн можно было положить конец подобным затруднениям и препятствиям; насильственный образ действий в соединении с хитростью, кознями и обман с одной стороны, геройские подвиги — с другой, должны были повести к желанной цели. На этот раз королю не удалось обмануть современников. И в Швеции, и в прочих странах Европы Густава III считали зачинщиком войны; ему, а не Екатерине приписывали открытие военных действий. Это обстоятельство повело к развитию сильной оппозиции против короля. Благодаря протестам дворянского элемента в шведском войске король очутился на краю гибели. Не без крайнего напряжения сил, не без употребления дальнейших мер насилия и хитрости королю удалось избавиться от страшной опасности, устроить второй государственный переворот и окончить войну с Россией без ущерба для себя и для Швеции.

Военные действия начались, собственно, не загадочным эпизодом в Пумалазунде, а осадой Нишлотской крепости¹. Екатерина сильно беспокоилась; театр войны находился в небольшом расстоянии от Петербурга. В разговоре с Храповицким, озабоченная войной, императрица сказала: «Правду сказать, Петр I близко сделал столицу», к чему Храповицкий прибавил: «Он ее основал прежде взятия Выборга, следовательно, надеялся на себя». Волнение Екатерины усиливалось. В Петербурге ожидали нападения шведов на самую столицу.

Впрочем, шведы не могли занять Нишлота. К тому же оказалось возможным подействовать на начальника войск, осаждавших крепость, Гастфера, посредством подкупа. Он же участвовал в образовании конфедерации в Аньяла, положившей на некоторое время конец военным операциям. Таким образом, надежда короля с этой стороны приблизиться к Петербургу для нанесения решительного удара России не осуществилась.

¹ Подробности см. в моем сочинении «Война России со Швецией 1788—90 гг.», СПб., 1869, 73 и след.

Наступательные действия шведов на море также не повели к желанной цели.

Битва при Гохланде 6 (17) июля была скорее победой русского, чем шведского флота, который после сражения должен был удалиться в Свеаборгскую гавань и там был блокирован некоторое время русским флотом, которым командовал адмирал Грейг. Теперь-то оказалось, какая существенная выгода для России заключалась в неотправлении русского флота в Средиземное море¹. Грейга считали «спасителем столицы и Лифляндии»². Екатерина насмехалась над Густавом, считавшим гохландскую битву победой шведов и приказавшим отпраздновать мнимую победу торжественным богослужением в Стокгольме.

Накануне получения известия о гохландской битве императрица жаловалась на сжатие в груди; на следующий день после прочтения донесения Грейга, проснувшись, она сказала, что чувствует себя совершенно здоровой³. Густав намеревался по одержании победы на море атаковать Кронштадт, сделать высадку в Ораниенбауме и идти к Петербургу. Все эти планы оказались фантазией.

Главной целью военных операций шведов было взятие крепости Фридрихсгамской. Во время приготовлений к осаде этого города между офицерами в лагере Густава III началось волнение, которое повело к образованию конфедерации в Аньяла. Офицеры не хотели сражаться, указывая на незаконность наступательной войны, начатой без согласия на то сейма. Около ста офицеров подали в отставку и готовились к отъезду на родину. Старались убедить короля к немедленному заключению мира; он не соглашался на это, называя столь быстрое окончание войны «самоубийством». В деревнях Ликала и Аньяла происходили сходки недовольных. Конфедерация шведских и

¹ Головачев. «Операции русского флота в шведско-русскую войну 1788—90». СПб., 1871. Донесение Грейга в «Сб. Ист. общ.», XXVII, 506.

² Blum. «Ein russischer Staatsmann», II, 506. «Архив кн. Воронцова», XII, 62.

³ Храповицкий, 9 и 11 июля 1788 г..

финляндских дворян-офицеров при этом случае ничем не отличалась от польских конфедераций, повлекших за собой раздел Польши¹. Возникла мысль обратиться за покровительством к императрице Екатерине. Недовольные подписали адрес, в котором объявили, что финляндцы желают сохранения мира с Россией, но в то же время они просили императрицу возвратить часть Финляндии, сделавшуюся достоянием России в 1743 году. В записке к королю офицеры требовали немедленного заключения мира и созвания сейма, который определил бы в точности условия государственного управления в Швеции. В то же время конфедераты в объявлении ко всем соотечественникам протестовали против ведения войны, несогласной с законами государства.

Все эти события имели значение реакции против результатов государственного переворота 1772 года. Конфедерация положила конец военным операциям 1788 года. Король был в отчаянии. «Наша слава исчезла навсегда, — говорил он, — я ожидаю смерти от руки убийцы». В лагере инсургентов мечтали о полной независимости Финляндии. Главной целью конфедератов, однако, было восстановление прав дворянства. Положение короля становилось крайне опасным; он начал думать о спасении короны, но вскоре оставил эту мысль, надеясь на спасение путем хитрости и насилия, и писал к графу Стединку: «Никогда я не преклонюсь под иго императрицы. Я предпочитаю быть уничтоженным своими подданными, чем побежденным иностранными врагами. Большие государства не так легко уничтожаются. Я говорю, как говорил Франц I: «*Tout est perdu, hors l'honneur*»².

Неоднократно было высказано предположение, что конфедерация в Аньяла была вызвана происками русского правительства. Однако, кажется, Екатерина, до приезда майора Егергорна в Петербург с адресом конфедератов, не знала вовсе о событиях, совершившихся в шведском лагере. Теперь же она видела

¹ См. мою монографию о конфедерации в Аньяла в «Журнале Министерства народного просвещения», СХХХVII, 680—771.

² Stedingk. Memoires, I, 121.

в обороте, принятом событиями, «пособие Божие»¹ и решилась воспользоваться этим движением для борьбы против Густава. Она лично вела переговоры с Егергорном и советовалась со Спренгтпортенем. Достоверно известно, что Егергорн при этом случае хлопотал о совершенной независимости Финляндии, между тем как эта цель едва ли соответствовала соображениям конфедератов вообще. Екатерина обрадовалась такому плану, осуществление которого занимало особенно Спренгтпортена. Незадолго до этого подобная агитация в пользу мнимой независимости крымских татар повела к присоединению к России Таврического полуострова. Такая же цель легко могла быть достигнута на севере. Екатерина была чрезвычайно довольна этими событиями. Сообщая некоторым приближенным лицам о случившемся, она смеялась над шведским королем, замечая, что конфедерация должна считаться справедливым наказанием королю за нанесенные ей обиды. При всем том, однако, действия императрицы в отношении конфедератов отличались крайней осторожностью. На ее ответе лицам, подписавшим адрес, отправленном в Финляндию через Егергорна, не было подписи императрицы; однако начались оживленные сношения между русскими и шведскими войсками.

По колкому замечанию одного современника, шведы в этом походе нуждались не столько в солдатах, сколько в трубачах для оказания услуг при непрестанном обмене визитами шведских и русских парламентариев².

Екатерина следила за всеми частностями этих событий и руководила переговорами. Порой она резко осуждала изменнический образ действий офицеров в шведском лагере. «Какие изменники! — сказала она однажды, — Буде не таков был король, то заслуживал бы сожаления; но что делать? Надобно пользоваться обстоятельствами: с неприятеля хоть шапку долой». К великому князю Павлу Петровичу, находившемуся в то

¹ Храповицкий, 29 июля.

² Об отношениях великого князя Павла Петровича к Карлу Сюдерманландскому см. довольно важные данные в «Русской Старине», XV, 151 и след.

время в Финляндии, Екатерина писала, что отступление шведов должно считаться выгодой, равносильной победе, одержанной на поле битвы¹. О короле она писала к Сиверсу: «Мне кажется, что он помешан»². Императрица не сомневалась в дальнейшем и окончательном торжестве над Густавом III.

Вскоре, однако, обстоятельства изменились к худшему.

Королю Густаву удалось принять решительные меры против конфедератов. Приверженцы короля действовали столь успешно в пользу монархического начала, что Екатерина сочла необходимым прервать сношения с противниками Густава III, который сумел воспользоваться настроением умов в Швеции в пользу королевской власти. Народ предпочитал монархию преобладанию аристократического начала. В конце 1788 года императрица велела советовать финляндцам подумать о мерах спасения и не рассчитывать более на помощь России. «Зачем вести финнов на плаху? — говорила она 30 декабря 1788 года. — Пусть подадут повинную. Зачем их обманывать? Я не могу им помочь»³. Некоторые из главных зачинщиков бунта спаслись бегством в Россию; другие были арестованы и отданы под суд. Торжеству короля над конфедератами содействовали удачные действия в войне с Данией.

Обстоятельства заставляли Данию держаться союза с Россией. Подобно договорам, заключенным между Пруссией и Россией с целью приступить к разделу Польши, между Данией и Россией существовало соглашение, клонившееся к разделу Швеции. В договоре 1766 года обе державы гарантировали друг другу сохранение в целости прав дворянства в Швеции. К тому же был заключен оборонительный союз между Данией и Россией на случай нападения, которое Швеция могла сделать на ту или другую из этих держав. По случаю переворота 1772 года в

¹ «Сб. Ист. общ.», XV, 146. О переговорах Мусина-Пушкина с Мейерфельдом см. Bernhardt. «Vermischte Schreften», I, 124—126.

² Blum, II, 502.

³ Храповицкий, 30 декабря 1788 г.

Швеции можно было ожидать вмешательства Дании и России в шведские дела. И в Копенгагене, и в Петербурге хорошо понимали, что усилением монархической власти в Швеции обуславливалось развитие могущества этой державы в области внешней политики. Густав III вполне сознавал меру опасности, заключающуюся в необходимости одновременно воевать с Россией и с Данией. Недаром он еще в семидесятых годах заметил однажды, что не может обойтись без сохранения на военной ноге трех армий: одной в Финляндии, другой в Шонии, третьей на границе Норвегии.

Некоторые государственные люди в Швеции советовали королю вступить в тесный союз с Данией, чтобы тем самым приобрести возможность более успешно бороться с Россией. Король предпочитал искать союзников в Берлине и Лондоне для борьбы против Дании и России.

Екатерина в 1773 году заключила с Данией договор, в силу которого эта последняя держава была обязана в случае нападения Швеции на Россию предоставить в распоряжение России некоторое количество кораблей и известное количество войск, т.е., атакуя Швецию с тыла или с фланга, сделать диверсию в пользу России.

Когда же начались военные действия между Россией и Швецией, Дания медлила исполнением своего обязательства. Быть может, Густав III, показывая вид, что военные действия были открыты не им, а русскими войсками, рассчитывал на то, что Дания не сочтет себя обязанной в данном случае подать помощь России. Однако вскоре исчезли все сомнения относительно решения вопроса о том, кто был зачинщиком войны, и Дания, принужденная признать этот случай за «*casus foederis*», не могла не приступить к исполнению договора 1773 года. Впрочем, прошло несколько недель до открытия военных действий датчан. Тогда как шведские и русские войска уже в конце июня, в Финляндии, обменялись первыми выстрелами, датские войска не раньше как в сентябре вступили в пределы шведской территории.

Екатерина была недовольна Данией. И без того она имела основание жаловаться на неудачу союзных австрийских войск в

турецкой войне. Теперь же она, говоря об австрийцах и датчанах, заметила: «Лучше бы без них иметь дело». Несмотря на то, однако, в Петербурге рассчитывали на успех датских войск, приступивших к осаде Готенбурга.

По тогдашним понятиям международного права, Дания, действуя таким образом в пользу России, не считала свое участие в войне нарушением своего нейтралитета в отношении к Швеции. Это воззрение было даже разделяемо Англией и Пруссией; только дипломаты этих держав объявили, что их правительства не останутся равнодушными в случае вооружения Данией большего количества войск, чем было необходимо для исполнения договора, заключенного этой державой с Россией. Начальник датских войск принц Карл Гессенский, готовясь напасть на шведскую территорию, объявил, что датский король не думает вовсе о войне со Швецией, но что в силу договора, заключенного с Россией, он не может не выставить в поход известного количества вспомогательных войск.

Оказалось невозможным отстаивать теорию о столь странном нейтралитете. С одной стороны, Екатерина жаловалась на то, что Дания, вместо того чтобы действовать в качестве воюющей державы, довольствовалась лишь объявлениями о вспомогательном войске; с другой — образ действий датчан, вторгнувшихся в пределы Швеции, атаковавших шведские войска, занявших несколько шведских городов (Уддевалла, Венерсборг), собиравших всюду со шведских жителей контрибуции, не согласовался с их объявлением о нейтралитете. Вскоре и Швеция, и Россия, и Англия указывали на несообразность такого утонченного различия между ролью воюющей державы и «диверсией вспомогательными войсками».

Немного спустя события положили конец неопределенному состоянию держав в их взаимных отношениях.

Между тем как принц Гессенский готовился приступить к осаде Готенбурга, королю Густаву удалось организовать народное ополчение в Швеции и привести в надлежащее оборонительное состояние Готенбургскую крепость. Геройский образ действий короля в Готенбурге лишил Екатерину выгод, доставленных ей образованием конфедерации офицеров в Финляндии.

К тому же Густав успел склонить Англию и Пруссию на сторону Швеции. Английский посланник Эллиот отправился в Швецию, чтобы предложить королю добрые услуги Англии, и объявил в то же время, что принц Гессенский, зашедший слишком далеко в Швецию, переступил пределы данных ему датским правительством инструкций и что Англия и Пруссия не могут более не считать войска, которыми командует принц Гессенский, так сказать, датскими, а не русскими. Эллиот поэтому требовал немедленного прекращения военных операций датчан, выставляя на вид, что в противном случае Пруссия и Англия сделают нападение на Данию. Таким образом, принц Гессенский должен был заключить перемирие, и Дания с тех пор оставалась нейтральной, так что Россия с этой стороны не могла рассчитывать на поддержку против Густава. Обрадованный король писал Стендинку: «Мы избавились от датчан: их нападение послужило лишь к возбуждению национального чувства и к собиранию войска, совершенно покорно подчиняющегося моей воле».

Екатерина была крайне раздражена образом действий Дании. Считая заключение перемирия как бы нарушением датско-русского договора, она сказала, что Россия никогда не поступила бы столь же недобросовестно со своими союзниками без их согласия. В то же время она дала знать прусскому двору, что нападение на Данию сочтется ею равносильным объявлению войны России. В Данию был отправлен чрезвычайный дипломатический агент Нумзен с целью побудить эту державу к возобновлению военных действий против Швеции. Успеха не было: Дания оставалась нейтральной.

Благодаря такому обороту дел, положение короля Густава в Швеции совершенно изменилось. Недаром современники ожидали от занятия Готенбурга датчанами неминуемой катастрофы монархического начала в Швеции. Король в этом случае непременно лишился бы плодов государственного переворота 1772 года. Теперь же все изменилось в пользу короля. Нападение

---

¹См. мою монографию «Danemarks Neutralitat im schwedisch-russischen Kriege im Jahre 1788» в журнале «Baltische Monatsschrift», Neue Folge, II, 361—372.

датчан возбудило в Швеции национальное чувство и патриотизм. Недаром Густав в Финляндии во время крайней опасности, грозившей ему со стороны дворян-офицеров, при получении известия о нападении датчан на Швецию указывал на это событие как на средство спасения королевской власти¹.

При совершенно изменившихся обстоятельствах происходили зимой 1788—89 года заседания сейма в Стокгольме. Королю удалось путем второго государственного переворота обеспечить монархическое начало в Швеции. Благодаря заявлениям общественного мнения король как бы в качестве диктатора мог со свежими силами продолжать борьбу против России.

Таким образом, Екатерина к концу 1788 года, несмотря на целый ряд успехов русского оружия, находилась в несколько затруднительном положении. Взятие Очакова, победы русского флота над турецким, Гохландская битва, образование конфедерации в Аньяла — все это не имело большого значения, если бы к прежним противникам России, Порте и Швеции, присоединились новые неприятели. И на юге, и на севере Екатерина не без раздражения встречала противодействие английского и прусского кабинетов. Трудно было предвидеть, до чего могли прийти размеры борьбы при столкновении с этими державами.

---

¹Geffroy, I, 665. Horft. «Gesch. d. letzten schwedisch-russischen Krieges», Frankfurt a. M., 1792, 112.

ГЛАВА VIII

Англия. Пруссия. Окончание шведской и турецкой войн

Англия

Дружеские отношения России к Англии во время первой турецкой войны имели весьма важное значение для успешных военных операций против Порты. Интересы России и Англии в продолжение некоторого времени шли рука об руку. В 1766 году между обоими государствами был заключен торговый союз. Неприязнь между Францией и Англией представляла собой такую же выгоду, какую заключала в себе вражда между Австрией и Россией в первое время царствования Екатерины¹.

Россия также могла быть довольна англо-французской войной во время борьбы за независимость англо-американских колоний. Чем более Англия была занята делами на отдаленном западе, тем менее можно было ожидать, что она станет препятствовать расширению могущества России на востоке. Мало того, Англия надеялась, что Россия предоставит ей вспомогательные войска для войны в Америке; однако Екатерина в письме к королю Георгу III отказала в исполнении этой просьбы.

¹См. частности об отношении России к Англии у Соловьева, XXV, 230 и след., 374 и след.; XXVI, 110 и след., 200 и след.; XXVII, 221 и след., 321 и след.; XXVIII, 102 и след., 202 и след., 327 и след., 412 и след., XXIX, 65 и след., 85 и след.

Неоднократно Екатерина весьма резко осуждала слабость английского правительства, не бывшего в состоянии удержать за собой все колонии в Америке и не успевшего наказать «мятежников». Вообще, говоря с презрением о «суконщиках» — так она в это время любила называть английское правительство, — об ошибках, сделанных английским кабинетом, об англо-французской войне, в которой воюющие партии, по ее мнению, наделали множество «глупостей», о неспособности короля Георга III и проч., императрица не понимала, каким образом Англия могла помириться с мыслью о потере столь важных провинций, как англо-американские колонии¹. Когда в 1787 году во время путешествия в Крым английский дипломат Фиц-Герберт в присутствии императрицы объяснял Сегюру, что потеря американских колоний не только не может считаться ущербом для могущества Англии, но даже окажется выгодой для этой державы, Екатерина удивлялась тому, что благоразумный и осмотрительный дипломат мог высказать мнение, которое ей казалось нелепостью². Подобные замечания встречаются в письмах императрицы к г-же Бьельке и другим лицам³.

При всем том, однако, Екатерина не хотела заступиться за Англию в борьбе за американские колонии. Критикуя резко и строго образ действий короля Георга и его министров, императрица не считала выгодным для себя и для России вмешиваться в дела Англии. Благодаря такому равнодушию России, в отношениях ее к Англии произошло некоторое охлаждение. Новый английский посол Геррис, прибывший в Россию в конце 1777 года, вследствие этого очутился в несколько затруднительном положении. Его старания склонить Россию к заключению оборонительного и наступательного союза оставались тщетными. Столь же неуспешными были старания вооружить императрицу против Франции; Екатерина, высоко ценившая необычайные

¹ См. ее письма к Гримму в «Сб. Ист. общ.», XXIII, 92, 149, 191, 224, 395.

² Segur. Memoires, III, 229, 230.

³ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 44, 147, 154.

способности английского дипломата и любившая беседовать с ним о разных предметах, оставалась равнодушной к интересам Англии. Между обеими державами даже возникли недоразумения по поводу произвольных действий английских каперов относительно русских торговых судов¹.

В Петербурге господствовало убеждение, что Англия гораздо более нуждалась в России, чем Россия в Англии. Недаром Геррис в одном из своих донесений сравнивал дружбу России с суровым климатом этой страны; недаром он жаловался на несоответствие между любезным обращением с ним императрицы и невниманием русского правительства к интересам Англии². Екатерина не хотела взять на себя посредничество между Францией и Испанией, с одной стороны, и Англией — с другой. На этот счет императрица вполне разделяла мнение Панина, тогда как Орлов и Потемкин изъявляли готовность действовать в пользу Англии³.

Холодность отношений между Англией и Россией не могла не усилиться вследствие объявления некоторых правил о вооруженном нейтралитете, сделанного русским правительством в 1780 году. Екатерина имела в виду обеспечить права и интересы русских купцов и мореплавателей, пострадавших неоднократно во время войны между Англией и Испанией. Точным определением прав нейтральных держав императрица оказала человечеству существенную услугу в области международного права.

Мысль о вооруженном нейтралитете не принадлежала исключительно Екатерине. Многие государственные люди, желавшие положить конец произволу и насилию со стороны воюющих держав в отношении к судам и товарам нейтральных наций, занимались решением этого вопроса. Верженн, Густав III, Фридрих II, датский министр Бернсторф составляли разные

¹ Соловьев, XXIX, 299—301.

² Harris (Malmesbury). Diaries I, 197.

³ Там же, I, 533. Arneth. «Joseph II und Katharina», 31, 33, 35, 49.

проекты для достижения этой цели. В России то Панин, то Екатерина, то Бакунин, то Безбородко считались виновниками декларации о вооруженном нейтралитете. Сама Екатерина приписывала себе важнейшую долю в решении этого вопроса¹. По поводу замечания в сочинении Денины, что соглашение о вооруженном нейтралитете было придумано прусским королем еще в 1744 году, Екатерина писала: «Это неправда; вооруженный нейтралитет родился в голове Екатерины II и ни в чьей другой. Граф Безбородко может засвидетельствовать, что в одно утро мысль эта была высказана императрицей как будто по внезапному вдохновению. Граф Панин не хотел о ней слышать, потому что она принадлежала не ему, и потребовалось много труда уломать его. Разработка поручена была Бакунину, и напоследок он занялся ею»².

Действительно, по новейшим источникам оказывается, что Безбородко и Бакунин занимались приведением в исполнение проекта Екатерины, причем, впрочем, были заимствованы мысли графа Бернсторфа, сформулированные им уже в 1778 году³. Нет сомнения, что инициатива в применении на практике этих мыслей принадлежала Екатерине, хотя, впрочем, при исполнении проекта Панин успел дать всему делу оборот, направленный против Англии⁴.

Не без удовольствия Екатерина писала барону Гримму об этой декларации, как о единственном средстве избавиться от насилия воюющих держав, не падивших интересов торговли и суходохода нейтральных наций⁵. Фридрих II писал Екатерине: «Между столькими чудесами, которыми ознаменовано царствование вашего императорского величества, нельзя считать последним обнародование морского устава, защищающего

¹Carl Bergholm. «Die Bewaffnete Neutralitat 1780—83». Berlin, 1884, где особенно подробно разобран вопрос о доле участия Бернсторфа, Панина и Екатерины в этом деле.

²«Русский архив», 1878, II, 290.

³Сб. Ист. общ., XXVI, 64—65, 329, 331. Bergholm, 134.

⁴Bergholm, 239.

⁵Сб. Ист. общ., XXIII, 174.

торговлю от всякого хищничества на море. И та, которая дала столь мудрые законы величайшей монархии в Европе, могла с тем же правом предписать их царству морей»¹.

В какой степени декларация о вооруженном нейтралитете не понравилась англичанам, видно из донесений Герриса. Он неоднократно беседовал об этом предмете с Паниным и не без удовольствия указывал на то обстоятельство, что адмирал Грейг решительно высказался против нового постановления о правах нейтральных держав. Геррис порицал высокомерие императрицы, считавшей себя законодательницей всего мира. В беседе с Екатериною английский дипломат тщетно добивался того, чтобы новые постановления не получили общего применения ко всем народам. Екатерина настаивала на своем и превратила временную меру в постоянное учреждение международного права². Немного спустя она требовала от Англии формального признания устава о нейтралитете в награду за посредничество России при окончании борьбы между Англией и Голландией³. Напрасно Геррис в своих донесениях жаловался на образ действий России, не вполне согласный с поступками русских каперов во время первой турецкой войны, указывал на несовместимость понятия о вооружении с понятием о нейтралитете и проч.⁴, — новое учреждение было признано и принято всеми державами, что содействовало усилению значения России в Европе.

Удар, нанесенный Екатериной Англии, оказался чувствительным. Вскоре после этой декларации о нейтралитете последовало сближение между Францией и Россией. Благодаря стараниям Сегюра, между обеими державами был заключен торговый договор. Все это не могло не породить некоторой натянутости отношений между Россией и Англией.

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 392—393.

² Harris, I, 284 и след., 448.

³ Там же, 482.

⁴ Там же, 486, 502; II, 28, 39.

Пруссия

Перемена во внешней политике России, происшедшая в 1780 году, нанесла решительный удар отношениям России к Пруссии. Переписка между Фридрихом и Екатериной вскоре прекратилась. При преемнике Фридриха II короле Фридрихе Вильгельме II отношения между Россией и Пруссией становились все более и более холодными и натянутыми.

Мы видели выше, как невысоко ценила императрица способности нового государя Пруссии. В ее письмах к барону Гримму встречается целый ряд колкостей и насмешек, предметом которых был король Фридрих Вильгельм II. Называя его «fregе Gu» (Guillaume), а короля английского «fregе Ge» (George), Екатерина смеялась над союзом между обоими государями; она придумала особые термины для обозначения такой дружбы: «gegu» и «geguisme» и т.п.¹

Особенно начиная с 1787 года становилось заметным враждебное отношение Пруссии к России. В своих письмах к Потемкину Екатерина весьма часто жаловалась на козни Фридриха Вильгельма II и Англии, между тем как Потемкин постоянно говорил о необходимости сохранения дружеских сношений с обеими державами². Понятно, что вмешательство Пруссии и Англии в турецкие и шведские дела раздражало императрицу. Ей хорошо было известно, что Густав III взялся за оружие в надежде на помощь Пруссии и Англии. Для спасения Турции берлинский и лондонский кабинеты одобряли нападение шведского короля на Россию. Английский дипломат в Берлине, Эллиот, прямо указывал на необходимость положить конец постоянному развитию могущества России³. Заступничеству Пруссии и Англии Густав III был обязан скорым окончанием шведско-датской войны.

Письма Екатерины к Потемкину свидетельствуют о сильном

¹ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 384, 431, 434.

² См., например, «Сб. Ист. общ.», XXVII, 446.

³ «Gustaf tredje's efterlemnade Pappers», III, 204—206.

раздражении императрицы. Порой она ожидала разрыва с Пруссией. Также и в письмах к императору Иосифу она жаловалась на интриги прусских дипломатов в Константинополе и Польше, на насилие в обращении Англии и Пруссии с Данией и проч. И Безбородко в письме к Воронцову, указывая на то, что прусский король считает себя диктатором, полагал необходимым обращаться с Пруссией твердо и решительно, хотя Потемкин советовал действовать крайне осторожно и избегать поводов к оскорблению прусского короля¹.

Совместные действия Англии и Пруссии легко могли сделаться роковыми для России. Продолжение шведской и турецкой войн требовало крайнего напряжения сил; при всеобщем утомлении и истощении страны, при расстройстве финансов было тяжело думать о возможности разрыва с Пруссией. Екатерина считала как бы личными своими врагами и прусского короля Фридриха Вильгельма II, и английского министра Питта. Последний объявил решительно и ясно, что интересы Англии и Пруссии требуют ограничения власти и влияния России. Пруссия заступалась за Швецию и препятствовала усилению влияния России в Польше; Питт старался принять меры для спасения Турции от чрезмерного перевеса Австрии и России². При столь затруднительных обстоятельствах Россия должна была продолжать и окончить шведскую и турецкую войну.

Шведская война 1789 и 1790 годов

Военные действия России против Швеции в 1789 году начались довольно удачно. Русским войскам удалось занять некоторые важные места в южной Финляндии. Так, например, уже весной 1789 года был взят город Христина. Зато известие о неблагоприятном исходе схватки русских и шведских войск при Киро, или Паросалыми, до того поразило императрицу,

¹Сб. Ист. общ., XXXVI, 407. «Русский архив» 1873, 1686.

²Ranke, XXXI, 337 и след.

что она заметила: «Двадцать семь лет такого известия не получала»¹. Глубокое впечатление, произведенное этим маловажным событием, свидетельствует об утомлении и расстройстве Екатерины.

Более важные встречи происходили на море, где они начались успешными действиями сооруженного в последнее время галерного флота. Екатерина посвящала этому предмету особенное внимание и назначила главнокомандующим галерным флотом принца Нассау-Зигена, весьма успешно сражавшегося в 1788 году с турецким флотом в Днепровском лимане. 14—25 июля произошло между Борнгольмом и берегами Швеции столкновение русского флота, которым командовал Чичагов, с шведским; сражение не имело решительного исхода. Зато главнокомандующему галерным флотом, принцу Нассау-Зигену, удалось разбить шведский галерный флот при Свенкзунде или Рочензальме (13—24 августа). Екатерина сравнила эту победу с Чесменской битвой. Она сообщила Гримму и Циммерманну об этом событии, нарочно отправив свои письма по обыкновенной почте с целью, чтобы они распечатывались и читались по дороге².

По поводу этого морского сражения по внушению Густава в «Hamburger Zeitung» был напечатан рассказ, не соответствовавший истине. Екатерина собственноручно составила возражение на эту статью. Она смеялась над королем, замечая: «La Majeste Gustavienne ударилась в бегство, как собака, которую прогнали из кухни»³. Вместе с тем императрица выразила надежду, что при столь успешных действиях русского оружия можно рассчитывать на скорое окончание войны⁴.

Однако дальнейших успехов в течение 1789 года не было. Екатерина была весьма недовольна бездействием командующего сухопутными войсками Мусина-Пушкина. Для достижения

¹ Храповицкий, 9 июня 1789 г.

² Там же, 17 августа 1789 г.

³ «Русская Старина», VIII, 879.

⁴ Записки Гарновского в «Русской Старине», XVI, 412.

мира, в котором сильно нуждалась Россия, нужны были дальнейшие победы. Турция рассчитывала на помощь Швеции; Пруссия желала ограничения могущества России; Англия поддерживала султана; Польша надеялась воспользоваться затруднительным положением, в котором находилась Россия, для соединения с Пруссией и Швецией против опасного соседа; Австрия была занята вспыхнувшей революцией в Нидерландах и к тому же продолжала действовать крайне неудачно в турецкой войне; Дания не имела возможности оказать услуги России в качестве ее союзницы. Таким образом, Россия стояла одиноко. Недаром Безбородко в это время в письмах к разным лицам указывал на чрезвычайно затруднительные обстоятельства, в которых находилась Россия, на расстройство финансов, на недостатки в административном организме, и проч.

Из записок графа Сегюра видно, в какой мере Англия и Пруссия были довольны тем, что война России со Швецией и Турцией затягивалась. Порою эти державы предлагали свои добрые услуги, но в то же время постоянно старались сеять раздор между воюющими державами¹. Екатерина зорко следила за образом действий обеих держав и поэтому руководствовалась правилами крайней осторожности². Потемкину она писала: «Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть от них тягость, но она будет несравненно менее всегда, нежели прусская, которая сопряжена со всем тем, что в свете может быть придумано, поносным и несносным. Мы пруссаков ласкаем; но каково на сердце терпеть их грубости и ругательством наполненные слова и дела!» В одной из записок императрицы, относящихся к этому времени, читаем следующие слова: «Молю Всевышнего, да отомстит пруссаку гордость. В 1762 году я его дядюшке возвратила Пруссию и часть Померании, что не исчезнет в моей памяти. Не забуду и то, что двух наших союзников он же привел в недействие, что с врагами нашими заключил союз, что пшведам давал денег и что с нами имел

¹Segur. Memoires, III, 426.

²Там же, III, 430 и след.

грубые и неприлично повелительные переписки. Будет и на нашу улицу праздник авось либо!»¹.

В это время считали возможным нападение Пруссии на остзейские провинции, что могло иметь роковые последствия. «Теперь мы в кризисе, — сказала Екатерина 24 декабря 1789 года, — или мир, или тройная война, т.е. с Пруссией»; а 31 декабря: «Теперь кризис; пруссаки мешают миру и готовы начать войну с нами и с императором; все державы в ферментации, одна Испания спокойна», и проч.²

Когда Пруссия в начале 1790 года обратилась к императрице с вопросом об условиях, на которых она хотела бы заключить мир, русское правительство заявило о следующих требованиях: Швеция и Турция должны объявить, что начали войну без причины; о турецких делах надобно трактовать особо от шведских; в Швеции должно быть восстановлено государственное право, существовавшее там до 1772 года и т.п.³ Понятно, что Густав III не мог и думать о сложении оружия. Он начал войну для обеспечения результатов государственного переворота 1772 года и потому не мог согласиться на подобные условия мира.

Екатерина, ожидавшая с часу на час нападения Пруссии, писала Потемкину 13 мая 1790 года: «Мучает меня теперь несказанно, что под Ригой полков не в довольном числе для защиты Лифляндии от прусских и польских набегов, коих теперь почти ежечасно ожидать надлежит. Король шведский мечется всюду, как угорелая кошка. Долго ли сие будет, не ведаю; только то знаю, что одна премудрость Божия и его всеильные чудеса могут всему сему сотворить благой конец. Странно, что воюющие все хотят и им нужен мир. Шведы же и турки дерутся в угодность врага нашего скрытного, нового европейского диктатора (короля прусского), который вздумал отнимать и даровать провинции, как ему угодно: Лифляндию посулил с Финляндией шведам, а Галицию полякам» и проч.⁴

¹Соловьев. «Падение Польши», 200.

²Храповицкий, 3 декабря 1790 г.

³Neftmann, VI, 270.

⁴Соловьев. «Падение Польши», 201.

Таким образом, Россия должна была готовиться к третьей кампании против Швеции. Война требовала крайнего напряжения сил и средств.

Поход 1790 года начался занятием шведами Балтийского Портa 6 (17) марта, который они, впрочем, очистили опять по истечении нескольких часов. Известие об этом эпизоде, хотя и оставшемся без последствий, произвело сильное впечатление в Петербурге¹. В Финляндии русские войска дрались безуспешно и были разбиты в разных мелких стычках. Озабоченная всем этим, императрица искала утешение в чтении и научных занятиях². Впрочем, решительных действий не происходило. В лагере шведов возник план обойти крепости Фридрихсгам, Выборг, Вильманstrand, Нишлот, идти прямо на Петербург и занятием столицы принудить Екатерину к заключению мира.

В Петербурге узнали о намерениях шведов и сильно беспокоились. Ходили слухи о сильном вооружении шведов на море. Храповицкий писал 3 мая 1790 года: «Шведский корабельный флот в 26 парусах подходит к Чичагову, на Ревельском рейде стоящему. Великое беспокойство. Почти ночь не спали (т.е. Екатерина не спала). Граф Безбородко плакал».

На другой день было получено известие о победе, одержанной Чичаговым над шведами у Ревеля. Обрадованная этим событием Екатерина назвала его в письме к Павлу и Марии «великое чудо Божие»³.

Однако победа Чичагова не устранила опасности, грозившей столице. Шведский флот приближался к Кронштадту. Когда однажды в одном из предместий Петербурга случился нечаянно взрыв запаса пороха, испуганная публика думала, что шведы находятся уже в городе⁴. Во время морской битвы при Сейскаре (23—24 мая) гром пушек был слышен в Петербурге. Беспокой-

¹ См. статью Бинемана в «Russ. Revue», V, 40—90.

² Храповицкий, 27 апреля 1790.

³ «Сб. Ист. общ.», XV, 167.

⁴ «Русская Старина», XVI, 431.

ство достигло высших пределов. Ходили разные слухи об исходе битвы. Соединение эскадр под командованием Крузе и Чичагова на этот раз отклонило опасность, грозившую столице. Шведский флот удалился в Выборгскую бухту, где оставался некоторое время блокированный русским флотом. Екатерина в крайнем волнении следила за движениями эскадр. Нассау-Зиген с галерным флотом успел присоединиться к эскадрам Крузе и Чичагова. Положение шведов внезапно сделалось отчаянным. Они так тесно были окружены русскими кораблями и войсками, что Екатерина отправила судно со съестными припасами и пресной водой для короля Густава III, а Нассау-Зиген сделал ему предложение сдаться на капитуляцию. Густав во что бы то ни стало должен был пробить себе дорогу из Выборгской бухты: шведский флот не без громадной потери проложил себе путь через густой строй русских кораблей и галерных судов. Это событие могло считаться равносильным блестящей победе, одержанной над шведами, которые потеряли: убитыми, ранеными и взятыми в плен несколько тысяч человек, семь линейных кораблей, два фрегата и множество мелких судов.

Тяжелый удар, нанесенный королю Густаву, произвел сильное впечатление на современников. В Лондоне тотчас же по получении известия об этом событии собралась конференция министров; в Стокгольме проходили совещания представителей дипломатического корпуса; английский посланник Роберт Листон изъявил готовность отправиться в Петербург для открытия переговоров о мире¹. Возникла мысль о переводе Стокгольмского банка в другой город и об удалении всех драгоценных предметов из шведской столицы².

Можно было ожидать нового столкновения между шведским и русским флотами при Свенкзунде, куда удалились шведы. От исхода этой битвы могла зависеть судьба короля и Швеции. Второе поражение могло повлечь за собой полную катастрофу Густава.

На том самом месте, где были разбиты шведы в августе 1789

¹ Колотов, IV, 54.

² Posselt. «Gustaf III», 461.

года принцем Нассау-Зигеном, он хотел 28 июня 1790 года — то была годовщина воцарения Екатерины — нанести смертельный удар королю и его флоту.

Вышло иначе. Русские были разбиты наголову. Их потеря доходила до нескольких тысяч людей.

Не без труда Екатерина сохранила спокойствие и присутствие духа. Она писала Безбородке, что нужно следовать примеру Фридриха Великого, никогда в подобных случаях не предававшегося отчаянию. Когда Нассау просил отставки и возвратил императрице все свои ордена, она сумела ободрить и утешить его письмом, свидетельствующим о ее великодушии и мудрости. Здесь было сказано между прочим: «Боже мой, кто не имел больших неудач в своей жизни? Величайшие полководцы имели свои невзгоды. Покойный прусский король был действительно велик после большой неудачи: тогда он снова являлся на сцену, более нежели когда-либо окруженный славой; все считали все проигранным, и в то время он снова разбивал врага» и проч.¹ В письмах к Алексею Орлову и Голицыну Екатерина тоже выказывает необычайную твердость и мужество. Зато в письме к Потемкину сказано: «Дело с гребной флотилией мне столь прискорбно, что после разнесения черноморского флота бурей ничто столько сердце мое не сокрушило, как сие»².

Теперь можно было думать о заключении мира. Широкие планы короля Густава оказались неудобоосуществимыми. Неоднократно в продолжение трехлетней борьбы он выражал желание хотя бы однажды разбить русских, чтобы затем иметь возможность заключить мир. Теперь этот благоприятный случай к открытию переговоров представился. Король не мог желать, чтобы будущее его зависело от морской битвы. Надежда на турецкие субсидии оказалась тщетной; Пруссия вступила в переговоры с Леопольдом II; польские смуты липали Густава надежды на помощь со стороны Речи Посполитой. Все партии в Швеции желали мира.

И Екатерина видела необходимость окончания войны. Опас-

¹ «Сб. Ист. общ.», I, 210—211.

² Соловьев. «Падение Польши», 202.

ность, грозившая ей со стороны Англии и Пруссии, не прекращалась; польские дела все более и более обращали на себя внимание императрицы; перемена на престоле в Австрии не предвещала России ничего хорошего.

При посредстве испанского дипломата в Петербурге Гальвеса начались переговоры. Игельстром в качестве уполномоченного России отправился в Финляндию¹. Переговоры продолжались четыре недели. Россия не хотела уступать Швеции ни пяди земли и настаивала на том, чтобы в мирном договоре не было упомянуто о Турции. Зато обе договаривающиеся стороны устно выразили надежду на скорое восстановление мира между Россией и Портой.

Мир, заключенный в Вереле 3 (14) августа, несколько не изменяя территориальных отношений между Швецией и Россией, все-таки заключал в себе важную перемену. Россия не настаивала на гарантии прежнего государственного права, о прежних соглашениях по этому вопросу и не было и помина. Таким образом, Густав III достиг желанной цели — освобождения от вмешательства во внутренние дела Швеции.

Известие о Верельском мире произвело неблагоприятное впечатление в Лондоне и Берлине. Шведский посол в Константинополе при получении известия о мире очутился в неловком положении. Тем довольнее была Екатерина, успевшая окончить войну без посредничества какой-либо державы. Особенно резко отзывалась она при этом случае о Пруссии. В ее письме к Потемкину сказано: «Одну лапу мы из грязи вытащили; как вытащим другую, то пропоем аллилуйя». Потемкин писал, что стал спать спокойно, с тех пор как узнал о мире со Швецией; императрица отвечала: «Ты пишешь, что спокойно спишь с тех пор, что сведал о мире со шведами; на это тебе скажу, что со мной случилось: мои платья все убавляли от самого 1784 года, а в сии три недели начали узки становиться, так что скоро паки прибавить должно меру; я же гораздо веселее становлюсь»².

Конечно, и личные отношения между Густавом и Екатериной

¹См. Письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковым, 84—86.

²Соловьев. «Падение Польши», 202.

тотчас же изменились к лучшему. Храповицкий замечает 6 августа: «Получено собственноручное письмо от короля шведского к ее величеству; просит, по связи крови, возвратить к нему amitie, забыть сию войну, как быстро пронесшуюся грозу». Екатерина в беседе с Храповицким заметила, что никогда не имела дружеского расположения к королю. В ответе последнему Екатерина упрекнула его в том, что он оказался доступным наветам недоброжелателей¹. Отправляя в Швецию посланником Палена, Екатерина сказала ему, «чтобы имел глаза и уши, но сам бы ни во что не вмешивался»². Очевидно, императрица убедилась в невозможности относиться к Швеции так, как она обращалась с Польшей. Агитация русских дипломатов в Стокгольме против монархической власти должна была прекратиться. Борьба против французской революции на некоторое время соединила потом Россию со Швецией, а немного спустя, в царствование внука Екатерины, возобновилась между обеими державами война из-за Финляндии, окончившаяся в пользу России.

Турецкая война до Ясского мира

Екатерина в 1787 году начала военные действия против Порты, питая надежду на осуществление широких проектов. Походы 1787 и 1788 годов доказали неудобоосуществимость этих планов. Неудачные действия австрийцев, медленность военных операций Потемкина давали императрице понятие о препятствиях, с которыми приходилось бороться при осуществлении греческого проекта. Надежды оживились лишь после взятия Очакова в декабре 1788 года.

Из некоторых замечаний Екатерины видно, что она все время не упускала из виду первоначальной цели. Так, например, она сказала 21 апреля 1788 года: «Надобно брать Очаков... Молдавию и Валахию оставить независимой для будущей греческой империи под названием Дакии». Узнав о не-

¹ «Qu'il ne faut pas preter l'oreille aux tracasseries».

² Храповицкий, 25 сентября 1790 г.

которых успехах известного моряка Поля Джонса (Paul Jones), вступившего в русскую службу, Екатерина заметила: «Он проберется в Константинополь».

7 июня она говорила: «Франция, неформально зная о большом проекте нашем, готова согласиться с нами, и требует только, чтобы ей все открыть; но теперь еще не время; довольно того, что, предузнавая намерения наши, с нами соглашаются. Пусть турки пойдут куда хотят. Греки могут составить монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться? ибо лучше иметь в соседстве христианскую державу, нежели варваров; да она и не будет страшна, разделясь на части. Откроется коммерция при порте Византийском, где неудобно уже быть столице».

Почти в это же время Густав III в своем ультиматуме требовал, чтобы Россия возвратила Крым Порте и чтобы границы Турции 1768 года были восстановлены.

После взятия Очакова Екатерина стала мечтать об осуществлении своей любимой мысли. «Приметна в ее величестве возрастающая надежда», — пишет Храповицкий 17 декабря. 26 января 1789 года Екатерина сказала о Потемкине: «Он будет в нынешнем году в Царьграде: о том только не вдруг мне скажите». 30 января опять она говорила о возможности раздела Турции и даже с согласия западных держав. «Дать куски Англии, Франции и Испании, а остатка довольно для великого князя Константина Павловича, *roug un cadet de la maison*; зачем не быть обоим отраслям в такой связи, как дворы бурбонские, т.е. Франция и Испания». Когда Храповицкий 27 апреля 1789 года поздравил императрицу с рождением великого князя Константина Павловича, она сказала: «*C'est un cadet de la maison*; он должен искать карьеры; он ее найдет, увидите». 9 октября Екатерина сказала о греках: «Их можно оживить. Константин мальчик хороший: он через 30 лет из Севастополя проедет в Царьград. Мы теперь рога ломаем, а тогда уже будут сломлены и для него легче». Таким образом, Екатерина не переставала думать и говорить о греках. На острове Мальте тоже действовал агент русского правительства. Гроссмейстеру мальтийского ордена императрица подарила свой портрет во весь рост. На нем

виднелась радуга, опиравшаяся одним концом на Крым, а другим на остров Мальту¹.

Осуществление проектов Екатерины зависело главным образом от успеха русского оружия. Недаром поэтому она была раздражена неудачей австрийцев. Между главнокомандующими русской и австрийской армий происходили разные недоразумения. Однако Румянцев и герцог Кобургский в сентябре 1788 года заняли Хотин. Затем военные операции остановились на некоторое время. Принц де Линь горько жаловался на бездействие Румянцева.

Взятие Очакова не могло не возбудить опасений Пруссии и Англии относительно дальнейшей судьбы Турции. Эти державы начали думать об участии в войне ради спасения Порты. России грозила опасность со стороны новых противников. В то же время приходилось не упускать из виду поляков, на которых начал действовать весьма энергично прусский министр Герцберг. Россия не имела союзников. На Францию, при начавшемся в этом государстве кризисе, нельзя было рассчитывать. Весной 1789 года возникла мысль, принимая во внимание нерасположение Англии и Пруссии, заключить мир с Портою при посредничестве Франции, однако вскоре события революции лишили эту державу возможности вообще участвовать в общеевропейских дипломатических делах.

Весьма решительно Екатерина уклонялась от принятия добрых услуг Пруссии. Герцберг, пожимая руку посланнику императрицы Нессельроде, говорил: «Если бы на нас положились, то и Крым, и Очаков были бы ваши». Екатерина отметила против донесения Нессельроде: «Наместник Божий, вселенной распоряджающийся: зазнались совершенно!»² Между тем как Потемкин советовал действовать крайне осторожно с Пруссией, Екатерина предпочитала оставаться верной союзу с Иосифом II. Она скорее была готова делать уступки Турции, чем Пруссии³.

¹ Колотов, IV, 33.

² Соловьев. «Падение Польши», 196.

³ Herrmann, VI, 278 и след.

В кампанию 1789 года русские сражались успешно. В апреле Дерфельден разбил турок при Пруте и взял Галац. Так как турки намеревались занять вновь Очаков, то левый берег Дуная оставался главным театром военных действий. Суворов, соединившись с принцем Кобургским, 21 июля (1 августа) нанес сильное поражение туркам при Фокшанах. Екатерина обрадовалась особенно тому обстоятельству, что в этом подвиге австрийцы и русские действовали сообща. Она выразила надежду, что вследствие этого умолкнут слухи об охлаждении между Россией и Австрией. Императрица плакала от радости при получении известия о Фокшанской битве¹. В сентябре турки были разбиты при Мартинештах на Рымнике; австрийцы заняли Белград; Потемкин и Ангальт взяли Бендеры и Аккерман. Репнин, победив турок при Исакчи, осаждал Измаил. Русские заняли турецкий форт Гаджибей, на месте которого был построен город Одесса. Потемкин в Яссах начал вести переговоры о мире. И австрийцы действовали успешно; им удалось занять Семендрию, Пассарович и другие места. Екатерина была чрезвычайно довольна и особенно обрадовалась занятию Бендер, потому что этим успехом была обязана Потемкину². Начали говорить о мире. Освобожденный из плена Булгаков отправился к Потемкину для совещаний об условиях мира. Турки изъявили готовность заключить перемирие, однако им возразили, что Россия желает или окончательного мира или войны.

Порта находилась в весьма опасном положении. Можно было ожидать перенесения театра военных действий в самую середину государства. Многое зависело от того, успеют ли турецкие крепости на Дунае удержать дальнейшее вторжение русских войск или нет.

К сожалению, во время похода 1790 года и австрийские, и русские войска действовали чрезвычайно медленно. Не было битв вроде Фокшанской и Рымникской. Зато летом происходили столкновения между турецкими и русскими эскадрами, в которых последние одержали верх. Лишь позд-

¹Гарновский в «Русской Старине», XVI, 410.

²«Русская Старина», XVII, 211—216.

ней осенью сухопутное войско одержало победу, которую можно было сравнить со взятием Очакова. Считавшаяся до того неприступной крепость Измаил была взята Суворовым после кровопролитного штурма¹. Потеря людьми была громадна, однако подвиг, совершенный русским войском, произвел глубокое впечатление на современников. Екатерина, желавшая окончания войны, увидела во взятии Измаила средство к достижению этой цели. Чем успешнее русские сражались на Дунае, тем легче они при заключении мира могли рассчитывать на удержание за собою Очакова с окружающей эту крепость степью. Екатерина пока хотела довольствоваться этим приобретением.

В Константинополе с давних пор существовало предание об опасности, грозившей Турции со стороны народа, которого должно было ожидать с севера. Теперь же русские войска начали приближаться к турецкой столице. Страх и уныние господствовали в Константинополе. Было строгойше запрещено говорить о действиях русских войск. Ежеминутно можно было ожидать возмущения. Когда распространился слух о взятии Измаила, волнение народа достигло крайних размеров. Заговорили о необходимости укрепления столицы, о всеобщем ополчении. Более чем когда-либо Турция рассчитывала на помощь Пруссии и Англии.

Кончина императора Иосифа II (9/20 февраля 1790 г.) значительно изменила положение политических дел в Европе. Родственники императора приписывали значительную долю бедствий, постигших Австрию в последнее время, сближению Иосифа с Екатериной. Он сам до гроба оставался верным другом и союзником императрицы. В последнее время его жизни она утешала его по поводу революции в Нидерландах и по случаю его болезни. Чувствуя себя умирающим, Иосиф был в отчаянии, что оставляет свою монархию в столь затруднительном положении. Он просил Екатерину содействовать сохранению целости австрийских владений. В весьма дружеских выражениях

¹ См. мою монографию об этом эпизоде в «Baltische Monatsschrift», Neue Folge, II, 556—585.

Екатерина в последнем своем письме к Иосифу, старалась его успокоить. Вскоре после этого он скончался¹.

Екатерина вполне сознавала, что в Иосифе II потеряла не-оцененного друга и союзника. Кончина императора была для нее тяжелым ударом. Она писала к Гримму, что не могла видеть австрийского посла без слез и рыданий, и заметила, что в Австрии не умели ценить достаточно добродетели Иосифа².

Во время турецкой войны был возобновлен на восемь лет союз, заключенный в 1781 году между Австрией и Россией. В минуту кончины Иосифа нельзя было рассчитывать на скорое окончание войны, оказавшейся столь опасной для Австрии.

При Леопольде II образ действий и политическая система австрийского правительства изменились совершенно. Перемена эта прежде всего заключала в себе значительную выгоду для Пруссии. В среде дипломатов ходили слухи о намерении короля Фридриха Вильгельма II «проучить» австрийский и русский дворы и показать им, что Пруссия не уступает им во влиянии и могуществе. Герцберг хотел защитить Турцию от страсти к завоеваниям России и Австрии, а далее имел в виду в качестве посредника при заключении мира требовать для Пруссии значительных выгод. Австрия, по его мнению, должна была возвратить Галицию Польше, между тем как Польша взамен того уступила бы Данциг и Торн Пруссии. При таком положении дел воцарение Леопольда имело важное значение. Он вскоре сблизился с Пруссией. Была заключена Рейхенбахская конвенция. Во время переговоров австрийцы заявили, что не считают себя в чем-либо обязанными перед Россией; отношения Австрии к России изменились совершенно.

При получении известия о соглашении между Австрией и Пруссией Екатерина обрадовалась тому, что Пруссии не удалось завладеть Торном и Данцигом³. Недаром она около этого же

¹ Arneth. «Joseph II und Katharina», 389.

² «Сб. Ист. общ.», XXIII, 483, 484, 608.

³ Храповицкий, 2 августа 1790 г.

времени выразила удовольствие в том, что ей удалось заключить мир с королем Густавом III «sans intervention ausuniere», как сказано в ее письме к барону Гримму¹.

Однако заключение Рейхенбахской конвенции не могло смягчить раздражения императрицы против Пруссии. В письмах к Гримму она говорила о Фридрихе Вильгельме II в самых резких выражениях, насмехаясь над посредственными способностями короля, над его мистицизмом и проч. Чрезвычайно резко она осуждала образ действий прусского министра Герцберга и прусского дипломата в Польше Лукезини. К тому же ей сильно не понравилась уступчивость Пруссии относительно Франции, находившейся в сильном брожении². В одном из писем Екатерины к Потемкину сказано: «Стиль их (прусаков) столь груб, да и глуп, что и сему еще примера не бывало, и турецкий самый мягкий в рассуждении их. Я Всемогущим Богом кланусь, что все возможное делаю, чтобы сносить все то, что эти дворы, наипаче же всемогущий прусский, делают; но он так надулся, что если лоб не расшибет, то не вижу возможности без посрамления на все его хотения согласиться; он же донныне сам не ведает чего хочет либо не хочет»³.

Леопольд II начал играть роль посредника. Между тем как Англия и Пруссия старались отделить Россию от Австрии и заключить оборонительный союз против Екатерины, Леопольд хлопотал о наступательном союзе Австрии, России, Англии и Пруссии против Франции⁴.

Таким образом, сближение Пруссии с Австрией устранило опасность, грозившую России со стороны Фридриха Вильгельма II. В то же время и неприязнь английского министерства против России была смягчена оппозиционной партией в парламенте, не желавшей разрыва с Россией.

¹ «Сб. Ист. общ.», XXVIII, 492.

² См., например, замечания Екатерины по поводу приключения с прусским дипломатом Гюттелем в «Русской Старине», XVII, 436.

³ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 532.

⁴ См. подробности в соч. Германна «Erganzungsband», 2 и след.

При этом, однако, Екатерине приходилось отказываться от приведения в исполнение широких планов России и Австрии относительно Порты; Леопольд должен был желать заключения мира с Турцией. Нельзя было более рассчитывать на общие действия русских и австрийских войск в борьбе с турками. Единственным выигрышем для России было устранение опасности, грозившей со стороны Англии и Пруссии. Фридрих Вильгельм II и его министр Бишофсвердер находились теперь под влиянием Леопольда. Хотя еще в 1791 году прусский король говорил о своем намерении объявить войну России, хотя Англия также показывала вид, что готова к разрыву, однако вскоре можно было видеть, что в сущности нельзя ожидать войны. Недаром Екатерина была довольна успехом своих стараний освободиться от диктатуры обеих держав¹.

Таково было положение дел в то время, когда Россия должна была продолжать и окончить турецкую войну. К счастью для нее, кампания 1791 года была успешна. Значительная выгода заключалась в том, что фанатик шейх Манзур, в продолжении нескольких лет руководивший борьбой против России на Кавказе, был взят в плен. «Нам он стоит до 30 000 войска», сказано в дневнике Храповицкого об этом агитаторе². Летом 1791 года русские войска штурмом взяли крепость Анапу, а князю Репнину удалось нанести туркам сильное поражение при Мачине (в июле 1791 г.). В какой степени императрица желала окончания войны, видно из относящихся к этому времени писем и записок ее к Потемкину, в которых она настойчиво требовала самых энергичных мер для принуждения турок к миру. Во все это время она находилась в крайнем волнении. Тем более она обрадовалась известию о Мачинской битве. При дворе хвалили энергию князя Репнина, порицая в то же время медлительность действий Потемкина. Для последнего весть о победе, одержанной Репниным над великим визирем, была тяжелым ударом. Зависть тревожила Потемкина, находившегося тогда в Петербурге; он медлил с отъездом к армии; Екатерина должна была

¹См. ее письмо к Штакельбергу в «Русской Старине», III, 608.

²Храповицкий, 6 июля 1791 г.

убедить его в необходимости решительных действий для окончания войны¹.

Потерпевшие урон турки начали говорить об условиях мира. Еще до прибытия Потемкина в лагерь Репниным были подписаны предварительные условия мира. В то же время адмиралу Ушакову удалось разбить турок на Черном море; он преследовал турецкий флот до самого Босфора и был остановлен лишь известием о заключении предварительных условий.

Состоявшийся съезд дипломатов в Систове не привел еще прямо к заключению мира. Получив известие об успешных действиях Ушакова, Екатерина еще раз на минуту возмечтала о нанесении Турции страшного удара. В дневнике Храповицкого сказано: «Довольны тем, что хотя князь теперь Ушакова останавливать должен, но доказано, что возможность есть идти прямо в Константинополь»². Вскоре были получены известия об успешном ходе переговоров о мире. Австрия еще раньше пришла к соглашению с Турцией. Русские и турецкие уполномоченные в продолжение нескольких недель вели переговоры в Яссах. Осенью умер Потемкин. Он заболел горячкой и, сознавая опасность своего положения, поспешил уехать из Ясс в основанный и очень любимый им Николаев, но на пути скончался в степи, окруженный лишь несколькими близкими к нему лицами. Безбородко в качестве чрезвычайного уполномоченного отправился в Яссы, где наконец мир был заключен 29 декабря 1791 года (9 января 1792 г.)³. Условия были следующие: подтверждение Кучук-Кайнарджийского мира, признание уступки Крыма России; приобретение Россией Очакова со степью между Бугом и Днестром.

Россия могла гордиться успехом в войне. Немного спустя на развалинах турецкого форта Гаджибея поднялся город Одесса, приобретший вскоре всемирное значение. Весь северный берег Черного моря стал достоянием России.

¹ См. мою монографию «Potemkin's Gluck und Ende» в журнале «Baltische Monatsschrift». Neue Folge, II, 524 и след.

² Храповицкий, 24 августа 1791 г.

³ Богатый материал о переговорах в «Сб. Ист. общ.», XXIX, 109—221.

Екатерина сожалела о том, что заключение мира остановило адмирала Ушакова на пути к Константинополю¹. В начале войны она надеялась положить конец существованию Турции. Окончание ее не соответствовало первоначальным ожиданиям императрицы. При этом, однако, можно было считать заключение Ясского мира успехом. России удалось освободиться от войны, требовавшей страшного напряжения сил и значительных жертвований. Во время войны Россия, встречая всевозможные затруднения и вынужденная бороться против многих и сильных неприятелей, удержала за собой прежнее влияние и значение в Европе.

---

¹См. письмо к Гримму в «Сб. Ист. общ.», XXIII, 563.

ГЛАВА IX

Последние годы Речи Посполитой. Конституция 3 мая 1792 года

Современники, следившие за событиями в Польше, находили, что это государство после первого раздела стало вполне зависимым от России. Русский посланник играл как бы роль наместника; русские войска распоряжались в Польше по своему усмотрению; настоящей столицей, по замечанию одного современника, был Петербург, между тем как Варшава имела значение губернского города; в области внешней политики главным руководителем был русский посланник; не оставалось почти никаких следов политической самостоятельности¹.

После первого раздела в продолжение двадцати лет русским посланником в Польше был Штакельберг. Из переписки Екатерины с этим дипломатом можно видеть, как в продолжение всего этого времени Екатерина думала о польских делах и в какой мере она лично руководила ими². Она вникала во все подробности и постоянно давала советы, писала указы, делала предписания. Особенно зорко императрица следила за отношениями других держав к Польше. Точно также и переписка Екатерины с Вольтером, Даламбером и другими представляет многие дан-

¹ Костомаров. «Последние годы Речи Посполитой». СПб., 1870, 120 и след.

² «Русская Старина», III.

ные для знакомства с видами императрицы относительно Польши. Порою она довольно резко отзывалась об агитаторах в Польше, насмешливо порицала католический фанатизм в этой стране и глумилась над участием женщин в делах политики¹. Старания Австрии в вопросе о польских диссидентах отстаивать права и интересы католицизма раздражали императрицу². Между петербургским двором и некоторыми из знатнейших польских вельмож постоянно существовали самые оживленные сношения. В 1776 году граф Артуа, брат Людовика XVI, вздумал было стать королем польским, и в Варшаву явился французский эmissар, который сделал Станиславу Августу предложение отказаться добровольно от польского престола и взамен его взять Лотарингию. Штакельберг объявил эmissару, что проект не может быть осуществлен. Получив об этом донесение посла, Екатерина написала Панину: «Что касается до сумасбродных замыслов графа д'Артуа, то Штакельбергу дайте знать, что наши дела всегда будут от нас и защищаемы»³. При отправлении Репнина в Константинополь в качестве русского посла, императрица поручила ему также и руководство польскими делами при турецком дворе⁴. Сегюр, на пути в Россию пробывшей некоторое время в Польше, сравнивал значение Штакельберга в отношении к королю Станиславу Августу с перевесом мажордомов над Меровингами⁵.

Впрочем, иногда русскому дипломату в Варшаве приходилось бороться с разными затруднениями. Поляки обращались за помощью к другим державам; агитация против России не прекращалась; говорили о возможности устроить сицилийскую вечерню для всех русских в Польше; нередко вельможи осыпали короля упреками за то, что он не противодействовал умыслам трех держав, участвовавших в первом разделе. Штакельберг требовал

¹ «Сб. Ист. общ.», XIII, 280, 285, 288, 309; XIV, 256, 263, 267.

² Соловьев, XXIX, 212.

³ Там же, 231.

⁴ «Сб. Ист. общ.», V, 206.

⁵ Segur. *Memoires*, II, 170.

увеличения русского войска для более успешного сдерживания мятежного духа поляков. Когда во время беспорядков на сеймиках произошли кровопролитные схватки, Штакельберг доносил: «Мы должны смотреть на это событие, как на образчик сицилийской вечерни»¹. Довольно часто Екатерине приходилось силой оружия защищать православных в Польше против фанатизма католиков. В одном из писем к Потемкину Екатерина, жалуясь на «предерзости от поляков», требовала, чтобы, «в случае наглости польской, поступаемо было с твердостью, достоинству нашему и славе воинства нашего свойственной»². С королем Станиславом Августом Екатерина все время обращалась строго и бесцеремонно. Когда ему однажды вздумалось послать любимцу императрицы Ланскому знаки ордена Белого Орла, Екатерина в раздражении отправила подарок обратно в Варшаву. Немного спустя она требовала этот же орден для Ермолова, и, ³разумеется, желание императрицы было тотчас же исполнено³.

Понятно, что при таком положении дел король во время свидания с Екатериной в Каневе в 1787 году производил впечатление вассала, встречавшего свою ленную владительницу. Он явился просителем; представленную им в этом случае программу политических реформ приняли с холодной учтивостью, уклоняясь от решительного ответа на его просьбу о разрешении перемен в Польше⁴. Несчастный король не мог надеяться на Иосифа II, хотя император говорил, что не допустит дальнейших потерь Польши.

Турецкая война, начавшаяся вскоре после свидания короля с Иосифом и Екатериной, усилила волнение в Польше. Сегюр Сообщает в своих записках разные сведения о ненависти поляков к России⁵, а между тем Екатерина не переставала хладнокровно

¹ Соловьев, XXIX, 233.

² «Сб. Ист. общ.», XXVII, 352—353.

³ «Русская Старина», III, 321 и 476.

⁴ См. монографию Лиске в «Russische Revue», IV, 481—508.

⁵ Segur. Memoires, III, 547.

предписывать Штакельбергу самые крутые меры против строптивости подданных Станислава Августа.

Противники России считали возможным воспользоваться ее одновременной войной с Турцией и Швецией для проведения политических реформ в Польше. Пруссия явилась покровительницей Речи Посполитой, обещала полякам помощь и намеревалась положить конец вмешательству России в польские дела. Возник план уступить России некоторую часть Турции, но требовать от нее в то же время возвращения Финляндии Швеции, от Австрии возвращения Галиции Польше, причем Пруссия получила бы в награду за это Данциг и Торн и т.п.

В это время шла особенно успешно агитация национальной партии в Польше, которая 29 марта 1790 года заключила оборонительный союз с Пруссией. Мечтали о дальнейшем сближении между Польшей и Пруссией. Состоялся проект политической реформы, новой конституции; спешили с окончанием проекта, потому что ежеминутно можно было ожидать препятствий со стороны России. Хотели назначить саксонского курфюрста наследником Станислава Августа, объявить польскую корону наследственной, отменить конфедерации и *liberum veto*. Торжественное объявление новой конституции происходило 3 мая 1791 года. Король был в восхищении. Заговорили о великом будущем Польши; сравнивали новую конституцию с государственным правом Англии и Соединенных Штатов.

Вскоре, однако, оказалось, что политическая реформа была лишь результатом агитации меньшинства поляков. На сейме присутствовало не более 157 лиц, между тем как отсутствующих было 327. Большинство далеко не благоприятствовало реформе.

Спрашивалось, как отнесутся к новой польской конституции великие державы.

Нет сомнения, что Леопольд II поддерживал политическую реформу в Польше; даже считали вероятным, что он принимал участие в подготовке к государственному перевороту, происшедшему 3 мая 1791 года¹. И со стороны Пруссии приверженцы реформы не могли ожидать противоречия.

¹Sybel в «Historische Zeitschrift», XXIII, 72.

Совсем иначе относилась к этому делу Екатерина. Кобенцель доносил тотчас же после получения известия о конституции. «Я видел, что императрица, князь Потемкин и граф Остерман были сильно озабочены мыслью, что Польша при наследственной династии легко может достигнуть значения, между тем как пока, напротив, считали важнейшей выгодой для России, чтобы Польша никогда не выходила из своего ничтожества. Императрица сказала мне: нам нужно условиться об этом деле» и проч.¹

Екатерина по получении известия о новой конституции в Польше писала барону Гримму, что надеется вскоре узнать подробности этого дела. «Впрочем, — сказано далее, — мы на все готовы и не остановимся ни перед каким препятствием»². Собрав затем подробные сведения об этом событии, Екатерина в другом письме к Гримму жаловалась на непоследовательность поляков, «своим сумасбродством превосходивших парижское национальное собрание» и уничтоживших вместе с *liberum veto* и с выбором королей главные основы польской свободы. И все это, заметила императрица, произошло оттого, что король Станислав Август распустил слух о предстоящем новом разделе Польши. «Увидим, — сказано в заключение, — что король сделает со своими двумя присягами, бросит ли он в огонь прежние *Pacta conventa*, отправится ли он в Венецию для участия в карнавале» и т.п.³

Кобенцель доносил, что Потемкин начал было думать об образовании конфедерации в соседних провинциях Польши для борьбы против конституции. Екатерина писала преемнику Штакельберга в должности русского посла в Варшаве, Булгакову: «Мы, как и прежде, останемся спокойными зрителями, пока поляки не станут просить нас о помощи для восстановления прежних учреждений Речи Посполитой».

Екатерина имела еще особую причину отложить до поры до

¹ Liske. «Zur polnischen Politik Katharinas 1791» в журнале «Historische Zeitschrift», XXX, 282.

² A tout evenement nous sommes parfaitement prepares et morgue nous ne plierons pas devant le diable. Tiens, souffre douleur, je vous le promets. «Сб. Ист. общ.», XXIII, 519.

³ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 534.

времени решительные действия против конституции 3 мая 1791 года. Пока она была занята турецкой войной, раздробление сил и средств России могло казаться опасным. Впрочем, Екатерина уже и прежде в письмах к Штакельбергу говорила, что никогда не согласится на введение в Польше наследственной монархии, а также не допустит назначения наследника при жизни короля. Теперь же она, не приступая пока к решительным мерам, в двух записках, отправленных к Потемкину летом 1791 года, изложила свой взгляд на этот предмет. Здесь сказано между прочим: «Мы не желаем разрыва с поляками, хотя после столь наглого с их стороны нарушения дружбы, после ниспровержения гарантированных нами учреждений, после многих нанесенных нам оскорблений имели бы на то полное право». Затем императрица говорит о средствах, которые можно использовать для того, чтобы отвлечь Польшу от Пруссии, и упоминает о тайном проекте Потемкина, относившемся к воеводствам Киевскому и Брацлавскому и к Подолии, т.е. о возможности дальнейшего приобретения части Польши и т.п.¹

В новейшее время стало известным, что Потемкин уже в 1790 году составил проект второго раздела Польши. В письме от 18 марта этого года он указывает на выгоду, состоящую в приобретении вышеупомянутых провинций².

В рескрипте от 18 (29) июля 1791 года Екатерина, сильно порицая образ действий поляков, указала на возможность вызывать в самой Польше протесты против конституции 3 мая, покровительствовать протестующим и этим уничтожить замыслы представителей реформы; она прямо указывала на необходимость образования конфедерации³.

Таким образом, Екатерина начала действовать против политической реформы в Польше, усиление которой могло быть опасным для России. Оставаясь верной началам прежней по-

¹ Historische Zeitschrift, XXX, 286—295.

² Там же, XXXIX, 237 и след.

³ «Русский архив», 1865, 758—765. См. статью Лиске в журнале «Historische Zeitschrift», XXX, 286—301, и XXXIX, 232 и проч.

литики в отношении к Речи Посполитой, она не могла допустить перемены в польском государственном праве. Даже и те историки, которые резко осуждают насилие и бесцеремонность образа действий императрицы в этом случае, отдают полную справедливость осмотрительности, ясности, последовательности и решимости мыслей и действий императрицы в этом деле¹. Она ждала лишь окончания турецкой войны для принятия энергичных мер против Польши. Все было обдуманно и приготовлено; был составлен проект второго раздела; вскоре можно было приступить и к его исполнению².

Второй раздел

Пока продолжалась турецкая война, Екатерина предписывала русскому послу в Варшаве крайне осторожный образ действий. Она не сомневалась в том, что рано или поздно в самой Польше возьмет верх оппозиция против новой конституции и что тем самым окажется легко возможным вмешательство России в польские дела. Можно было ожидать немедленного образования конфедерации против приверженцев нового порядка. В то время, когда в Яссах проходили переговоры о мире, туда прибыли некоторые знатные поляки, например Феликс Потоцкий и Северин Ржевусский, с целью просить покровительства императрицы и условиться с Потемкиным, а затем, после кончины последнего, с Безбородкой о мерах к успокоению Польши³.

Тотчас же после заключения Ясского мира Екатерина принялась за польские дела. В это время главное внимание других держав было обращено на французскую революцию. Екатерина желала воспользоваться этим для того, чтобы свободнее действовать в Польше. «Я стараюсь, — сказала она в беседе с Хра-

¹ Лиске. Калининка.

² См. замечания Лиске в журнале «Historische Zeitschrift», XXX, 302—303.

³ Разные данные об отношениях Безбородки к этим полякам в «Сб. Ист. общ.», XXVI и XXIX.

повицким, — втянуть берлинский и венский дворы в дела французские. Прусский бы пошел, но останавливается венский¹; у меня много предприятий не конченных, и надо, чтобы они были заняты и мне не мешали»².

7 марта 1792 года Екатерина, говоря с Храповицким о Поттоком и Ржевусском, заметила: «Как их не принять? Один 30 лет нам верен и предан, а другой из неприятеля сделался по обстоятельствам нам другом, потому что польская республика не может устоять без России. По польским делам есть один из самых неблагодарных: это король»³. В письмах к Гримму императрица жаловалась на то, что партия реформы в Польше состоит в связи с якобинским клубом в Париже и что король, обнаруживая неблагодарность к России, находится под влиянием столь опасных элементов. Очевидно, заметила Екатерина, Станислав Август в своих действиях рассчитывал на крайнее изнеможение России и проч.⁴ И в других письмах к барону Гримму встречаются резкие отзывы о короле, о его склонности к измене, о его двоедушии. «Его польское величество, — сказано в письме императрицы от 26 августа 1792 года, — считает своей задачей возбудить свой народ против России потому только, что Россия любила Польшу, а он хотел погубить ее»⁵.

С самого начала 1792 года предприняты были со стороны России систематические действия против реформы в Польше. Остерман объявил прусскому посланнику Гольцу, что соединение Саксонии с Польшей заключало бы в себе опасность для России и Пруссии. Екатерина писала: «У нас трактаты с Польшей; трактаты имели для нас всегда священную обязанность, и так как от этого зависит безопасность империи со стороны Польши, то у нас не будет других правил, кроме наших трактатов. Все, что противно нашим трактатам с Польшей, против-

¹ «Je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudees franches».

² Храповицкий, 14 декабря 1791 г.

³ Там же, 7 марта 1792 г.

⁴ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 567, 571.

⁵ Там же, 577.

но нашему интересу. Заключив трактат с республикой, гарантировав *Pacta conventa* (ограничительные условия) нынешнего короля, нарушенные конституцией 3 мая, не соглашусь ни на что из этого нового порядка вещей, при утверждении которого не только не обратили никакого внимания на Россию, но осыпали ее оскорблениями, задирали ее ежеминутно. Но если другие не хотят знать России, то следует ли из этого, что и Россия также должна забыть собственные интересы? Я даю знать господам членам Иностранной Коллегии, что мы можем сделать все, что нам угодно, в Польше, потому что противоречивые полуволи дворов венского и берлинского противопоставят нам только кипу писанной бумаги, и мы покончим наши дела сами. Я высказываюсь враждебно только к тем, которые хотят меня испугать. Екатерина II часто приводила в трепет врагов своих, но не знаю, чтобы враги Леопольда II когда-нибудь его трусили». Когда некоторые лица советовали составить русскую партию в Польше и делать внушения соседним дворам, то Екатерина написала: «А я говорю, что дворам не сказывать ни слова, а партия сыщется всегда, когда нужно будет. Нельзя, чтоб не было людей, кои бы лучше желали старину, тут же дело идет о продаже староств и о уничтожении гетманов. Взять, кажется, тут Волинию и Подолию много разных предлогов, лишь выбрать»¹. Россия всячески старалась произвести в Польше контрреволюцию. В особенной декларации Екатерина подвергла острой критике образ действий партии реформы. Явились русские войска для поддержания дипломатических действий русского правительства. Таким образом, состоялась Тарговицкая конфедерация. Указывая на опасность, грозившую Польше по поводу приближения генерала Каховского с войском, прусский дипломат маркиз Люкезини сказал: «Гром гремит вдалеке; небо омрачается со стороны Борисфена; гроза приближается и ясность 3-го мая исчезнет навсегда»².

Польша не могла не уступить России. 7 июля ночью приехал к Булгакову литовский вице-канцлер Хрептович от имени

¹Соловьев. «Падение Польши», 259—260.

²Там же, 268.

короля просить перемирия. Булгаков советовал «чистосердечно и с доброй верой прибегнуть к великодушию ее императорского величества». Хрептович говорил: «Намерение и желание короля и всех любящих отечество поляков есть: предложить польский трон с наследством для великого князя Константина Павловича, с просьбой к ее императорскому величеству учредить новое и прочное правление для Польши». В этом же смысле и сам король писал к императрице. Польша находилась в руках России. Две трети страны были заняты русскими войсками. В польской столице, у театра, приклеили сатиру на лагерь под Варшавой: «Антрепренеры национальной защиты будут иметь честь дать печальной публике представление новой оригинальной комедии, сочиненной варшавским военным советом, под названием: «Экспедиция против комаров, или Смехотворный лагерь за Прагой»; затем непосредственно актеры, немецкие и русские, дадут большую трагедию под названием «Разрушение Польши». Так как последняя пьеса стоит казне около 20 миллионов, то вход для публики бесплатный»¹.

В ответ на письмо короля императрица требовала решительно, чтобы Станислав Август присоединился к Тарговицкой конфедерации, т.е. отказался бы формально от своего проекта политической реформы и от конституции 3 мая 1791 года. Король был в отчаянии, выразил желание отказаться от престола, требовал по крайней мере гарантии ненарушения территории Польши и проч. Булгаков объявил, что о каких-либо условиях не может быть и речи. Таким образом, король должен был повиноваться и присоединиться к Тарговицкой конфедерации. Русские войска вступили в Варшаву. Вожаки партии реформы искали спасения в бегстве. Новый русский посол, преемник Булгакова, Я.Е. Сиверс, располагавший весьма значительными средствами, распоряжался ими во всех отношениях по своему усмотрению.

Одновременно начались переговоры с Пруссией о втором разделе Польши. После неудачного похода в Шампань Пруссия хотела чем-нибудь себя вознаградить и требовала присоеди-

¹ Соловьев. «Падение Польши», 277—281.

ния некоторых польских областей. Чем более Польша становилась жертвой России, тем менее Пруссия могла допустить, чтобы вся Польша стала добычей Екатерины. Прусское войско под начальством генерала Меллендорфа появилось в пределах Польши. В то время, когда в Петербурге происходили переговоры между Зубовым и Гольцом, Сиверс в Польше старался прийти к некоторому соглашению с прусским дипломатом Бухгольцом. Таким образом, обе державы легко условились о разделе. Пруссия взяла область, составляющую нынешнюю Познань и некоторую часть земли на границе Силезии. Россия получила Волынь и Подолию и часть Литвы. Не без некоторых затруднений и препятствий состоялось и соглашение с Австрией¹.

Созвание Гродненского сейма, волей-неволей одобрившего результаты военных операций и дипломатических переговоров великих держав, было возможно благодаря успехам русского оружия и русским деньгам. Вскоре все было улажено в смысле интересов России, которая приобрела в этом случае 4533 квадратных миль и около 3 миллионов жителей. Игельстром, преемник Сиверса, занял Варшаву. В дневнике Храповицкого сказано 24 февраля 1793 года: «Из Риги получено по почте письмо Северина Ржевусского в собственные руки. Он делает возражение на разделе Польши и описывает, сколь затруднительно теперь положение его и графа Потоцкого. Он не верит, чтобы была на то воля ее величества». (Затем слова императрицы): «Я думала войти в Польшу к готовой конфедерации, но вместо того войска мои дошли до Варшавы, и конфедерацию открыли за спиной армии. Они сами не сдержали слова, и теперь беру я Украину взамен моих убытков и потери людей». (Затем замечание Храповицкого): «Читали с насмешкой и велено скорее заготовить ответ»².

В августе 1793 года Екатерина писала к графу Ивану Чернышеву: «Вы меня не поздравляете с конибелькой (т.е. колы-

¹ «Сб. Ист. общ.», XXVI, 430; Blum, III, 153; Herrmann. «Ergänzungsband», 367 и след.

² Храповицкий, 24 февраля 1793 г.

белькой) русской, т.е. с присоединением к империи трех прекрасных и многолюдных губерний, которому вы, конечно, обрадуетесь»¹.

Сиверс исполнил свой долг с решимостью и не обращая внимания на интересы короля и Польши. Принужденный обстоятельствами употреблять насилие и строгость, он написал к своей дочери между прочим: «Держать под арестом короля и целый сейм! Это задача, тяжелая сердцу». Нужно было силой заставить сейм согласиться на признание договора, заключенного с Пруссией. Однако образ действий Сиверса оказался целесообразным. Россия получила львиную долю; она царствовала в Польше безусловно. Недаром Сиверс писал, что Польша в руках России — как мягкий воск, которому всегда можно дать любую форму по желанию императрицы².

Третий раздел

В другом месте мы укажем на отношение Екатерины к французской революции. Чем более она была раздражена либерализмом национального собрания, тем сильнее ее оскорбляли отношения, существовавшие между недовольными в Польше и революционной Францией. При таком положении дел она считала себя вправе употреблять самые крутые меры для подавления мятежного духа в Польше.

С другой стороны, нельзя было удивляться тому, что после насильственных и плачевных событий в течение последних лет поляки не легко могли успокоиться. Уже прежде они сочувствовали Франции, так что могла появиться мысль о получении оттуда готовой конституции для Польши. Теперь же события революции должны были усилить сочувствие поляков к Франции. Искавшие спасения в бегстве поляки, виновники конституции 3 мая 1791 года, находились в Париже, в близких сношениях с членами Конвента. Революционные идеи могли

¹ Письма и бумаги Екатерины II, изд. Бычковым, СПб., 1873, 95.

² Blum, III, 371, 376, 453.

вовлечь Польшу в страшный кризис. Там начали мечтать о всеместном восстании против перевеса России.

Екатерина не могла относиться спокойно и равнодушно к подобному брожению умов в Польше. Она твердо решила поддерживать всячески авторитет России в Польше. Борьба против мятежного духа поляков сделалась неминуемой.

Когда в Польше после второго раздела обнаружилось сильное волнение, когда приверженцы политической реформы начали говорить о необходимости восстановления конституции 3 мая 1791 года и освобождении Польши от влияния России, Екатерина в самых резких выражениях осуждала образ действий поляков. Особенно то обстоятельство, что Костюшко и другие поляки отправились в Париж, где просили помощи Франции и в особенности надеялись на покровительство Робеспьера, содействовало раздражению Екатерины. Она писала к барону Гримму, что Костюшко и Мадалинский в Польше развернули «истинно якобинское» знамя бунта, намереваясь повесить всех не разделяющих их революционные мнения; немного позже императрица сообщила Гримму о намерении поляков отнять у прусского короля приобретенные им в результате второго раздела польские земли, что нужно было отправить в Польшу несколько сотен казаков, которые проучили поляков; теперь, добавляет императрица, можно ожидать, что французские агенты, обещавшие полякам 30 миллионов ливров для поддержания бунта, поспешат возвратиться на родину ради избежания виселицы. Довольно подробно в других письмах к Гримму говорится о военных операциях в Польше, о неудачных действиях прусских войск, осаждавших Варшаву, и проч.¹

Впрочем, инсургенты действовали не совсем безуспешно. Игельстром должен был оставить Варшаву, где было учреждено временное правление; приходилось принимать самые решительные меры. Суворов действовал удачнее пруссаков, разбил поляков при Мацеевицах и 4 ноября 1794 года штурмом взял Прагу. На другой день сдалась Варшава; 6 ноября русские войска вступили в польскую столицу.

¹ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 611.

В одном из писем к Гримму Екатерина отзывалась крайне неблагоприятно о Костюшке, взятом в плен русскими войсками¹.

Оказалось необходимым покончить с остальной частью Польши. В начале 1795 года между Австрией и Россией состоялось соглашение об условиях третьего раздела. Гораздо большие затруднения появились при переговорах, происходивших по этому же поводу между Россией и Пруссией. Антагонизм между Екатериной и Фридрихом Вильгельмом II усилился вследствие заключения в Базеле мира между Пруссией и Францией. Поэтому переговоры о польских делах продолжались несколько месяцев. Екатерина в самых резких выражениях осуждала образ мыслей короля и Герцберга. Не ранее как в октябре 1795 года состоялся договор о разделе Польши соответственно начертаниям императрицы и австрийского министра Тугута. Россия получила всю ту часть Литвы, которая осталась после второго раздела, все пространство между Неманом и верхним течением Буга, а также Курляндию, значит, область, занимавшую около 2000 квадратных миль; Австрии достались воеводства Краковское, Сендомирское и Люблинское; Пруссии — остальная часть Польши. Король Станислав-Август, отказавшись от короны, переселился на некоторое время в Гродно, а затем в Петербург, где и скончался в царствование императора Павла.

Екатерина специально занималась изучением истории России. Теперь же она в подробной записке старалась доказать, что присоединенные к России части Польши принадлежали когда-то России и что поэтому, не взяв ни пяди чужой земли, она не имела повода к принятию титула польской королевы.

В 1814 году известный государственный деятель Поццо ди Борго заметил, что главным содержанием новой истории России необходимо считать уничтожение Польши; достижение этой цели, говорил он далее, было необходимо для сближения России с Западной Европой, для усиления ее влияния, для удовлетворения ее честолюбия и проч. Это замечание можно отнести не только к Польше, но и к Турции, и к Швеции, и проч. Правда,

¹«Kostiuchko amene ici a ete reconnu pour un sot dans toute la valeur du terme tres au dessous de la besogne»; «Сб. Ист. общ.», XXIII, 617.

особенной последовательностью отличалась политика России при Екатерине в области польских разделов. Однако и в отношении к другим государствам заметны, как мы видели, те же самые черты стремления к власти, к расширению пределов России. Успех был замечателен. Хотя не удалось привести в исполнение первоначальный проект Екатерины, заключавшийся в том, чтобы превратить всю Польшу в вассальное государство, императрица могла быть довольна результатами своей деятельности в этом направлении. Поделившись добычей с Пруссией и Австрией, Россия приобрела важные области и значительно подвинула свои границы к западу.

Первым действием Екатерины в области внешней политики, как мы видели, было возведение на курляндский престол герцога Эрнста-Иогана Бирона. Царствование этого вассала России может считаться как бы переходным периодом для Курляндии, которой было суждено стать достоянием России. В действительности все это время Курляндия уже была провинцией России. Авторитет Польши в Курляндии исчез окончательно. Господствовало влияние русского правительства, всячески подавлявшего малейшие попытки сближения недовольных курляндцев с Польшей¹. Совершенно так же, как польский король Станислав-Август, и курляндский герцог Петр, сын Эрнста-Иогана, вполне зависел от русского посланника. Неоднократно Екатерина играла роль третейского судьи в разных спорах, возникавших в Курляндии². Еще за два года до окончательного присоединения Курляндии к России все предвидели такую судьбу этой страны. Между курляндским дворянством образовалась под покровительством графа Зубова партия против курляндского герцога. Присоединение Курляндии к России сделалось неминуемым. Повторилось в этом случае то же самое, что происходило с Польшей в несколько больших размерах. Разница заключалась лишь в том, что не приходилось из-за Курляндии вести пере-

¹Сб. Ист. общ., XVI, 91 и след.

²Bhm, III, 27.

говоры с другими державами. Все было по исключительному усмотрению русского правительства.

Польские и турецкие дела не переставали занимать Екатерину до последних дней ее царствования. В то время, когда состоялся третий раздел Польши, можно было считать вероятным разрыв с Турцией. Французские дипломаты старались возбудить Порту к нападению на Австрию. Екатерина должна была думать о приготовлениях к походу. При этом появились вновь обширные проекты, занимавшие Екатерину во время тесного союза с императором Иосифом II. Еще раз, в 1795 году, императрица мечтала о возможности занятия Константинополя¹. Турция оставалась опасным противником России. Турецкие шпионы в Малороссии и в Крыму старались вооружить население против русского правительства. В 1795 году между польским королем и султаном существовали кое-какие тайные сношения. Карл Сюдерманландский, регент Швеции, также старался сечь раздор между Портой и Россией. Таким образом, отношения между обеими державами оставались натянутыми. До конца своей жизни императрица не оставляла мысли о нанесении Турции окончательного, смертельного удара.

Персидская война в конце царствования Екатерины имела лишь эпизодический характер и не могла привести к важным последствиям. Нельзя было не защитить Грузии от нападений со стороны хана Астарабадского. Валериан Зубов действовал успешно на западном берегу Каспийского моря. Русские войска заняли Дербент и Баку; смерть императрицы положила конец военным операциям в этом крае.

И отношения к Швеции после Верельского мира не были особенно дружескими. В 1791 году даже считали возможным возобновление войны между Екатериной и Густавом III. Обе державы готовились к походу. Резкий и высокомерный образ

¹ «Русский архив», 1876, I, 218.

действий русского посла в Стокгольме Штакельберга произвел неблагоприятное впечатление. Несмотря на все это, между Екатериной и Густавом III был заключен наступательный союз против Франции. Войны между Россией и Швецией не было. О пребывании юного короля Густава IV в Петербурге в самое последнее время жизни Екатерины мы будем говорить ниже.

Также в последней части настоящего труда будет помещен разбор вопроса об отношении России к французской революции. Участвуя в борьбе против революционной Франции, Россия пожинала плоды прежнего вмешательства в дела Германской империи. Сначала коалиционная война против Франции служила Екатерине средством для отвлечения внимания других держав от польских дел; затем, однако, во время разгара радикализма во Франции, императрица обращала все большее и большее внимание на революцию, казавшуюся опасной для всех государей, для представителей высших классов общества в разных странах и для сторонников старого порядка вообще. Екатерина не дожидая эпохи Наполеона: она, однако, неоднократно говорила о необходимости диктатуры, которая могла бы положить конец революционному брожению во Франции.

ЕКАТЕРИНА АЛЕУФЕВНА

Великая Княгиня Всероссийская

CATHARINA ALEXEYNA

Magna Dux Russorum

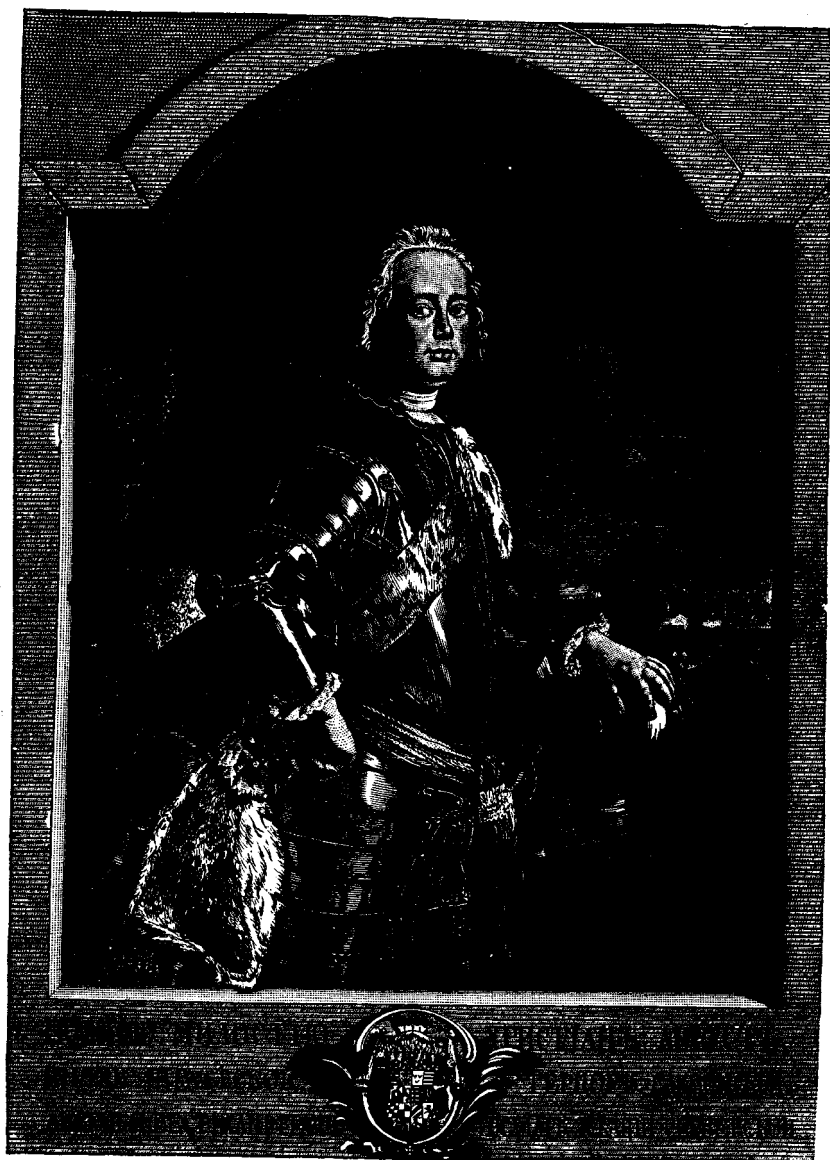
A. G. B. 1748

A. G. B. 1748

Великая княгиня Екатерина Алексеевна в 1748 году.

Императрица Елизавета Петровна.

Принц Христиан-Август Ангальт-Цербстский
(отец Екатерины II).

Принц Фридрих-Август Ангальт-Цербстский
(брат Екатерины II).

Принцесса Иоганна-Елисавета Ангальт-Цербстская
(мать Екатерины II).

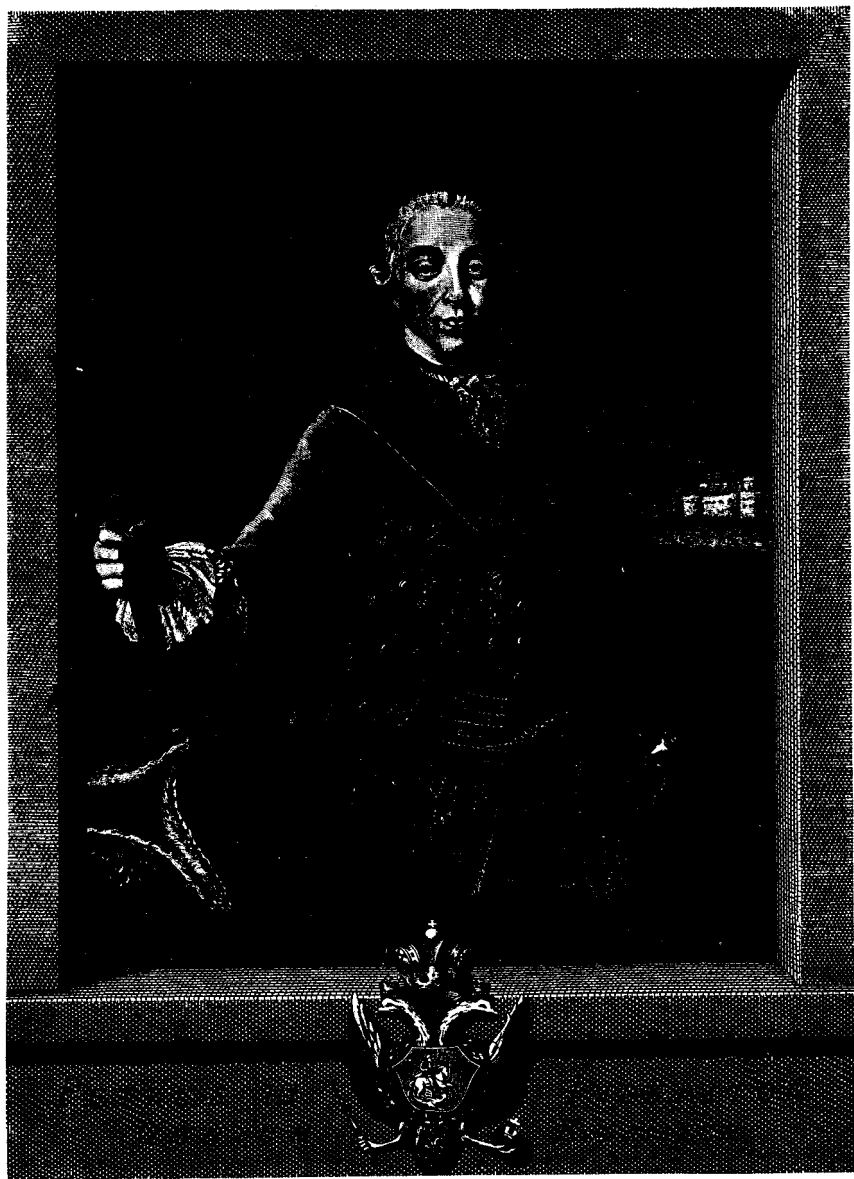

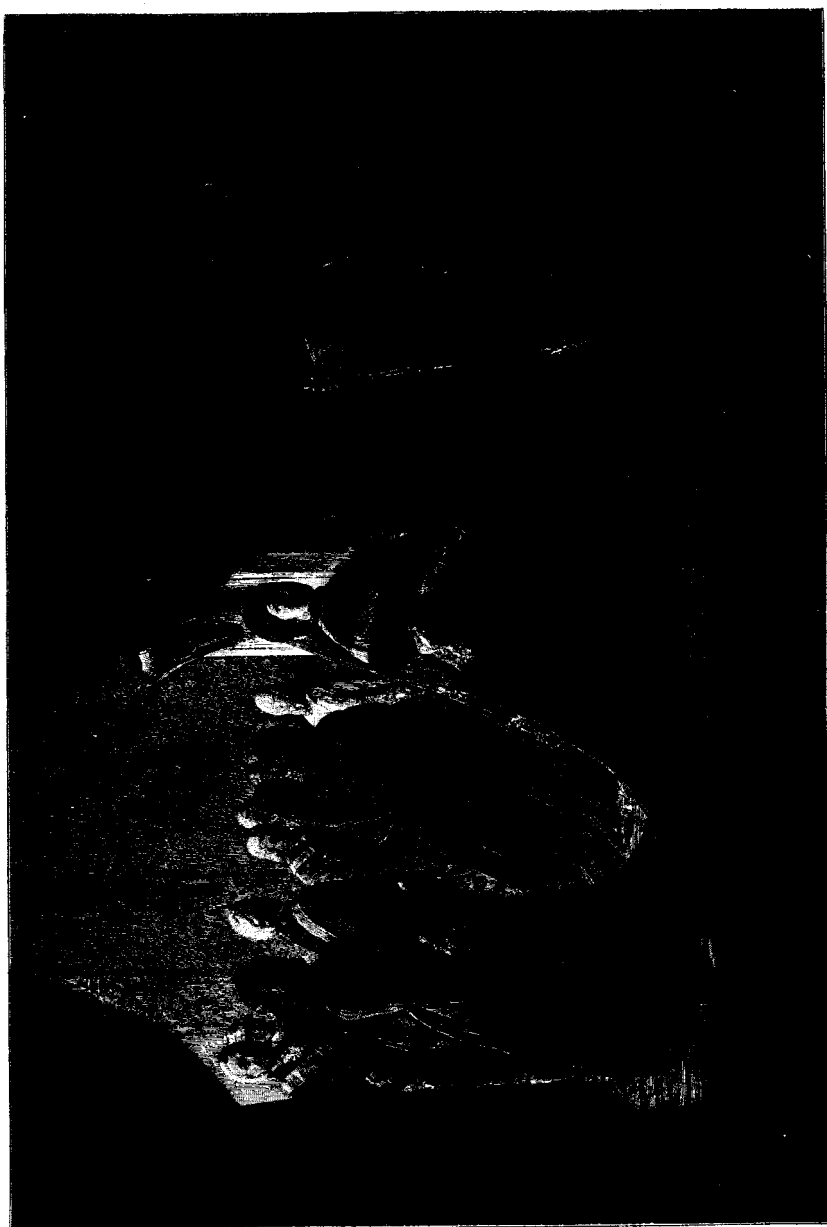
Великий князь Павел Петрович в 1758 году.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна в 1761 году.

Император Петр III.

Екатерина II у гроба императрицы Елисаветы Петровны.

Her High-
- the PRINCESS of
Polite as all her life in Courts had been,
nefs
DASCHKAW.
Yet Good as She the World had never seen.
 Published as the Act directs 22^d Octobr. 1771. by G. Scudovskoff.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

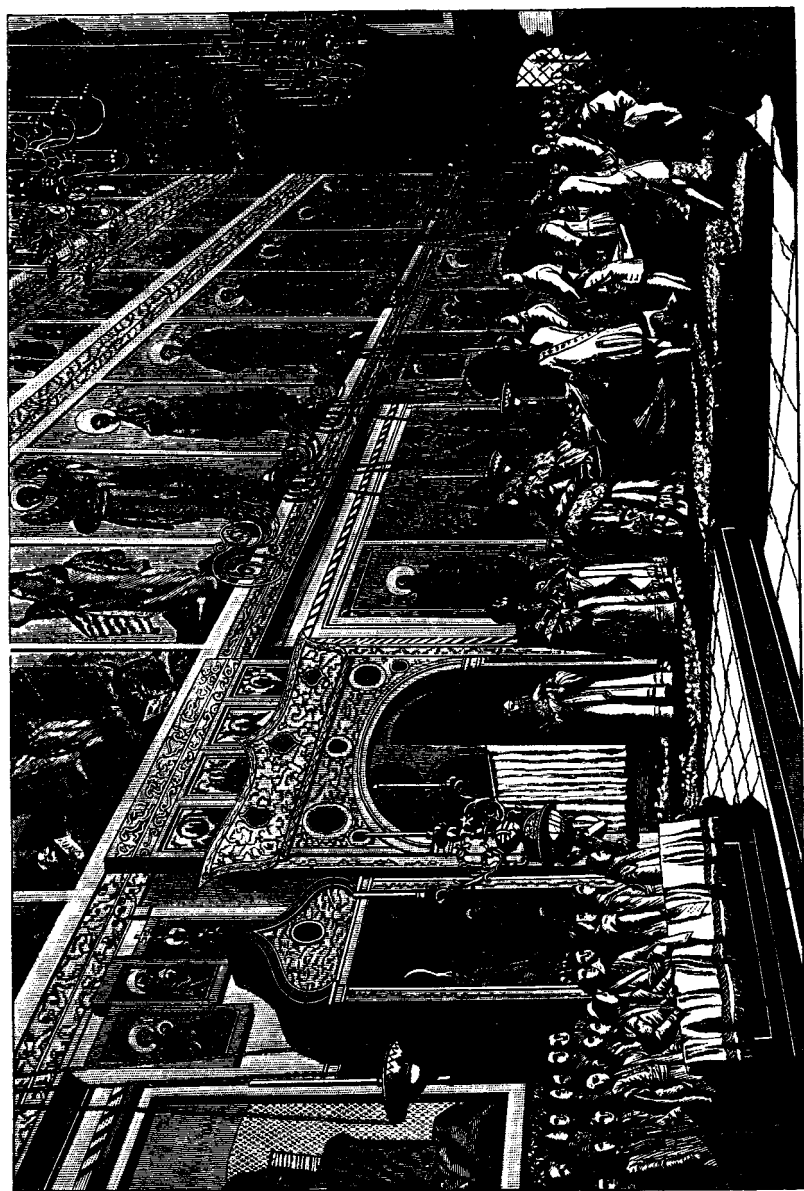
Граф Никита Иванович Панин.

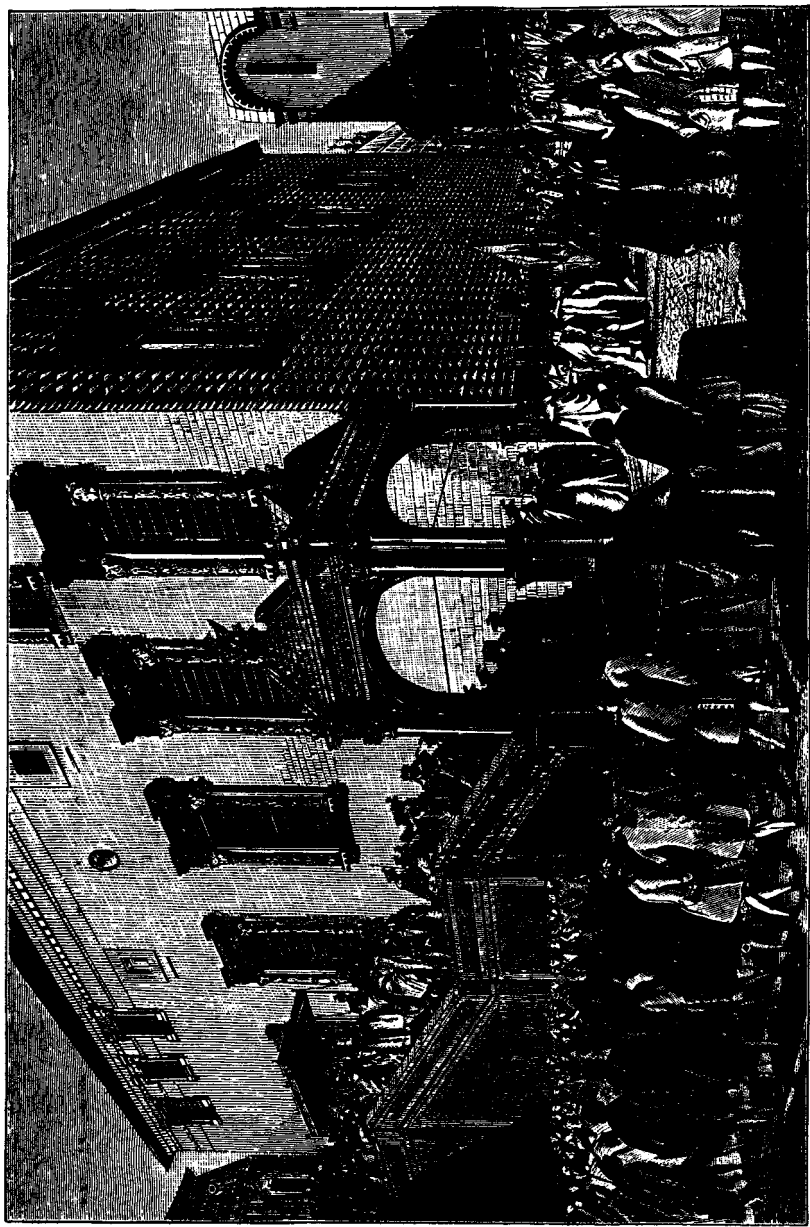
Аллегория, изображающая царствование Екатерины II.

КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.
Миропомазание.

КОРОНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.
Шествие с Красного Крыльца в Архангельский собор.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Внешняя политика	7
<i>ГЛАВА I</i>	
Личное участие Екатерины во внешней политике.	
Первые действия	9
<i>ГЛАВА II</i>	
Отношение к Польше до 1768 года	28
Курляндия	29
Польша	36
Выбор короля	39
Польша как вассальное государство России	48
<i>ГЛАВА III</i>	
Турецкая война до 1770 года	57
<i>ГЛАВА IV</i>	
Раздел Польши. Окончание турецкой войны	76
<i>ГЛАВА V</i>	
Отношение к Пруссии и Австрии	98
Война за баварское наследство	100
Приезд Иосифа II в Россию	112
Пребывание Фридриха Вильгельма в Петербурге	121
<i>ГЛАВА VI</i>	
Восточный вопрос до 1788 года	126
Россия и Порты после мира 1774 года	126
Союз между Россией и Австрией	131

Присоединение Крыма	137
Путешествие 1787 года	142
Разрыв с Турцией 1787 года	149
Война 1787 и 1788 годов	154
ГЛАВА VII	
Война со Швецией	164
ГЛАВА VIII	
Англия. Пруссия. Окончание шведской и турецкой войн	189
Англия	189
Пруссия	194
Шведская война 1789 и 1790 годов	195
Турецкая война до Ясского мира	203
ГЛАВА IX	
Последние годы Речи Посполитой	213
Конституция 3 мая 1792 года	213
Второй раздел	219
Третий раздел	224

Александр Густавович Брикнер

ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

в 3 томах

Том 2

Редактор Э. Пономарева

Художественный редактор И. Сайко

Технический редактор Г. Шитова

Корректоры Ю. Диамет, А. Ключикова

Компьютерная верстка А. Диамет

ЛР №030129 от 02.10.91 г.

Подписано в печать 03.04.96 г. Уч.-изд. л. 13,21. Цена 15900 р.

Издательский центр «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.